

КИРИЛЛ ШИШОВ

**РЕИНКАРНАЦИЯ
ЛЮБВИ**

(Лирический дневника 2010—2011 гг.)

г. Челябинск
Цицero
2012

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)
Ш65

Ш65 **Шишов К. А.**
Реинкарнация любви: лирический днев-
ник 2010—2011 гг. — Челябинск : Цицеро,
2012. — 400 с.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Вот и вышла очередная книга лирического дневника Кирилла Шишова «Реинкарнация любви».

Кто-то, прочитав ее, скажет: «Ну и что? Я тоже могу собрать все, что в голову пришло и вылить на бумагу. Она, как известно, все стерпит».

Кто-то тишком хмыкнет: «Автор, похоже, стыд потерял...»

Позволю себе не согласиться с заочными критиками. По сути, эта книга — кинолента мгновений, когда автор, потеряв жену, обретает Волей Провидения новую любовь, будучи не в силах противостоять естественной жажде жизни...

Тому, кто прошёл через потерю близкого человека (а кто из нас не проходит этот путь ежедневно и ежечасно?), понятно, что выхода нет, что «былое нельзя воротить...», но его печаль не оставляет. И что? Следом, в омут: «...И умерли в один день» — литература! Есть обязательства перед оставшимися на земле. И взвешивать «pro» и «contra» — задача не из школьного учебника.

Поддержка тактичных и мудрых взрослых детей спасает автора... Посещение великих столиц искусства, живая вода культурного наследия врачует,

постепенно освобождая от угрызений совести и чувства вины...

Так будем же признательны автору этих строк за искренность, прощая невольные промахи и торопливость признаний...

Уроки преодоления душевных потерь — потребность каждого живущего на Земле...

Владлен Феркель,
издатель

Март 2012 г.

ЧАСТЬ I
**ЭЛЕГИИ
ПРЕОБРАЖЕНИЯ**
(октябрь — декабрь 2010 г.)

ШКАТУЛКА

Жемчужно ожерелье,
Брильянтовая брошь...
Смотрю оторопело,
И пробирает дрожь:
Как мало было надо
Тебе для красоты,
И не было досады
От этой простоты...
Убогие подарки
Тебе дарил, скупясь,
За этой жизни яркость
И с небесами связь...
Ты мне детей дарила
И всю себя насквозь,
Недаром имя Мила
Тебе под стать пришлось.
О, милая, родная,
В шкатулочке под дуб
Вся жизнь твоя святая
И то, как был я глуп...
*08.10.2010 г. Дома,
открыв шкатулку из дерева*

Посвящается Ф. С.

ТРИ ДЕСЯТКИ

(цикл)

* * *

Обмануться чудесьем
Можно день. Можно ночь,
Коль исконным прелестьем
Чуду сможешь помочь.
Коли выманишь с леса
Оленёнка живьём
На волне интереса
Быть недолго вдвоём...
Сотворённое чудо —
Это страсть и восторг
Пить вино из посуды
Губ горячих, как шёлк...
*09.10.2010 г.; 19-30
с. Варламово*

* * *

Эта баня. Этот веник.
Этот пар и нагота,
Словно заново рожденье
Афродиты неспроста...
Так доверчива лишь кротость
Прозревания судьбы,
Где изведена жестокость
И безжалостность мольбы,
Где отмолено страданье
И настоена мечта

На приливе сострадания,
Что диктует красота...

09.10.2010 г.; 21-30

Там же

* * *

Рядом с рябиной посажена ель,
Страстью единой мы дышим теперь.
Телом сплетаясь в порыве одном,
Горестный танец исполним вдвоём.
Жалость и нежность отныне пароль,
Если прилежно исполним мы роль.
Нерв сопряженья — отныне закон,
В каждом движенье грядущих времён...

10.10.2010 г.; 2-30

* * *

Я обретаю вновь жену
Подругу и супругу,
Когда тебя к груди прижму
Иль поцелую руку...
Все обретает снова смысл —
И дом, и день, и вечер,
И этих чисел тайный смысл,
И даже чёт и нечет...
Зачем задумана судьба,
Где стольких близких гибель...
У пограничного столба
Мы выстроим обитель...

10.10.2010 г.; 7-30

с. Варламово

* * *

Я умолял полгода Рок —
Распорядитель жизни —
Чтоб прекратил возмездья срок
Всех мук моих на тризне...

Я чашу горести испил
До дна и даже ниже,
Перед упрёками могил,
Не зная покоя в нише...
Но не даётся благодать
Мятущимся поспешно,
И раскалённая печать
У дьявола кромешна...
Другая женщина пришла
Лишь после испытанья,
Сгорела дочиста зола
Сомнительного знания.
И, боль волною охладив
Доверчивостью страсти,
Рок подарил мне снова миф
Любви безмерной власти...

10.10.2010 г.; 14-30

* * *

Три десятки раз в тысячелетье
Выпадают только для того,
Чтоб любви продлилось долголетье
Волею бессмертной богов.
У богини Флоры много таинств...
Букву лишь одну переменя,

Флюра мне явилась неслучайно
Искрой азиатского огня...
Кончилась украинская песня,
И зурною зазвучал восток...
Чем твоё грядущее безвестней —
Тем очаровательней восторг.
Вот легла, раскрыв навстречу тело.
Снова юной страстью я горю.
И душа для таинства созрела,
Присягнув на верность октябрю...
10.10.2010 г.; 16-30

* * *

Уходит в зиму медленно Природа,
Оковывая бронзою леса.
Пронизывают зелень небосвода
Пронзительностью птичьего голоса.
И заморозки утренние зреют
Задумчивостью листьев и цветов,
А солнце полудённое так греет,
Что ты опять блаженствовать готов...
И это время свадеб и раздумий,
Старинный праславянский Новый Год,
Скопление сил перед зимой угрюмой
И выстраданной нежности исход...
Я вспомнил Милу снова со слезами...
И вот она, меня благодаря,
Преимницу дала мне для дерзанья
В такой же день начала октября...
10.10.2010 г.; 18-40
г. Челябинск, возвращение домой

ИСКУССТВО ЖИТЬ

Немудрёное искусство жить —
Жить да поживать, не унывая...
Это ведь почти искусство лжи,
Нужного трамвая поджидая...
А, по-моему, не надо ждать
Жизненного жалкого комфорта,
И событиям жадно угождать,
Как ведит сердечная реторта.
Нет! Опережая дни, я рвусь
К чаемому доблести порыву,
Чтоб себя раздать, как наша Русь
В самоотвержении надрыва...
Пусть эмблема этого огня —
Ящерка, смарагд или саламандра,
Все законы лживы для меня,
Ибо сам я вроде бронтозавра.
11.10.2010 г.

СУГОМАК МОЕЙ МЕЧТЫ

(цикл)

* * *

Сугомак моей мечты —
Горная вершина
Изъяснимой красоты,
Где внизу — долина...
Ты явилась в октябре
Перед холодами

В огнедышащей заре,
В золотистой гамме...
Так прозрачен воздух стал.
Каждый камень виден.
Солнцем светится кристалл
Хрусталём открытий...

12.10.2010 г.; 11-45

г. Кыштым, дорога на В. Уфалей

* * *

Заложник времени — я сам,
И ведаю границы,
Доколь вершиться чудесам
И превратиться... в птицу...
Поскольку только с высоты
Обзор открыт грядущий,
Где в нем останешься и Ты,
Что мне была влекущей...
Оттуда я увижу сад,
Где Ты смеёшься славно,
В котором яблоки висят
И опадают плавно...
О, Ева всей моей судьбы.
Красивая. Нагая.
Услышишь ли мои мольбы,
Богиня дорогая...

13.10.2010 г.; 19-15

Гостиница в В. Уфалее,
после лекций — 12 часов (6 пар).

* * *

Снова Касли. Обречённость повсюду.
Бешеный ветер срывает листы.
Колокол храма, подвластного чуду,
Медленно бьёт. Звуки властно-грустны...
Я вспоминаю те дни пустоты
Позднего мая с угадкой остуды,
Как я тогда выбирался отсюда
К койке больничной... Жива ещё Ты...
Лето прошло, как ушла Ты навечно.
Но не стихает ни ветер, ни боль.
Так и останусь уродом увечным —
Без королевы бездарный король...
Колокол бьёт. Подступают морозы.
Не высыхают горячие слёзы...

14.10.2010 г.; 18-00

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

(цикл)

* * *

Благодарю тебя, Господь,
За эту женщину вторую...
Ты подарил не только плоть,
Но душу верную, живую.
Всегда бедой окружена
И, как и я, калёна смертью,
Она изведала сполна
Юдоль житейской круговерти.

Её рассказы о судьбе —
Почти библейские преданья...
Спасибо — говорю тебе,
Не в силах сдерживать рыдания...

15.10.2010 г.; 2-30

*Долгие беседы с Ф. о судьбе семьи,
о её матери, имевшей пять детей.
Двое умерли в 50-е годы*

* * *

Твою целую нежно грудь...
Ровесники заснули в склепе,
Окончив богоданный путь.
И мне туда бы заглянуть
Иль ощутить на теле — цепи...
А я в бреду великолепий
В твоей души вникаю суть...
Я, видно, отмолил у Бога
Ещё судьбы счастливый миг,
И не окончена дорога,
Чей я — прилежный ученик.
В чём тайна этого даренья
В семидесятый день рожденья...

15.10.2010 г.; 3-00

* * *

В семидесятый день рожденья,
Конечно, мне не привыкать
Обряда знать благословенье,
Как близость тела обожать...

Несут года мои печать
Высокой страсти озаренья,
И трудное отдохновенье
Даёт широкая кровать...
Её оставила жена,
Как будто завещая нежность,
Сама уйдя теперь в безбрежность,
Где вечный мрак и тишина...
Но, от разлуки истомясь,
Стелю я новых простынь бязь...

15.10.2010 г.; 3-15

* * *

Стеля роскошных простынь бязь,
Я новой женщине позволил,
Прелестной кожей светясь,
Отдаться в утешеньи боли...
Все это чудо — в Божьей воле.
Лишь он, меня не швырнув в грязь,
Мне сохранил и пыл, и страсть
И милость дал мне в горькой доле...
Я соучастие познал
На новых простынях кровати,
И бронзы потеплел металл
От наших истовых объятий...
А надо мной — жены портрет
Девических далёких лет...

15.10.2010 г.; 3-30

* * *

С девических далёких лет
Почти полвека пролетело,
А на кровати новой тело
Другое мне пришлось обнять.
Судьбу немислимо понять,
Когда душа осиротела —
То одиночество хотело
Меня совсем с земли убрать...
Но так не допустил Господь,
И, взяв к себе мою супругу,
Он щедро подарил, как другу,
Царицы Савской блеск и плоть...
Лежит сокровище Востока
У левого, где сердце, бока...
15.10.2010 г.; 3-45

* * *

У левого, где сердце, бока
Лежит царица, как струна,
Волшебна в мире одинока,
Ничья ни мать, ни жена...
Но как же мне она нужна,
Ко мне дождавшаяся срока,
И бед обточена потоком,
И бескорытием нежна...
Глаза, как сабли. Рот, как рана.
А профиль — хански-горбонос.
И смотрит пристально и странно,
Тая застенчивый вопрос...

А засмеётся серебристо —
Как будто зазвенят мониста...
15.10.2010 г.; 4-00

СНОВА ПОРТРЕТ МИЛЫ

Твои голубые глаза на портрете
С каким удивленьем глядят на меня...
Ну, полно, родная. Жила Ты на свете,
Потом умерла на холодном рассвете,
В глазах удивленье навек сохраня...
Девичий портрет. Ему боле полвека.
И, кажется, губы вопрос задают:
«Зачем рождена я? Не знаю ответа.
Кого полюбить? Не дают мне совета.
Зачем умерла я за пару минут»...
Родная. Любимая. В шапке лохматой.
Потёрт и повыгорел твой воротник.
Зачем удивлённо ты смотришь куда-то,
Где даже и Ангел Небес не проник.
Нет в мире ответов на эти вопросы.
Я тоже взываю: «Зачем ты ушла...»
Румяная девушка выглядит просто.
Готова со мною идти на геройство.
Но только... Но только... Чуть-чуть не дошла...
16.10.2010 г.; 2-10

МОИ СОВРЕМЕННОКИ

Мне жаль вас, мои современники,
Что ушли в пятьдесят, в шестьдесят...
Гниют мои соплеменники
Многие годы подряд...
А я кувыркаюсь в постели
В семьдесят славных лет
И с Флюрой на самом деле
Вокруг ощущаю свет...
У нас с ней — медовый месяц
И новый святой азарт,
Но каждый восторженно весел,
Как многие годы назад...
Потом мы сидим, болтаем,
Как Рембрандт и Хендрикё,
От нежности оба таем,
От всех обуз налегке.
Мы в жизни видали много,
А встретились — лишь сейчас,
И пусть зима у порога —
Но славная осень у нас...
17.10.2010 г.; 24-00

ФЛЁР САМООБМАНА

Какое счастье мне тебя обнять —
Красавицу из рода Чингиз-Хана,
И класть не на ковёр, а на кровать
Двухспальную, что для меня так странно...
И пусть над нами — флёр самообмана —
Восторг и радость нечего скрывать,

У каждого в былом — сплошная рана,
Но нынче можно раны врачевать...
Давай вообразим, что это — сказка,
И мы прожили только для того,
Чтоб нас связала искренняя ласка,
Как море тёплое без берегов...
Я обожать тебя не перестану
И рад поддаться сладкому обману...
18.10.2010 г.; 2-45

* * *

Оборванная сеть контактных проводов...
Мне не услышать впредь ни звука Твоих слов.
Нет записей Твоих, чтоб посмотреть в экран.
И нет печатных книг, Тебя напомнить нам.
Но есть Твоих одежд битком набитый шкаф.
А в них — Твоих надежд серебряный аграф,
Застывшая мечта, достойная цариц,
Нарядов красота — изделия столиц.
Что делать с этим мне? Их не возьмёт музей.
Ни по какой цене не дашь их для друзей.
И, суеверна, дочь их отвергает брать
И даже мне помочь и не желает знать.
Останется одно — жену другую взять.
И вместе заодно те вещи ей отдать,
Такую красоту из дома отпустить —
Контактных проводов обрезать вовсе нить...
26.10.2010 г.; 12-30
О. п. 142 км ЮУЖД

КАСЛИ

Каскадом каслинских озёр
Не ты ль стреножена, Россия,
И высох твой талантов бор,
И обезвожена вся сила...
Две сотни атомных «свиней»
Издавив некогда в натуге,
Закрыла ты грядущих дней
Рассвет в начальственном испуге...
Где твоя мощь, родимый край,
Изысканность и филигранность,
Когда ты ладил в ночь впотай
Вооружённости громадность...
Дошатах изб не перечесть,
Детей бездомных не исчислить.
Поруганы и стыд, и честь,
И благородство чистой мысли.
Стоит серебряный шелом
Громады храма два столетия,
Стоит вплотную перед злом —
Земного ада он наследник.
И каслинских озёр каскад
Блестит серебряно под небом,
Как крепостных времён возврат
С рекрутством горьким на потребу...
27.10.2010 г.; 18-00
Возвращение автобусом домой

* * *

О, женщина моя, с судьбой
Такой, подобной лабиринту...
Настоль ты стала дорогой —
Насколько мир подвластен ритму...
Так из затопленной кормы
Морского судна в океане
Выходим на поверхность мы
Во мгле житейских испытаний...
Пусть на исходе кислород,
Пусть глубина почти смертельна —
Всплываем мы. Дал Бог исход...
Так будем счастливы предельно...
31.10.2010 г.; 23-00

*Р. С. Посмотрев к/ф о Моммзене и
«Сивалосе» — о спасении первого в мире
экипажа с подводной лодки в 1938 г. в США
порт Портсмут. Изобретатель аппара-
та — Моммзен (швед).*

* * *

В искусности истинной страсти
Есть как бы древний урок:
Нет обаяния власти,
Где не участвует Бог...
Старая песня дорог
Мощно отводит напасти,
С злобностью мира в контрасте,
Нежностью царствуя впрок...

Как ты пленительна, нежность...
Как ты подобна цветку,
С кем садовода прилежность
Дарит стремленья ростку...
И прорастанье взаимно
Боль подавляет интимно...
05.11.2010 г.

БУРАН В НОЯБРЕ

(баллада)

Стоял сто тридцать пятый день,
Как засуха жгла землю,
Суля несчастье деревень
И город не приемля.
Засохли травы и поля,
Луга и перелески,
Потрескалась сама земля
И высохли подлески.
И боль щемила у меня
Предсердие и разум,
Когда посередине дня
Все изменилось разом...
Набегом тучи налегли
Тяжелые, как поезд,
И капли шелкнули в пыли,
К нашествию готовясь...
И вслед за ними липкий снег
Почти горизонтально

Под дикий свист, как печенег,
Возникнул моментально...
Нахрапом белый ураган
Так залепил пространство,
Как будто простынёй туман
Развесил вдруг экран свой...
И всю оставшуюся ночь,
Облепленные густо,
Деревья выли во всю мочь,
Изматывая чувства...
Казалось — всё сошло с ума...
И даже нас в постели
Спаяла слитно кутерьма,
Сквозь все проникнув щели.
Мы были сдавлены пургой,
Нахлынувшей так гневно...

Была ты раньше дорогой,
А стала мне — царевна...
07.11.2010 г.; 21-30
Вспоминая ночную пургу

СОЛОМЕННЫЙ ВДОВЕЦ

Соломенный вдовец, скажи на милость,
Неужто ты способен на любовь,
Неужто от потерь не проявилась,
В тебе вскипая, горестная кровь...
Неужто променять теперь способен
Всю царственную статью на сей обмен,

И некую обычную особу
Способен приютить уже взамен?..
Те гордые и царственные плечи,
Ту холодность, пленявшую тебя,
Готов ты заменить на страстный вечер,
Неискренне, должно быть, всё любя...

Увы, ты ошибаешься, Господь мой!
Я отыскал поистине брильянт,
Который оживить меня способен,
Мне подарив судьбу и весь талант.
И эта женщина, прелестная в постели,
Мудра, испытана и болью, и огнём,
И то, что ночью сделать не успели,
Мы наверстаем утром или днём..
07.11.2010 г.; 23-30

* * *

Не бывает дня. Минуты.
Когда б не помнил о Тебе..
Как больно, право, почему-то,
Как обошлась с собой в судьбе..
О, девочка моя родная,
Любимая и мать детей..
Зачем ушла... Не понимаю.
Мой спутник столько долгих дней..
Была Ты раньше фигуристкой —
Веселой, стройной, как лоза,

А нынче — в небо альпинисткой
Ушла наверх... И жжёт слеза..
08.11.2010 г.; 9-10
Утро дома

* * *

Как было ясно всё с тобой —
Молчунья. Скрытница. Услада.
Теперь ушла Твоя любовь.
Засохли яблони у сада.
Но не хочу я уходить
Из этой жизни полосатой,
И внуков я хочу любить —
Уж очень славные ребята..
08.11.2010 г.; 9-30

* * *

Плачешь ты по сыну.
Я плачу по жене.
Мы с тобой едины,
Что живём во сне..
Дай твои мне губы
И тесней прижмись —
В этой жизни грубой
Так мгновенна жизнь..
Неизбежна гибель,
Слёзы и тоска..
Задержать смогли бы
В пустоту броска..
08.11.2010 г.; 9-50

* * *

Я, вглядываясь в облик красоты
Прелестной женщины,
Пришедшей так внезапно,
В татарско-итальянские черты,
Вдыхаю твой неповторимый запах...
Мне чудится Кабирия* в ночи,
Идущая в несчастьи со слезами,
И музыка печальная звучит,
И тени потемнели под глазами...
Необходимо выстрадать любовь —
Закон на сей земле неповторимый,
И всё-таки я отправляюсь вновь
На эти муки с новой любимой...
12.11.2010 г.; 10-00

* * *

Тебе спасибо, отогнавшей тень
Моей ушедшей в прошлое супруги...
Она со мною пребывает день,
А ночью мы становимся, как слуги...
Уж я не чаял обрести подруги,
Уже отчаянья в ушах стояла звень —
Но ты, контрастная, как светотень,
Снимаешь постепенно эти муки...
Всё ближе мне твой профиль и анфас,
Извивы рук и тонкие запястья,

* Кабирия — героиня итальянского к/ф «Ночи Кабирии»,
в исполнении Джульетты Мазины (1960-е г.)

Не знаю — ожидать ли снова счастья,
Но как же оживаю я сейчас...
Властительница страхованья жизни —
Бесстрашием своим на раны брызни...
12.11.2010 г.; 10-10

* * *

За что тепла так эта осень...
Конечно, ты своим теплом
Оттуда доброту приносишь,
Чтоб не остыл пустой мой дом...
Живу и думаю о том,
Что подарила счастье проседей
Понять, как жить всегда добром
В эпоху зрелости колосьев...
Тогда идут навстречу люди,
Настолько сердцем хороши,
Что нет ни вечности, ни буден,
А только есть полёт души...
Спасибо, жизнь! В своих рассветах
Ты даришь нежности секреты...
17.11.2010 г.; 9-30

РАЗДУМЬЯ В ДЕНЬ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ МОЕГО

Никто не пожелал
Мне основной моей потребности:
Жить на земле, а не на небе,
И чтобы женщину ласкал...

Все говорили, что всё есть:
И книги, и семья, и дети,
Но Женщина нужней на свете,
Чем даже праведность и честь...

Но я молчал, их всех жалея.
И истина моя проста:
Чем старше мы — тем страсть сильнее,
Чтоб замирать уста в уста...
19.11.2010 г.

СТИХИ ФЛЮРЕ

(цикл)

* * *

Я целую тебя во все места.
Я целую тебя отнюдь неспроста.
Потому что жизнь без тебя пуста,
И тогда сторонюсь и боюсь куста...
Окружает в ночи тогда темнота,
Подступает тогда без тебя пустота,
Не присутствует в сердце моем красота,
Лишь присутствует углая простота...
Потому и целую тебя в уста
И в другие потайные тела места,
Потому что с тобой оживает мечта
И встречаемся страстно с тобой неспроста...

22.11.2010 г.; 9-00
Поезд на В. Уфалей

* * *

Азиатка моя, чей вырез судьбы
Сблизил наши набитые горечью лбы.
Наши дуги надбровные полны тоской,
Наши игры любовные —
Молнии взрыв шаровой...
Мы — двуспинные чудища.
Мы — двухголовый орёл.
Одетые в рубища,
А вокруг — золотой ореол.
Звери на лежбище.
Ветви сплетённые рук.
Страстное стрельбище.
Пули невидимой звук.
Доля юдольная.
Кожы шагренево́й дрожь.
Первопрестольное
Царское ложе вельмож.
Пламя янтарное
Между губами блестит.
И легендарное
Имя твоё серебрит...

22.11.2010 г.; 9-20

*Поезд В. Уфалей, проезжая
позади тюремной ограды
с колючей проволокой и вышками с часовыми
на ЧЭГРЭС*

* * *

Мы были заключенными
 В тюремные дома,
Мы были обреченными
 На торжище дерьма,
Мы были вовлеченными
 В коррупцию тоски.
Мы были развращенными
 Свои съесть мозги...
Но, как землетрясение
 Сдвигает косо клин,
Со скал воды падение
 Не знает дисциплин —
Так наши пальцы страстные
 Электромагнетизм
Своей державной властью
 Свёл в некий механизм...
И мы теперь вращаемся
 В неммыслимом кругу,
Во что мы превращаемся —
 Сказать я не могу,
Но только в непохожести
 На прошлое своё
Едины мы в убожестве,
 Свершая бытиё...

22.11.2010 г.; 9-45
ст. Шагол

* * *

Эта тайнопись приветствий,
 Эта мудрость нежных ласк,
Эта ложь несоответствий
 Так захлёстывает нас...
Серебро так кроет снега
 С семенами чернозём,
Так таинственная нега
 Укрывает нас вдвоём...
Так пейзаж меняет стужа,
 Обезлиствив все леса...
Перегукивает вчуже
 Птиц отлётных голоса...
В этом прелесть всякой сказки:
 Мех — снаружи, грех — внутри,
Настороженность опаски:
 В мир внимательно смотри.
И почувствуешь увече
 От беспечности вокруг...
Тяга наша человечья
 Бесконечна, милый друг...

22.11.2010 г.; 10-10
ст. Есаульская

* * *

Мы с тобой не родовиты,
 Но вельможнее иных...
Чем-то гордым плодовиты,
 Непохожестью странны...
 Непохож на толпы зодчий,
 Так как мыслит на века.

Непохож путеобходчик:
Горек опыт старика.
Мы такое накопили,
Что, потворствуя себе,
Выбиваем клочья пыли
В переменчивой судьбе:
Чёт и нечет. Быль и небыль.
Дебит, кредит и расход.
Думать некогда о хлебе,
Коли всё наоборот...
И в конце любого счёта,
Если бедам ход умолк,
Мы, подобно звездочётам,
Обнаруживаем... долг...

22.11.2010 г.; 10-35
ст. Аргаяш

* * *

Не о том идёт молва,
Что здесь рядом татарва.
Ни к чему о том слова,
Что живуча татарва...
Есть у всех свои права;
Татарва — не татарва.
Память предков коль жива,
Все мы родом — татарва.
Мать в могиле иль жива —
Коли помним — татарва.
Сад ухожен иль трава —
Коли можем — татарва.

Дом заложен иль дрова —
Если сдюжим — татарва.
Ну, а любит татарва —
На расстрел стоит у рва...

22.11.2010 г. ст. Бижеляк

Вид на Новогорный с громадой труб ТЭЦ,
а Озерск — на фоне этих труб

* * *

У всех свои невгоды...

Маруся, кашля.

21.11.2010 г.

Наверное, мы — хлеборобы
Какой-то особенной пробы,
Поскольку характер особый
Имеют и жёны — особы...
И наши крутые сугробы,
И наша приверженность сдобы,
А также боязнь неудобь,
Когда мы ложимся во гробы...

22.11.2010 г.; 11-30

ст. Кыштым

* * *

Мне хочется плакать — так солнце красиво,
И искрится снега волшебная сила.
И в небе лазоревом дым облаков,
Как будто бараньих десятки голов.
Безветренно. Тихо. В лесах молчаливо
Стоят над застылыми лужами ивы.
Корою на солнце ржавеет сосна,
На кончиках игл — из снегов белизна.
Я всё это вижу и думаю грустно,
А Ты насладиться не можешь искусством,
Ты спишь непробудно в застылой земле,
В бессолнечно-мрачной и проклятой мгле...
Так брошенный дом, чьи пустые глазницы
Сейчас промелькнул близи леса границы,
Один. Без хозяина. Впавший в распад,
От поезда тихо уходит назад.
Мне жалко его. И Тебя. И эпоху,
Которая тихо уходит со вздохом,
Где детство, и мама, отец и сестра,
Одна вся несущая чудо добра...
Бессильны как мы удержать всё святое,
Иконы поставив на аналое,
И только лишь солнца блестящий алмаз
С надеждой и верой приветствует нас...

22.11.2010 г.; 14-30

*ст. Силач (какое символическое
название крохотной станции)*

* * *

Только что позвонили по телефону:
Из жизни в октябре ушёл А. А. Бухарин —
историк, мой приятель 20—30 лет по городу,
знаток русского либерализма XIX века, эрудит и
диссидент по складу характера... Ему было 74 года
(1936 г. р.).

И недавно, 21 ноября ушёл Алексей Иванович
Шатров — мой приятель по ЧПИ — ЮургУ,
первый комсомольский наставник, доцент ка-
федры экономики и организации строительства,
специалист по сетевым методам, начитанный
умница и кристально честный, самоотверженный
земляк мой...

Увы, увы, судьбы трагичны и небеса не дрем-
лют...

11.12.2010 г.; 18-00

СОНЕТ О МОСКВЕ

Москва намоленой иконой
России будет навсегда
Её святынею законной
И признаком её стыда...
Когда над Родиной беда
И враг возжаждует полона —
Страна полна святого стона
И кровью полнится вода...
И извержением глубинным,
И низвержением основ

В ниспровержении бесчинства
Взмывает гнев её сынов...
Всё очищается от скверны
Усильем воли беспримерным...
25.11.2010 г.; 9-45

ЦИТАТА В РЕЗОНАНС

Что удивительно в здоровых семьях? Они способны на тесную связь и привязанность, но они также ощущают себя самодостаточными, уверенными в себе и свободными, так что не нуждаются друг в друге отчаянно... счастье, которое приносят им их отношения, является для них роскошью, подарком.

Поэтому их остальная жизнь не отравлена страхом неудачи, тревогой о том, как они будут жить, если потеряют партнёра... Чем больше человек радуется жизни, то, будучи **один**... он может поделиться со своим партнёром при следующей встрече...

Скиннер Р. Клииз Д. Жизнь и как в ней выжить. М. : Ин-т психотерапии, 2001. С. 16—17.

ЧАРЫ ИСКУССТВА (Москва)

*Пьер Ренуар «Обнаженная»
1876 г.*

Браслет и серьги золотые,
Испуганный и томный взгляд,
И груди грушами нагие,
И посинело-желтый зад...
А руки... Руки говорят,
Что миновали дни златые,
А впереди — метели злые,
А лучше будет ли... Навряд...
25.11.2010 г.; 15-00—18-00

*галерея современного
западного искусства*

У КОСТРА

Горит костер сибирской ножи,
Стволы сосновые горят,
И под Москвою на свободе
О чем-то люди говорят.
Один — в дохе и лисьей шапке,
Обычный русский киприот,
На русском выросший ландшафте,
Когда-то в прошлом патриот...
Другой — мой сын и продолжатель,
Объехавший немало стран,
И прибылей теперь искатель,
Обычный русский Магеллан...

И я — семидесятилетний
Провинциальный остопоп,
Их слушаю о мире сплетни,
Но их не спрашиваю в лоб...
Доктрина космополитизма
Теперь привычна, хоть темна,
В эпоху дней капитализма
Нелепо корчится страна.
Горят её леса и веси.
Сгорают люди все дотла...
А мир по-прежнему чудесен,
Хоть пахнет тлением зола...

27.11.2010 г.

На даче в Переделкино
у Кости Скворцова

НАТЮРМОРТЫ ЭПОХИ

В квартире сына натюрморты
Из континентов четырех —
Изделия такого сорта
Не займёт пустобрёх:
Индийские резные боги,
Венецианское стекло
И африканские пироги,
Где спички менее весло...
Американских сувениров
На полочках не перечсть —
От масок траурных сатиров
До голливудовских невест...

А что в коробках, и в пакетах,
И в чемоданах, и в узлах —
Для обитателей секретно
И, верно, переходит в прах...
Так мира дольного богатство,
Что концентрируем все мы,
Вершит над нами святотатство,
Смушая древностью умы...
Что создали мы в этом мире
И что мы сами по себе —
Гниющих кладбищу сувениры,
С вещами вещими в борьбе...
28.11.2010 г.; 6-00

* * *

Как жил когда-то Горький
На Капри — умер здесь,
В России на задворках,
Переболевши спесь —
Так мы, одолевая
Стремление к теплу,
Умрём в Руси сараeah,
Входя веков во мглу...
28.11.2010 г.; 6-10

*В квартире тихо, а на улице поют
пьяные песни дикими ражими голосами*

АХ, НАСТАСЬЯ...

(2-я внучка)

Ах, Настасья, ох, Настасья —
Ты красавица моя...
Ты, красавица моя,
Едешь в дальние края...
Два часа через столицу
Твой отец везёт девицу,
Ни в одном глазку нет сна —
Развлекается она...
То теребит погремущку,
То тарашится послушно,
То вслух песенки поёт...
Дед раскрыл в восторге рот...
28.11.2010 г.; 6-40

Тамаре Николаевне Скворцовой

* * *

Полвека знаю я тебя,
Любимая Тамара.
Мы оба прожили, любя,
И, верится, не даром...
Мы знали муку и печаль
И верности обеты.
Несла ты стойко долг врача
И долг жены при этом...
И не было другой семьи
Душевней и милее,

Что мы с женою обрели
В житейской лотерее...
Вот нет жены моей теперь,
А ты всё так же верно
Распахиваешь дружбы дверь,
Добра нелицемерно...

2010 г.

*После посещения их дома в Переделкино,
где я 25 лет назад повесил карниз в гостиной,
что висит до сих пор... И это вспомнил Костя*

ПОСЛАНИЕ К ВЕРЕ

(1-й супруге сына)

Ты, подарившая мне внука И сына первая любовь,
Ты, остающаяся другом — К тебе я возвращаюсь
вновь... Ты остаёшься одинокой Соломенной
теперь вдовой, Как бы наказанной жестоко
За нрав неукротимый свой... За раннюю любовь
и верность, За гордость, сыну вопреки, И всей
судьбы нелицемерность На берегах Москва-реки...
Теперь, когда моя супруга Лежит в хладеющей
земле, Любившая так сильно внука, Страдавшая
так по семье... Теперь о чём и говорить нам, Как ни
об этих прошлых днях, И в буднях бешеного ритма
Так уходящих в холодный прах... Давай припомним
дни былые, Как, девочкой тебя узнав, Я полюбил
глаза живые И твой упрямо-скрытный нрав... Как,
девушкой случайно встретив Тебя, любившую Его,
Я поддержал тебя советом Дождаться Принца

своего... Как свадьбы первой счастье сына На нас с Людмилой снизошло, И внука первого крестины Нам подарила ты тепло... Тогда — о, где же эти годы! — Так сладок был визит в Москву... Гармония былой свободы Теперь навеет лишь тоску. Зачем, зачем вы разорвали Свою божественную связь... Господь согласен был едва ли, Чтоб Мила плакала, крестясь... Как мы тогда переживали Разрыв ваш Лёшей, что, упрям, Солистом быть хотел в хорале И не послушен был церквям... Но, слава Богу, внук тобою И сбережён, и сохранён, Шишовской хваткой трудовой Весьма обильно одарён... О нём всегда страдала Мила И, сердце надорвав своё, До срока обрела могилу, Небесное нашла жильё... Как объяснить напор печали — Иль нетерпенье губит нас, Иль рано вы любовь венчали, Иль воля обманула вас... И всё же, Вера, благодарность Жива на сердце у меня — Ты воспитала не бездарность, А сына, полного огня, Единственного из Шишовых Способного продолжить род И жизни подарить основу В стремлении идти вперёд... Дай Бог тебе здоровья, силы, Уменья принимать судьбу, И сыну верной быть и милой, И видеть радость наяву... Сын возмужал, красив и строен, С отцом не ссорится умно, И за него я впредь спокоен — Ему прекрасное дано... Будь ласкова и сбереги нам Возможных правнуков сердца, Чтобы Шишовская былина Не знала срыва и конца... Мы не цари, не государи, Но мы российские сыны, Чей род в сноровке не бездарен, А предки — гибли для

страны... Поддерживай у сына гордость... Напутные мои слова Ему дадут, возможно, твёрдость Свои отстаивать права... Клянусь — коль правнука увижу, То я колени преклоню И добротой не обижу Идущего навстречу дню... Прекрасны матери и дети, Но бабушки нужней стократ... Хотел б я быть тому свидетель, За всех за Вас молиться рад... Незрим и труден путь достоинств, Он зреет в напряженьи воль... И с этой истиной простою Закончить мой рассказ позволю...

P. S. Не будет счастья без прощенья. Гордыня — истинный наш враг.

Нести нам следует мученья, Детей готовя для отваг...

29.11.2010 г.; 5-00—6-30

Перед визитом к Вере — бывшей моей снохе и матери единственного родового внука

ЧУЖОЙ ОБЫЧАЙ

Язычники какой-то касты,
Слышал, вытаскивают прах
Далёких предков, что, к несчастью,
Приходят редко к ним во снах...
И, чтобы побудить приход их
Почаще появляться к ним,
Они на утреннем восходе
К костям взывают дорогим...
Поют и славят их останки,
Танцуют возле черепов,

И скатерть стелют самобранку,
Чтоб пить за них, как за богов...
Не должно проливать там слёзы,
А должно предков восхвалять,
Стихами говоря и прозой,
Будь то отец иль даже мать...
Потом, с них гнидость очищают
И аккуратно снова в склеп
Останки предков помещают,
С вином закусывая хлеб...
И, как ни мерзостен обычай,
А все-таки в нём что-то есть,
Для нас, не знающих приличий,
Давно забывших стыд и честь...

29.11.2010 г.; 6-40

*Ассоциация на услышанное накануне
днем по радио «Континенталь»
в а/м у Алёши в Москве*

ПОСЛАНИЕ ОЛЕГУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КОРВЯКОВУ

(мужу моей любимой сестры Лизочки)

Олег Васильевич, не даром Так судьбы наши
сплетены, Они прошлись сплошным кошмаром
В былое горестные дни... Ты мужем был моей
кузины — Любимой Лизочки моей, Тому залог —
твои седины, Виденья одиноких дней... И, наконец,
ты мне поведал Судьбу таинственную дней,
Которую донесешь не ведал Я в утлой памяти моей...

Я Лизочку любил из детства, Как воплощенье
красоты, Какая нам дана в наследство, Как предков
праведных черты... Боготворя её святыню, Я с ней
дружил немало дней, И понимаю я отныне, Как
был я счастлив рядом с ней... Тогда, давно, отцом
презренна И сослана в тайгу почти, Она осталась
вдохновенно Служить звезде своей мечты... Потом,
мой друг, её увидя, Ты, покорён её красотой, Ты
стал судьбы её провидец, Назвав её своей женой...
Такой подвижницы прекрасной Не видел мир ещё
доднесь, Не зря возлюбленною страстной Она твою
сразила спесь... Ты оценил её богатство, Изменой
женщин удручён... Она же знала святотатство
И долг российских мудрых жён. Что ей Наташенька
Ростова И вся тургеневская шваль, Она такое
знала слово, Что было твердым, словно сталь... Ты
рассказал, какие были Тебя свели в её постель,
И мы твой подвиг не забыли — Он свят воистину
теперь... Увидел ты в уральском крае Не только
облик красоты — Но то, что люди обожали:
В ней долг и доброта слиты. Доднесь жаждут
все мужчины Священной верности от жён, А ты,
по некоей причине, Был к этой тайне приобщён...
И вот теперь, когда в могиле Покоится твоя жена,
Ты понимаешь суть всесилья, Как дорога тебе она.
Ты одинок. И тень виденья Тебя преследует в ночи,
Храни же святость Провиденья И о судьбе своей
молчи. Да, знаю я, какую цену Заплатит каждый за
мольбу, Что лёгкости идёт на смену, Чтоб поменять
свою судьбу... Теперь ты знаешь зов святыни —

Жены, любимой сорок лет... Храни же, Господом
любимый, Священной верности обет...

29.11.2010 г.; 24-00
полночь после встречи
с О. В. Корвяковым

* * *

Разбилось стекло — это плакал старик,
В окно накурившись под ветром,
И ветер унёс его горестный крик
На много других километров.
Разбилось стекло — он неловко окно
Хотел притворить после крика...
Разбилось стекло, и теперь всё равно:
Ведь жизнь вся разбилась так дико...

30.11.2010 г.; 18-00
Плача возле окна в подьезде
Алешинного дома

* * *

Мы водку пьём за упокой
И запиваем пивом,
Ведь наша жизнь была такой,
Такой, такой счастливой...
Красавиц жён нам не забыть
Теперь до самой смерти,
Нас остаётся просто жить
В бессонной круговерти,
И разговариваем мы,

Не слушая друг друга,
Ведь каждый слушает из тьмы,
Что говорит подруга...

30.11.2010 г.; 18-30

* * *

Когда расстался с грудью матери
То, верно, был какой-то страх,
Когда задуматься внимательно
О тех далёких временах...
Но, лишь теперь, с Тобой расставшийся,
Я понимаю глубже боль,
Когда, один теперь оставшийся,
Я ощутил, как был король,
Когда, к Тебе прильнув испуганно
В ту брачную святую ночь,
Что подарило время друга мне,
Чтоб страх пред миром превозмочь...
Всегда, всегда живой защитой
Та грудь роскошная была,
И на неё я мог рассчитывать,
Когда не шли мои дела...
Она была, как знак божественный,
Как изобилие судьбы.
Её высокая торжественность
Снимала тягу похвальбы...

Вот почему так обездоленно
Я тычусь в грудь второй любви...

Но разве может быть отмолено
То время, где мольбы мои...
01.12.2010 г.; 7-00

ПРОЩАНИЕ С МОСКВОЙ 2010 ГОДА (цикл)

* * *

Был я парень бунтарский
Из семьи пролетарской,
Из семейства законченных псов,
Были годы лихие,
Дули ветра стихии,
Я на подвиг был злобно готов...
01.12.2010 г.; 6-30;
Москва

* * *

Неужто я жив... И моё поколение
Так быстро под землю ушло...
Неужто я жив, и моё появленье
Так резво-бесследно прошло...
Ты дал нам, Господь, непомерную милость
Столь честно и ясно прожить,
Что дума в душе поколения гнездилась —
Мы подвиг должны совершить...

И мы совершили в Отечестве подвиг.
Но как его можно понять,

Ведь войны всегда человечество помнит,
А мир тяжелей сохранять...
Мы мир сохранили, не дали соблазну
Народ слепотой одурить...
У каждого подвига облики разны,
Сложнее себя сохранить...
01.12.2010 г.; 7-00

* * *

Приходи ко мне, родная,
Хоть совсем не понимаю,
Рождено как то родство,
В нас сближая естество...
В час томленья, в час разлуки
Разъедают сердце муки
От отсутствия тебя...
Жить нельзя нам, не любя.
01.12.2010 г.; 8-00

* * *

Сколько Рок ещё сулит
Огорчений и обид,
Нервных стрессов и услад,
От которых рад — не рад...
Невозможно обойтись нам
Не писать друг другу письма,
Не сближаться каждый день,
Чтоб ушла разлуки тень...
01.12.2010 г.; 20-30,
Москва. Дома

* * *

Когда ребёночья ручонка
Твоей касается руки,
Где волос поседело-тонкий
Имеют часто старики —
Как те касания легки...
Измотанные в вечной гонке,
Нам те касания девчонки
Доверчивы и дороги...
Я сразу вспоминаю годы,
Как их касались сын и дочь,
И исчезали все невзгоды:
Ребёнок дал их превозмочь...
Теперь и ты, родная внучка,
Даёшь мне силы слабой ручкой...

01.12.2010 г.; 11-30,
в аэропорту Домодедово
(Насте — 6 месяцев)

* * *

Есть ощущение блаженства,
Когда, стремясь издалека,
Согрет ты тёплой лаской женской,
Что ждёт приезда и звонка.
И пусть дорога нелегка
И нет на свете совершенства —
Так пусть не будет происшествий,
И будет теплою щека,
Которой ты легко коснёшься,
Почти почувствовав слезу,

А утром с радостью проснёшься,
Как будто миновав грозу...
Да, ощущение в жизни чуда
Не сможет побороть остуда...

01.12.2010 г.; 12-00,
перед изготовкой к взлёту самолёта
компании «Ак-барс» (Белый барс)

**Маша: «Смотри, дед, как музыкаль-
но всё вокруг!»** (ведя её из детского сада
при снегопаде).

**«А птицы не улетают, чтобы мы не
скучали, правда, деда?»**

ДВА СОНЕТА

* * *

Живу с одной — молодожёном.
С другой — дремучим стариком.
Нежданным горем обожженным
И примитивным дураком...
Кручусь, с реальностью знаком,
От матери слепорождённым,
Но не потворствую законам,
А оседлаю их верхом...
Я под себя седлаю время
Волшебной силою удач,
Хотя меня сгибает бремя
Сверхчеловеческих задач...
Но я равняюсь на титанов,
Как это ни было бы странным...

* * *

Как это ни было бы странным,
Но нашей славы старики
Через романсы и романы
Дают лекарство от тоски...
И испытания легки
Нововведеньям иностранным,
И юношей видны обманы,
И власти гордой тупики...
Мне нравится одно: любить
Ту красоту реальной жизни,
Где звезды солнечные брызнут,
В нас доброты сплетая нить...
Красивой Женщины величье
Созвучно девочке обличьем...
Декабрь 2010 г.

* * *

Александр Афанасьевич Золотов,
Задушевный и сказочный друг —
Лишь с тобою припомним мы молодость
Что внезапно промчалась так вдруг...
Помнишь наше пожатие рук...
Сколько было посуды расколото,
Когда время брало на испуг...
Сохранили задор мы в той зоркости,
Что немногим на свете дана,
И нескромности больше, чем гордости,
Чтобы помнить про те времена...

Так давай соберёмся компанией,
Чтобы славить судьбы понимание...
12.12.2010 г.

*Народной артистке РФ
Татьяне Предеиной, А. Соколову,
А. Золотову, Ирине Золотовой*

ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Мы — дети праведной России —
С бездетностью обручены,
Мы отвергаем путь насилия
Бесстыдно правящей страны.
Мы, на износ обречены,
Всё ж проповедуем всецелье
Классической всевластной силы
Неимоверной глубины...
Всемирно Родины наследье
В тоске прелестных лебедей
Векам дающее бессмертье,
Всеисцеляюще людей...
Но мы уходим. Звезды меркнут.
Летит над пепелищем беркут...
12.12.2010 г.

* * *

Глаза прикрыты. Стан упруг.
И пальцы выпрямлены четко.
И держит будущий супруг
Свой корпус дерзко-безотчётно...
Как балериной быть почётно,
Как сердце вздрагивает вдруг,
Когда, удерживая круг,
Кордебалет дробит чечётку...
Так от Кремля до тех краёв,
Где властвуют зима и вьюга,
Всесилен был балетный зов,
Владык смягчающий досуги...
А нынче власть, презрев балет,
Продержится немного лет...

12.12.2010 г.

*После встречи с Т. Надеиной
и А. Золотовым, с его Ирочкой и мужем Тани*

ОТ КОРО ДО ПИСАРРО

(триптих)

* * *

Великая плеяда стариков,
Вершителей французского искусства —
Лишь с Вами мир мой постоянно нов,
Исполнен сокровеннейшего чувства...
Не следуя двулличью моды прусской
И ханжеству классических оков,
Стеснительности нашей веры русской
И спеси альбионских берегов —

Вы Женщину прославили стократно
Не как богиню, сказку или миф,
А как чудесного явления невозвратность
И вожделья страстного мотив...
Я сам под старость понял тайну эту,
И вот — молюсь волшебному секрету...

* * *

И вот — молюсь волшебному секрету,
Необъяснимой чаре уст и рук,
Таинственности, сделавшей планету
Неповторимой колыбелью мук...
Кто б ни был я — любовник иль супруг,
В пору весенней иль в исходе лета —
Томленье сердца — вот моя примета,
А в одиночестве — унынье иль испуг...
И только рук и ног перекрещенье,
Сплетенье в узел двух горячих тел
Даёт великой страсти превращенье
В бессмертие шагнуть, через предел...
И этим замкнута величественность круга:
Я умираю, коль ушла подруга...

* * *

Я умираю, коль ушла подруга...
Но жизнь даёт опять непостижимый шанс
Увидеть, как цветёт вокруг округа,
Услышать, как звучит в ночи романс...

И пусть это зовётся «декаданс»,
Иль некая глумливая «услуга»,
Но ты увидишь половину круга,
Имея только зоркий третий глаз...
И пусть меняет живопись теченья:
Гоген, Пикассо или Поль Сезанн —
Они едины в тайне посвящения —
Увидеть недоступное глазам...
И я молюсь, как молятся иконам,
Открытым ими сладостным законам...
15.12.2010 г.; с 14-30 до 15-30

* * *

Какое счастье, что не стыдно
Мне в этом городе прожить,
И пусть любовь не очевидна,
Но нет притворства, как и лжи...
И, стоя у земной межи,
Мне многое отсюда видно:
Как власть крошечная бесстыдна,
Как близки бунта рубежи...
Распутство или безрассудство
Опутывает наш Олимп,
Не Русь тут выбирает путь свой,
А небожительственный нимб...
Но город мой, пружиной сжавшись,
Трезвеет, власти обожавший...
17.12.2010 г.
после встречи ветеранов ЮУрГУ

СОН ДОЧЕРИ

Ко мне явилась ночью Мать:
«Прости, что подвела...
Я не хотела умирать,
Такие уж дела»...
Я ей сказала: «Не виню
Тебя я никогда.
Семь раз я думаю на дню —
За что дана беда.
Мне горько так, что ты ушла,
Не повидав меня,
Себя заботами сожгла,
Мне дочку сохраняя»...

Она ответила: «Увы,
Ведь обе мы врачи,
И сердце рвём от головы,
Но ты о том молчи»...
И я заплакала тогда —
Была вина на мне:
Жалела мать меня всегда,
А я-то не вполне...
26.12.2010 г.; 23-00

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДОЧЕРИ С НОВЫМ ГОДОМ

Любимая дочь моя!
Безмерна обоим потеря.
Но жизнь и моя, и твоя
Не даст нам с тобой лицемерить.
Нам нужно трудиться и жить
И в новом году чрезвычайно,
Избегнуть двуличья и лжи
Я тоже хочу не случайно.
И пусть испытанья грядут
И мне, и тебе без поблажки —
Семейный сберечь нам редут
Дано без солдатской фуражки.
Терпенье и даже порой
Уступчивость мягкой поддержки —
Вот нужный нам вместе настрой,
А всё остальное — издержки...
31.12.2010 г.

ЧАСТЬ II

МЯТЕЖНАЯ НЕЖНОСТЬ

(январь — апрель 2011 г.)

ВСПОМИНАЯ МИЛУ

С ней рядом жив в сороковые,
В пятидесятые,
Я познакомился впервые
В шестидесятые...
И нашим счастьем были годы
Семидесятые,
Мы вместе знали непогоды
В восьмидесятые...
Мы выживали с ней в эпоху
Столь полосатую,
И всё же было нам не плохо
В те годы клятые...
О, девяностые, ужасные,
И «нулевые» стали тоже
Отнюдь не столь уже напрасные,
Семью умножа...
Но стали эти «нулевые»
Тебе, как раны пулевые...
01.01.2011 г.

ИРОЧКЕ — В НОВОМ 2011 ГОДУ

Любимая и золотая,
О, Ирочка моя родная,
Чудесный мир святой зимы
Опять узрим с тобою мы.
И будем так мы терпеливы,
Что зацветут у нас оливы,

Поскольку садоводов стать
От жизни не даёт отстать...
Спасибо, что ты есть на свете.
Тебе в подарок — я и дети...

2011 г.

*принеся фото, где я, Алёша, Анюта, Женя,
Марат и Маша в канун Нового года
в доме Анюты*

О МИЛЕ ОПЯТЬ

Ты в платке, подвязанном так туго,
Убираешь старую траву.
Грудь Твоя под кофтою упруга,
Словно Ты — царевна наяву...
Вот теперь я без Тебя живу,
Потеряв единственного друга.
Не под силу выйти мне из круга,
Жизни переделать чтоб канву...
Переживши страшное увечье,
Я Тебя навеки потерял...
Пред Тобою нынче — бесконечность,
Предо мной — несшитый матерьял...
Для какой согдится он для кройки...
Нужно много время для настройки...
02.01.2011 г.; 11-00

ДУРНЫЕ СНЫ В НОВОГОДЬЕ

Почему так душа напугана,
И мне снятся пытки всегда...
Чем грозила моя подруга?
Почему впереди беда?...
То обманами, то посулами
Люди с жестким сверканием глаз
Затемняют мне жалкий рассудок,
Избивать собираясь тотчас...
Не был я ни в тюрьме, ни в узилище,
Не пинали меня нигде...
Почему день за днём страшилище
Снится мне, словно быть беде...
Может, память то русской нации
От прапрадедов и отцов,
Или фильмов каких демонстрации,
Что полно в моих снах врагов...
Иль страна тут кругом с угрозами,
Или смерть моя бродит вокруг...
И даваю я волнение слёзное,
Если волей пробужден вдруг...
02.01.2011 г.; 11-50

ПОКА Я ЖИВ

Пока я жив, я буду говорить
С Тобой, хотя другая женщина в постели...
Любовь, любовь! Тебя остановить
Мне невозможно в самом деле.

Ты — прошлое... Любимое не зря..
Ты — молодость. Расцвет и наслажденье.
Ты — зрелости прекрасная заря,
Стиха литого пробужденье.
Ты — мой восторг. Рождение детей.
И кропотливой жизни распорядок.
И мудрая расчётливость тех дней,
Как Ты копалась возле грядок...
Нет, никогда Тебя мне не забыть —
Великая судьбы моей эпоха.
И надо мною облаком парить
До смертного последнего вздоха...
04.01.2011 г.

Алексею Казакову

* * *

Счастье — это соучастье.
Одиночество вокруг.
Неожиданное счастье:
Позвонил любимый друг.
Он приходит. Разговоры.
Новый жизни поворот.
Совпадения и споры.
Духа радостного взлёт.
Новой книги обсужденье.
Чьей-то сладостной строки
Совпадающее менье,
Общим взглядам вопреки.

О! Духовное единство,
Мысли властная река —
Счастья радостного принцип —
Друга верная рука...
05.01.2011 г.

ТРИ ДОРОЖНЫХ СОНЕТА

* * *

Хрустальный лес. Кристальный лес...
Какое чудо полнозимья,
Какое торжество чудес
И красоты снегов России...
Пусть солнце низкое окрест
И тени сизые, косые —
Хрусталь берёзовых невест
Сверкает в первозданной силе...
Следы волков. Следы собак.
Следы недавних диких драк —
Как летопись, что зрима чётко,
Но весь окрестный окоём
Таким заполнен хрусталём,
Что ожидает водки глотка...
14.01.2011 г.;
поезд в В. Уфалей

* * *

О! Скопидомства одолень —
Какое скопище напасти.
Какая жути дребедень
И жадная корыстность власти.

Но есть закон любовной страсти...
Как солнце одолеет тень —
Так благолепие не сгинет,
Корысть поставив набекрень...
Самоотдача до конца,
Меняя мускулы лица,
Ниспровергает ложь коварства,
А незапятнанность судьбы,
Чураясь слов и похвальбы,
Даёт божественности царство...
14.01.2011 г.; 12-00,
ст. Кыштым — поезд

* * *

Как страшно ездить по России.
Всегда. Особенно — зимой.
Вокруг леса стоят густые,
На ветках — иней бахромой...
И мёртвых гор вокруг конвой.
Стоят отвалы дармовые.
Отходы прошлого былые,
Где трупы смешаны с золой.
И, опустынивая местность,
Они сжирают ту окрестность,
Где жили люди в старину.
И смерть свою мы ясно видим,
Чей образ, хоть и ненавидим,
Но предрекает нам вину...
14.01.2011 г.; 17-00

КАСЛИ

Ах, эти старые дома
Без штукатурки...
То ли притон, то ли тюрьма,
Где рядом — урки...
Но где кокетливый фронтон
И где амуры,
И герб демидовский притом,
А ниже — куры...
Стоят, озябшие насквозь,
Разбиты стёкла,
Надеясь просто на авось,
На миф Патрокла...
Но Древней Греции, увы
Уже не будет,
И не сносить им головы
От юных судей...

*14.01.2011 г.; 18-00,
автовокзал Каслей.
Остановка на полчаса*

МИЛА НА ЮГЕ В 69 ГОДУ

Самолюбивая моя,
Моя Даная —
Печалюсь как всё чаще я,
Припоминая,
Как Ты сидела на песке
В горячий полдень,

Сжимая сдержанно в руке
Стакан неполный...
То недопитое вино
Было загадкой,
Ведь Ты печалилась давно,
Как бы украдкой...
Но тут томительный мотив
Коснулся уха,
И Ты застыла, всё забыв,
Была лишь мука...
Вино, похожее на кровь,
Тому ль причиной...
А, может, первая любовь
К тому мужчине...

*14.01.2011 г.; 18-10,
Касли, на остановке*

* * *

Какое чудо — Женщина на свете...
Её глаза. Улыбка. И печаль.
И светлость пробужденья на рассвете,
Когда ночных лобзаний ей не жаль...
Какой восторг — одеть с утра ей шаль,
И видеть взгляд, что обаяньем светел,
И в каждой торопливости примете
Распознавать судьбы грядущей даль...
И пусть потом окрасится всё тайной —
Изменчивостью, вовсе не случайной —

Я всё равно запомню этот миг,
Когда она была так откровенна,
Какой-то высшей силой вдохновенна,
А я — не юноша... Но вовсе не старик...

17.01.2011 г.; 9-30

* * *

Если женщина дорога —
Не ищи в ней себе врага...
Постоянно ей уступай,
Как Адам, получивший рай...
И шарлоткой из яблок ей
Поручи накормить друзей.
Постоянно не ной мольбу —
А всегда источай похвальбу.
И в постели её ублажай —
Непреренно получишь рай...

20.01.2011 г.; 15-30,

дома, пробуя шарлотку

из яблок своего сада

НА ЗИМНИХ КАЧЕЛЯХ

Глубокий снег. Седой мороз.
Но девочка бежит к качелям
И, не скрывая радость слёз,
Качается на самом деле...
На куртку сверху снег летит.
Пласты сыпаются с навеса.

Но только радостно кричит
Моя весёлая повеса.
В былые зимы лишь в тепле
Она спасалась от кашля,
А нынче в снег навеселе
Она бросается бесстрашно.
О, чудо розовой щеки,
Штанов и курточки в пороше
И поэтической строки,
Что пишет только о хорошем...

20.01.2011 г.; 19-30

* * *

Как мы жили без тебя,
Радость детского порыва,
Когда, плача и любя,
Сердце бьётся так счастливо.
Милой девочки глаза
Звёзд небесных превосходней,
И непрошено слеза
Обожгла меня сегодня.
Горечь нынче только в том,
Что жена моя не видит,
Как крушит, играя, дом
Эта девочка в корриде.
Отнял бог мою жену
Заменяв её на внучку,
Что взрывает тишину
Криком радостным и звучным...

20.01.2011 г.; 20-30

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЗЕЛИИ

(55 лет)

*Голубь и голубушка,
Где же вы слетелися,
В одно место селись...*

Псковская песня XVI в.

Зелье. Зелье... Зилия...
Чудо у тебя семья,
Дети есть и внуки есть.
В ней Иванов не учеть.
Королевой стала ты
Доброты и красоты.
И дивится весь народ
На Иванов знатный род...
Будь же многие года
Хороша и молода.
Золотых пятёрок блеск —
Высшей даты интерес.
Пусть продлятся Ваши дни
Средь забот и ребятни...
22.01.2011

* * *

А мне не наплевать
В колодец жизни.
Я знаю — благодать
Тебе не брызнет,
Когда чужую боль
Возьмешь на плечи,

И это — как пароль
Нежданной встречи...
И это — крутизна
Тех озарений,
Как снега белизна
В сосновой тени,
Когда берёт восторг
От красоты природы,
И вовсе тут не торг
Своей свободой...
23.01.2011 г.
после лыжной прогулки с Флюрой

МИЛИНЫ ИЗЯЩЕСТВА

Серебряная ящерка.
Брильянты на спине...
Эпоха уходящая
Всегда живёт во мне.
К рождению милой дочери
Я подарил жене
Сюрприз дорогостоящий,
Изящнейший вполне.
Ушла моя страдалица.
Прошел немалый срок.
И, чтоб не оскандалиться,
Хранил я вещи впрок.
И вот любимой женщине
Теперь, жены взамен,

Покорностью увенчанный,
Попал я в сладкий плен...
И, шкаф открыв по мелочи,
Вдруг ящерку узрел,
Что выскочила, смелая,
Внезапно, как пострел...
Сверкая бриллиантами,
Залезла на ладонь:
«Да я ли не талантлива,
Ты зря меня не тронь...
Я — истинно сокровище,
Я жажду выйти в свет»...
И много было слов ещё,
Но вот был мой ответ:
«Пусть песнь твоя умильная
И пусть ты хороша,
Тебе — судьба фамильная,
С породой шиша.
Иди на платье к дочери,
Иного — не дано.
Тобою пусть упрочится
Любви моей звено»...
23.01—17.02.2011 г.

* * *

*Для своей Марусиньки
Купил дедуля бусинки...*

СОНЕТЫ О ЗАВИСТИ ЛЮДСКОЙ

* * *

О, любящая женщины душа,
Её вообще не ведал я от века.
В моём воображеньи человека
Не ведал я — насколько хороша...
Как мучает её вокруг парша
Глумленья всеобъемлющего смеха
И родственников тайная потеха,
Чья преданность не стоит ни шиша...
Не представлял я, как сильны мученья
Одновременно с тягостью влеченья
И страх любовь, как сказку, потерять,
И в ужасе, что топчут все надежды
Ухмылками и сплетнями невежды,
Она готова бросить дом и мать...

* * *

Она готова бросить дом и мать,
Которая цинична в инвалидстве
И даже не стесняется в бесстыдстве
Ей на распутство желчно намекать...
Но между нами — не одна кровать,
Не самоподозренье в волокитстве,
Не приступы вины в антисемитстве,
С которых только хочется блевать...
Есть между нами магнетизма власть,
В которой сострадание и страсть,
И потому сильнее страх потери...
И я, подобной силы зная мощь,

Смотрю спокойно в будущую ночь
И перед ней закрою молча двери...
25.01.2011 г.; 24-00

САЛФЕТКИ МИЛЫ

Из посудного шкафа дубового,
Что Тобою был выбран давно,
Достаю я, как будто обнову,
Тьму салфеток с кольцом заодно.
Вот горит, словно роза, пятно
Средь фужеров и хрупких розеток,
Сердца алого страшной приметой
В свете утреннем, бьющем в окно...
Снова боль невозвратной утраты,
Незаметная прежде когда-то,
А сегодня — как свежая кровь...
О! Любимая! В каждой детали
О Тебе я забуду едва ли,
И салфетка напомнит мне вновь...
31.01.2011 г.; 9-40

*Дома, после вчерашнего приёма Валентины
и её французского друга Мишеля, а также
их дочери Инны 37 лет, ровесницы Анюты*

ДИПТИХ ФЛЮРЕ

* * *

Да, мы ответственны за всё —
За упоение любовью,
За то, что крутим колесо
Горячей ежедневной кровью...
Соппротивление злословью
Всегда присутствует при сём,
И, припадая к изголовью,
Былое тягостно несём...
И нет пощады нам ни в чём,
И нет возможности прощенья,
Поскольку дерзок окоём
Возможностью внезапной мщенья...
И быть нам в жизни начеку...
Сказать иного не могу...

* * *

Сказать иного не могу,
Поскольку не сентиментален
Тот океан, на берегу
Какого я ведь не хозяин...
Но он, однако, и сакрален,
Не равен вовсе он врагу,
Возможно, даже он астрален,
На что надежду берегу...
Закон его правдив и чист,
Во всём присутствуя незримо,
Он делает посланцем лист
То папоротника, то рябины...

Умей читать язык листа —
И совесть ясна и чиста...
31.01.2011 г.

ЗА ЧТО (диптих)

* * *

Быть преданным Тебе.
Быть преданным Тобою...
И как в своей судьбе
Я справлюсь с этой болью...
Себя не сохраняя,
За что Ты отомстила...
Средь ночи и средь дня
За что теперь могила...
Навечно виноват.
Навечно околдован.
И Твой упорный взгляд
Навек ко мне прикован...
31.01.2011 г.

* * *

Я рядом бы лежать
Готов с Тобой в могиле,
Где точит кости ржа
В своей подземной силе...
Но я ещё живой
И жить хочу с любовью,

Не нужен мне конвой
С подушкой в изголовье...
И с этим Ты смиришь,
Как это не прискорбно,
Я улетаю ввысь,
Что вовсе не притворно...
01.02.2011 г.

Ф. С.

ОСЕННЯЯ ЖЕНЩИНА (цикл)

*Твои глаза, как два тумана.
Твои глаза, как два обмана.
Каким путём попала ты
В двадцатый век...*

А. Ростовщиков
(из песни 1970-х годов)

* * *

Бывали дни цветения,
Где ранняя любовь
И ты, словно растение,
Тянулся к солнцу вновь...
И было время летнее,
Где счастье расцвело,
И, не гнушаясь сплетнями,
Летел, простря крыло...
Но вот эпоха осени
Настала, и опять

Мне женщину последнюю
Сумел Господь послать...
Красивая, печальная,
Полна душевных ран,
Как жизнь первоначальная,
Мне облик счастья дан...
Усыпанная листьями
Уже моя тропа,
И всё же, бескорыстная,
Идёт по ним стопа...
06.02.2011 г.; 4-00

* * *

Твоя мятежная душа
Мне исповедуется горько...
Как ты в страданиях хороша
В эпоху барыша и торга...
Ты вся — как раковины створка,
Внутри жемчужину держа,
Во мне рождаешь жар восторга
И замираю я, дрожа...
Внезапен ход судьбы и неги,
Как местности — дожди и снега,
И соучастья не унять,
Когда, к вискам прижавши пальцы
Мы оба — встречные скитальцы,
Но гордость обретём опять...
06.02.2011 г.; 4-30

* * *

Озарённая поздней любовью,
Ты о детстве поведаешь мне,
Где разгул и беды, и злословья,
С оскорблением души наравне...
Чем отвечу тебе в тишине
В этих паузах многословья,
Если только идёт предисловье
Бед родимой моей стороне...
Впереди — оскудение природы,
Ослабление нравственных уз,
Дурноцветьем наполнятся воды,
Тронет тленье наш бедный союз...
Пред эпохой такого распада
Что наш горький полёт и насада...
06.02.2011 г.; 4-40

* * *

Когда взойдёт далёкая звезда
Над полу затемнённым пейзажем —
Мы вспомним наши прошлые года,
Красивые и радостные даже...
Мы удивимся упоению блажи,
Что некогда светила нам тогда,
И нашим лицам в беззаботной саже
Костров, зажжённых некогда в садах...
Теперь в садах кругом — сухие сучья.
Теперь в могиле — и моя любовь...
Но жажда жизни всё сильнее и круче,
И ты звезде зари не прекословь...

И пусть она — вечерняя... Не важно...
Как в юности, иди на свет отважно...

06.02.2011 г.; 5-10

В одиночестве, впервые за неделю

К 80-летию Ивана Шепелева

* * *

Изящной мудрости характер
Для Вас привычен был всегда,
И жизнь промчалась не по тракту,
А как горящая звезда...
Пускай идут на корм стада
И прячут головы от фактов —
Вы ваши зрелые года
Питали мужества экстрактом...
Среди предательств и измен,
Среди жестоких перемен
Вы стали стойкости магнитом.
Недаром юных тянет к Вам,
А также самых милых дам,
Ваш облик сделав... знаменитым.

НА 80-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ ИВАНА ГЕОРГИЕВИЧА ШЕПЕЛЕВА

Вот сижу на юбилее восьмидесяти
Зрелых лет прелестной пары — и жалею,
Что вот тебя здесь рядом нет.
Ещё недавно в цвете лета сидели парой

Мы с тобой, где знойный воздух разогретый
Подогревал и нам любовь.

Красива редкостно и справна, пила ты
Красное вино за праздник этой пары,
Славной со мною вместе заодно.

И я мечтал, как эти люди, мы постареем,
Хороши, и с правнуками вместе будем
Петь хором песни от души...

Зачем ушла? Зачем погибла? Злой
Смерти место уступив... Мне без тебя
Вся жизнь обрыдла, и греет сердце
Сладкий миф: сижу на солнечном
Крыльчке. Четыре внука
Пьют вино. А ты, обняв меня сердечно,
Пьёшь вместе с нами. Заодно...

09.02.2011 г.; 19-00

*После прекрасного дружеского застолья
за овальным столом юбилея-ирониста*

О ПОПЕ И БАЛДЕ

Маша (4 г. 6 мес.)

— Дед, а когда мы гуляли во дворе — ты видел,
как Поп встретился с Балдою...

— Так это только в сказке у Пушкина
было...

— Да нет. Возле соседнего подъезда... (там дей-
ствительно жил молодой крепкий священник).

— Ты что, считаешь, у каждого Попа есть
свой Балда?

- Конечно. И ты сам так считаешь.
- Тут могут быть разные мнения.
- Но ты-то ведь сам-то так правда считаешь...
- ??? (Я оторопел от её вывода).

СТИХИ К МИЛЕ

Ни о пенсии, ни о пыли
Не заботиться больше Тебе,
Пусть родные Тебя забыли —
Я один не забыл в толпе.
Каждый день то Твои подушки
С незабвенным букетом цветов,
То диванное благодушие
Заправлять и чистить готов.
Ты — во всём: в той цветной капусте,
Что в морозности ждёт борща,
То в Твоей фотографии грустной,
Что разит меня, как праща...
Ты бессмертна и несказанна
Окружением всех и вся...
Мне иная жизнь ниспосланна,
Образ твой на крылах неся...
13.02.2011 г.; 9-30

СТИХИ К ФЛЮРЕ

«Люби меня — и всё пройдёт», —
Сказал тебе я твёрдо.
«Люби меня — всё будет мёд», —
Ты отвечала гордо.
Но, видно, прошлая тоска
Нас разъедала болью,
И не спасала нас река,
Что названа любовью.
И ты, и я всегда в былом
Как будто пропадали.
Был полон прошлым этот дом,
Исполненный печали.
И только нежность иногда
Давала кислорода,
Но снова прошлые года
Нас опускали в воду...
13.02.2011 г.; 12-00

СОКРУШЕНИЕ СЕРДЦА

(цикл)

* * *

Любимый город.. И мороз.
Стального сердца ритмы.
И снежных елей стылость поз
В упрямом алгоритме.
Межа. Дыхание спеша.
Гудение моторов...

К чему-то тянется душа
Во избежанье споров.
Вот, смятый выбросив билет
Троллейбусного ранга,
Скачу в восьмом десятке лет
Подобием мустанга.
Порядок лет необратим.
Упрятанные в землю,
Лежат жена, и побратим,
И мать под камнем дремлет...
А я иду, презрев закон
Унылого ухода,
И под морозный стылый звон
Поёт мне песнь природа...

21.02.2011 г.; 9-10,
вокзал

* * *

Природы нам не обмануть.
Природа лепит наши формы,
Обтачивая дамам грудь,
В мужчинах пестуя проворность.
Её замедленность притворна,
Скрывая всех событий суть.
Амфибия так ищет корма,
Открыв ползучим гадам путь...
Но есть пределы динозаврам:
До ящериц их сократя,
Внезапно обретает лавры
Приматов хилое дитя...

Так добивается Натура,
Что появляется... Культура...

* * *

Вот появляется культура
В рисунке охрой на скале,
В зерне, что женщина (не дура)
Высаживает на земле.
И пусть охотник смотрит хмуро,
От выпивки навеселе,
Когда чеканится фигура
Богини рода на котле...
Пусть насмерть борются народы,
Но выживают только те,
Кто слабому даёт свободы
Быть преданным своей мечте.
Их так любовь неутомима,
Что падают штандарты Рима...

* * *

Да, падают штандарты Рима...
И львы британские падут,
Коль Ганди твёрд неудержимо,
Насилия отвергнув суд...
Пусть Кинга киллеры убьют
И горечь слёз неотторжима —
Сплочённость чёрного нажима
Схоронит белой касты блуд...
Шлифует этим нас Природа,
Открыв простор вперёд векам —

У всех народов есть свобода:
Хоть в церковь, хоть... к большевикам...
Но лишь природное Возмездье
Откроет истин перекрестье...
21.02.2011 г.; 12-50
платформа Укагач, перед В. Уфалеем

ГИМН УХОДЯЩИМ

И пусть мы — уходящие,
Зато мы — настоящие.
Мы не сморчки смердящие,
Не динозавры — ящеры.
Пусть говорим мы глупости,
Но мы не знаем скупости,
Не уважаем тупости,
Ведём войну преступности...
Да здравствует сомнение
В авторитетном мнении,
В поверхностном мышлении
Начальственного гения...
Пусть слово пишем ручкою,
Работу любим штучную,
Чтим истину научную,
Что в юности получена...
Мы — дети диалектики,
Враги пустой эклектики,
А ваши антисептики
Есть признак эпилептики...
21.02.2011 г.; 19-00
гостиница В. Уфалей

ВETERАНУ ВОЙНЫ АНДРИАНОВУ (86 лет)

Пел ветеран, не имеющий лысины,
Старую песню военных годов,
Средь молодёжи лихой многочисленной,
Словно в атаку был снова готов...
Весь раскрасневшись от праведных слов
И от мелодии чистой и искренней —
Рядом поставив поджаристый плов,
Выпил и водки хозяйской, очищенной...
Как мы смотрели, почти не дыша,
На горделивый осанистый профиль,
Словно у нас очищалась душа,
Таял вдали хитрый враг — Мефистофель...
Нет, поколение титанов — не миф.
Пел ветеран, чудеса сотворив...

Вспоминая встречу в семье Тумановых

* * *

Люблю красивых стариков —
Редчайших праведников века,
Пусть без бород и без усов,
Но с чистым взором Человека...
Другой, хоть выжил, не калека,
Начальству кланяться готов.
Сомнительность его успеха
Вся на лице его без слов...
Но старики с горящим взором
Почти апостолы теперь,

Клейма не знавшие позора
Среди бесчисленных потерь...
Они — итог вселенской чистки
В век прощелыг и аферистов...

21.02.2011 г.; 19-30,
гостиница в В. Уфалее

ОДИНОЧЕСТВО И ТЫ

(цикл)

* * *

Сомнительности истины любви
Препятствуют немногие детали...
Хоть как ты эти чувства назови —
Они служить любви не перестали.
В них отражаются дотошно, как в кристалле,
Томленье безотчётное в крови,
Боязнь стоять на некоем пьедестале
И внутренний позыв: «ещё живи»...
Греховность и духовность ощущать
Приходится тут так одновременно,
Что хочется все промахи прощать
Возлюбленной душе пренебреженно...
И в тишине тут музыка звучит,
Хоть звукотехника потерянно молчит...

21.02.2011 г.; 22-10,
гостиница В. Уфалея

Ф. С.

* * *

На расстояньи почувствовать голос —
Это загадка судьбы.
Словно пространство опять расколосось
От безотчётной мольбы.
Словно стоят верстовые столбы
В поле, где нежится колос
В свете волшебном небес голубых,
А у щеки моей — волос...
Мы распростёрты на мягкой траве,
Скулы щекочут мне прядки,
Хоть не поёт уж давно соловей —
Слышу его я украдкой...
Что это? Молодость? Или мираж?
Искры проскакивают сквозь трикотаж...

21.02.2011 г.; 22-30

* * *

Сомневаюсь. Сомневаюсь.
И опять за это каюсь.
Страха божьего боюсь,
И к тебе я прислонюсь...
Почему же, дорогая,
В каждом жесте ты — другая...

21.02.2011 г.; 22-40

* * *

*Поэзия — не поступайся ширью,
Храни святую точность — точность тайн.
Не поступайся точками в пунктире
И зёрен в мере хлеба не считай.*

Б. Пастернак

Не поступаясь точками в пунктире,
Я чувствую прикосновенье тайн,
Которые беззвучны в этом мире,
Особенно — средь городских окраин.
О, Видимость! Ты пошлости комбайн,
Который всё охватывает шире,
Как некий обольстительный дизайн,
Которому исход — лишь харакири...
Нет, зёрен обыдени не учеть
Бегущему стремительному взгляду.
Невидима ни праведная честь,
Ни нежность, что даётся лишь в награду.
Невидима придуманная Муза,
Но крепче нет нам с бытием Союза...
21.02.2011 г.; 23-10

* * *

Осколками серебряного века
Наполнены, как трюмы корабля,
Мы прожили, не жаждая успеха,
И это было, видимо, не зря...
Понятна нам усталая земля
И назначенье воли человека:

Мы для неё — не жалкая помеха,
А Божьих замыслов заря..
И жизнь — она не жадное мученье,
Не видимость дерзаний и побед,
А постоянство самоотречений
И состраданья незаметный след.
Нам Разум дан, чтоб постигать Природу.
Её законы и её свободу..
21.02.2011 г.; 23-30

* * *

Ты красива, как ранняя осень
В увядании яркой листвы,
Что пощады от неба не просит,
От печальной его синевы.
Ты идёшь, не склоня головы,
Где ещё не виднеется проседь,
Только золото зрелых колосьев,
Что звенят на ветрах полевых...
Пусть виднеются тучи заката
С лиловато-угрюмой каймой —
Ты идёшь напряжённо куда-то,
Лист опавший поправши ногой.
Я стою в отдаленье на склоне.
Я как будто уже похоронен..
21.02.2011 г.; 00-10

* * *

*Прощай, радость, жизнь моя.
Знаю — едешь без меня.
Знать, пора пришла расстаться.
Тебя мне больше не видать...*

Народная песня

Любимая! Спасение моё!
Ты в этой жизни, подлинной и страшной,
Где кружится кругами вороньё,
Стояла, как грузинских кланов башня.
Мне страшно вспомнить этот день вчерашний,
Где прошлое мне стало, как быльё,
Где я забыл предание своё,
Когда я ел кутью поминную и брашно.
Казалось — смысл жизни я терял,
Жену теряя, как теряют Веру.
Там стало всё, как взрыва аммонал,
Что разнесёт мне тело, как фанеру.
Но ты, меня погладив по лицу,
Быть не дала печальному концу.

22.02.2011 г.; 8-30

ФЕВРАЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

Февральское солнце в зените —
Творило грядущей весны,
Чьи тонкие властные нити
Навеют прелестные сны.
И небо голубизны
Как будто бы сказок хранитель,
Иль голубоглазый сказитель
Былинной былой старины..
Снега исполински-массивны
На крышах и обок дорог,
И ярок их облик красивый
И замирающее строг..
Все дивно. Волшебно. Чудесно.
И ждёт, когда надо воскреснуть.
22.02.2011 г.; 14-00,
отъезд из В. Уфалея

* * *

Развалины зданий под снегом —
Забвения символ.. И сна.
И в этом — ленивая нега,
Которой гордится страна..
Так было во все времена
С набегов времён печенегов,
Хотя и исчезла телега,
А сущность забвенья — одна..
22.02.2011 г.; 14-20

* * *

Ах, эта горная дорога,
Что по хребту на высоте
Идёт размеренно и строго
Меж сосен, чудных в красоте.
Вот остановка. Полустанок.
Янтарных бревен желтизна.
В движеньи плавном, неустанном
Каната движется струна.
Кран мостовой несёт охапку
Тяжёлых досок на весу.
Вокруг стоят в мохнатых шапках
Все их сородичи в лесу...

22.02.2011 г.; 14-30

* * *

На фоне снега на горе
Стоит лиственка вековая,
И солнце светит в феврале,
Неистово стеклом играя...
О, ты, Отчизна дорогая,
Прелестна в зимней ты поре,
Как эти искры на коре
Родного северного края.

под Озёрском

* * *

Вот и исчезли эти пироги —
Горячие, со сливочной картошкой,
Ведь проводницы стали им враги,
Возможно, не враги, а так, оплошно...
Стал поезд новым. Чистым и чужим.
Стал на манер берлинского экспресса
Комфортным и безумно дорогим
Свидетелем современного прогресса...
В нем люди одинокие сидят
И звонят в телефоны непрерывно.
Они уже не пестуют ребят,
А дуют «колу» иль храпят надрывно.
А я с тоскою помню пироги
Что раньше разносили между полок
Закутанные в яркие платки
Татарки, век которых так недолог...
22.02.2011 г.; 16-30

*А пироги принесли, словно по колдовству,
через 10 минут после Аргаяша.*

*Поджаристые, горячие и протливые...
Вот такая штука — поэзия. 16-45*

* * *

Что жизнь полноценна —
То ты драгоценна,
Ведь жизнь наша — сцена,
Где рядом — измена...
Пусть мне Мельпомена
Верна неизменно,

Ты — вскрытая вена
Любви вдохновенной...
Есть счастье у плена
Избегнуть от тлена
И жить непременно
До зверо-колена...
24.02.2011 г.; 14-30,
один, дома

МАША — МАМЕ

Как я мамочку свою
Замечательно люблю,
Помогаю ей во всём
Утром, вечером и днём.
Научилась я читать.
Все хочу ей рассказать,
Как живёт в стране Алиса,
Как Балда возню замыслил,
Как за Соколом идёт
Дева-Марьюшка в поход...
Только мама — чудо-врач.
Время мало ей, хоть плачь.
Целый город лечит весь,
Невозможно слову влезть...
Потому Восьмого марта
Будь же дома аккуратнo,
Я тебе стихи прочту
Про тебя и про мечту...
04.03.2011 г.
*Так и не выучила наизусть,
пришлось подсказывать.*

ФРАНЦУЗСКИЕ ДУХИ (сонет)

О, запах женщины! Ты — тонкий аромат
Духов французских, издавно любимых,
Влекущий воспоминания назад
В мир молодости, столь неповторимый...
Ещё недавно, горечью гонимый,
Я к небу поднимал унылый взгляд —
Но вот в поток объятий и усад
Вмешался запах тех духов хранимых...
И — всё исчезло... Снова я любим.
И страстен в исповеди губ и тела.
Душа, как в юности, опять запела,
Как будто воспарил близь херувим...

Духи любимой женщины ушедшей
Любви подобны, заново воскресшей...
10.03.2011 г.; 24-00

ОБЫДЕННОСТЬ

Что значат сковородка и компот,
Приправа для борща и все салаты,
Когда от них волнение идёт
И тянет повелительно куда-то...
Куда... Куда... Да на простынный лёд,
В прохладу обольстительных объятий,
Где губ встречает ароматный мёд
И суета пронзительных занятий...

О, королевство непритворных ласк,
О, колдовство доступности полёта,
Где профиль околдовывает нас,
Как распиловки трудная работа.
О, исполать тебе, любимый труд —
Терзать, и возбуждаться, и лелеять,
И распечатывать шампанского сосуд,
Что в нас сокрыт, как амулет еврея...
11.03.2011 г.; 0-30

ЕВРАЗИЯ РЯДОМ (сонет)

А горы начинаются с Кыштыма.
До этого — сплошная степь,
Где поезда летят поспешно мимо,
Что не успеешь зелень рассмотреть.
И всё это понятно лишь на треть,
Хотя, казалось, это глазу зримо,
Но третьего закономерность Рима
Не хватит целой жизни рассмотреть.
Евразия загадочно-извечна,
Как в небесах над нею Млечность,
А люди так поспешно-коротки,
Что, чувствуя приход землетрясения,
Мы празднуем Христово воскресенье,
Не видя Будды поднятой руки...
15.03.2011 г.,
после Кыштыма

ЯПОНСКИЙ КОШМАР*

Когда пять суток на экране
Японский ужас катастроф,
А ты их смотришь на диване,
Не в силах вымолвить двух слов —
Тогда охватывает горечь
Предчувствия беды земли,
Что и сюда прибудет вскоре,
Неся возмездие петли.
И от такой истомы мучась,
Терзая сердце на разрыв,
Как избежать для внуков участь —
Вот думы мука и надрыв...
И только древность горной массы,
Что названа седой Урал,
Быть может, отведет несчастье...
Иначе наш народ пропал...
15.03.2011 г.
*Ост. пл. 142 км.
Опять пересечение дороги
с ж/д без шлабума на Озерск*

ЗАЗИМОК У ЗАИМОК

О, эта белизна листа
Полян таёжных и заимок,
Чья абсолютна красота,
Как детства дорогого снимок.

* Фукусима — 15.03.2011 г.

Проигран с жизнью поединок
И совесть вовсе не чиста,
Но обаяние холста
Подарит по весне зазимок.
И, вновь пришуурясь на снегу,
Ты все простишь грехи врагу,
А другу — бестолочь и тризну...
Задумавшись, поймешь закон
Отпущенных тебе времён
И присягнёшь на верность жизни...
15.03.2011 г.; 12-30
ст. Маук

* * *

Белая берёза.
Белый туалет.
Вызывает слёзы
Неба синий цвет.
В солнечном потоке
Жаркой белизны
Как ложатся строки
Сладостной весны...
15.03.2011 г.; 12-40

РЕИНКАРНАЦИЯ ЛЮБВИ

А художник всегда безбожник.
В упоеньи от света весны
Он поставит поспешно треножник
В сумашествии от голубизны.
И начнет на природу молиться,
Заклиная наитье своё,
Видя снова ушедшие лица,
Что дарило ему бытиё.
Нет, они не в земле, а в потоке
Этих мощных и светлых лучей,
И ему горделиво уроки
Даст, внезапно проснувшись, ручей...
15.03.2011 г.; 12-45,
ст. Силач

И СНОВА СОНЕТЫ О МИЛЕ

* * *

Как плачет сердце о Тебе,
Моя любимая, былая.
Ты так крепка в моей судьбе,
Как вбитая в трясину свая...
И пусть теперь вся жизнь иная,
В тоске, заботах и гоньбе —
Ты навсегда теперь такая,
Мной не спасённая в беде...
Вина на мне всё горше, горше,
Как будто в сердце вставлен поршень,

А зажигание слабо...
Я сам себе кажусь притворщик
Или на кладбище уборщик
С петлёй на шее, как жабо...

16.03.2011 г.; 14-30,
обратный путь

* * *

Леса стоят вокруг немые
Средь омертвелой тишины.
Но все ж они вполне живые
Лишь только в сон погружены.
А мне нет солнца и весны.
Стоят, как псы сторожевые,
Твои, Твои, подруга, сны,
А в сердце — раны ножевые...
Нет избавленья от тревоги
За преступления души,
И не догадывались боги
В моей двуликости парши...
Да я и сам не понимаю,
Но с каждым днём сильнее страдаю...

16.03.2011 г.; 14-45

* * *

Всё проснётся, как сжарится снег —
И трава, и листва, и коренья,
Только Ты по горячей весне
Лишь останешься в стихотворенье.
Ни улыбки, ни слёз не узнать

Никогда уже больше на свете.
О Тебе, о живой, вспоминать
Реже будут и внуки, и дети...
Только мне дан обратный отсчёт
Наполняться бессильною болью...
У любви свой таинственный счёт,
И не справиться с этой любовью...

16.03.2011 г.; 14-50

* * *

Ты вся присутствуешь во всём.
Ты ниоткуда не уходишь.
Тобою весь наполнен дом,
Который ночью ты обходишь.
Ты — не звезда на небосводе,
Ты — шкаф, наполненный добром.
Ты — трав лечебных сухолом
И платья, сшитые по моде...
Проходят пусть пустые дни
Моих устройств и неудобь —
Ты несдвигаема в тени,
Как эталон высокой пробы...
И я покорствую Тебе,
Как неизбежности в судьбе.

21.03.2011 г.

* * *

Это бешенство жизни живой —
Как прекрасно оно и тревожно,
Словно ветра свистящего вой,
Одолеть его невозможно.

Что правдиво тут и что ложно —
То нельзя нам понять головой,
Слишком кажется много ничтожно,
Ибо глаз слишком родственен свой...
Но, чем глубже былое пространство
Ты постиг в глубине бытия —
Тем все явственней непостоянство
Человеческого жития...
Ты как будто стоишь над обрывом
Или рядом с чудовишным взрывом...
22.03.2011 г.; 14-30

* * *

Дана вторая женщина тебе
Судьбою благосклонной иль коварством...
Ведь раньше ты распоряжался царством,
А нынче — сгинешь в собственной гульбе...
Но не дано нам до конца скорбеть.
Ты ласке непритворной благодарствуй,
Пред красотой привычно оробев,
Ищи в ней упоенья, как в лекарстве...
Стремительной спиралью крутит век,
Уже второй по истребленью чести,
Одна любовь даёт сознанию бег
И не боится смерти и безвестья.
Я плачу, стоит посмотреть назад,
Но как животворящ подруги взгляды...
27.03.2011 г.; 23-50
*при разборке фотоальбома
Милого детства и юности*

ТВОИ ИТОГИ

Две медали и значок —
Весь Твой жизненный почёт.
Два ребёнка — урожай.
Больше деток не рожай.
Неужели в том — итог,
Что Тебе сподобил Бог...
А зачем вся красота
И полёта высота...
Умаление мечты —
Вот призванье красоты...
28.03.2011 г.; 1-30

ФАТАЛИСТ

Кто в этой жизни фаталист —
Пред ним судьба, как чистый лист,
В ней всё так предопределено:
Стена, а в ней насквозь окно.
И в то окно, что не по росту,
Взглянуть дано совсем не просто.
И лишь немногие, взглянув,
Немеют в ужасе, взбледнув...
Так к пропасти идут народы
В святом желании свободы...
Так к дыбе близятся слепцы —
Наук священных гордецы...
А вот, своей желая власти,
Идут рабыни ложа страсти,

Во имя неги и любви
Захлёбываются вдруг в крови...
А возжелавшие бессмертья,
В водовороте лихолетья
Всё жаждут участи святых,
Стараясь влезть хоть рифмой в стих...
И лишь спокойный фаталист
Высоким состраданьем чист,
Всё отмечает беспристрастно
И понимает: всё напрасно...
28.03.2011 г.; 21-30

СОЛНЦЕПОКЛОННИКИ

(триптих)

* * *

Спит женщина в соседней комнате.
Спит женщина. Совсем моя..
Давно спала Другая, помнится,
Вот так же что-то затая.
Теперь Она — в других краях..
Вместо Неё — другая скромница.
А теплота её истомная
Всё так же тянет, как своя..
И яблоки груди пахучие
И лона золотое дно
Сулят мне дива неминуемые
С языкознанием заодно..
Но я сдержу себя до полночи,
Пока она во сне беспомощна.
01.04.2011 г.; 2-30

* * *

Пока она во сне беспомощно
Почти по-девичьи сопит —
Я опишу все грёзы полночи,
Как стихотворец и пиит.
Ещё мне долго предстоит,
Скрывая в темноте бессолнечной,
Её воображать утонченно,
Как Афродите среди харит.
Святая ложь воображения,
Когда до сердца обожжёт —
Я к ней войду не для сражения,
А чтоб собрать дыханья мёда..
И вновь уйду губами в прошлое,
В свою работу черносошную..
01.04.2011 г.; 2-45

* * *

Свою работу черносошную
В поту и храпе я свершу
Её под возгласы истошные,
Как пахарь, выйдя на межу..
И, уступая куражу,
Когда уже свистит подвздошие,
Я осознаю многобожие,
К которому принадлежу..
И вновь, богинею облаканный,
Я встречу утро рядом с ней
Обычною бессмертной сказкою
Священных животворных дней...

Лишь свет падёт на подоконники,
Воспрянем мы — солнцепоклонники...
01.04.2011 г.; 3-20

* * *

Думал об уходе Людмилы Гурченко — полу-
вековой богини нашей жизни (С 1956 года —
55 лет!).

Я говорил с ней в начале семидесятых (1971 г.?)
во Дворце культуры ж/д (у В. Йоффе) в эпоху
её мучительного унижения и одиночества, мелких
заработков и созревания её подлинной силы —
богини, Афродиты России, что стала выше Марлен
Дитрих и Эдит Пиаф по таланту, воле и мастер-
ству...

Какие грустные уходы кумиров... Увы-увы...
01.04.2011 г.

ФЛЮРЕ

Ты — удвоенье мира для меня,
В котором столько жаркого огня.
Ты — удивленье в снах моей души,
Где девочка красивая бежит...
Ты — шелест платьев шёлковых цветных
И запах ягод спеющих лесных...
Ты — трав степных полынный аромат
И азиатской серны быстрый взгляд...
Но главное, ты — ручейковый смех,
Единственная из земных утех,

Которой я доньше не слышал,
В котором серебристый есть металл.
О, женщины смеющейся шедевр —
Связующий столетия маневр,
Которым Бог нас примиряет вновь,
Что есть Надежда там, где есть Любовь...
03.04.2011 г.

В ЗАСЫХАЮЩЕМ САДУ

В начале апреля, как тают снега,
То жизнь уходящая так дорога,
Ручьи надо льдом пробивают тоннель,
И словно играет под солнцем свирель.
Иду я с подругой своей в старый сад,
Где снега пласты, высыхая, лежат,
И старые яблони, мёртво сухи,
Мне внятно свои произносят стихи:
«Иди, насыпай тяжелеющий снег,
Как должен всегда поступать человек,
Железные баки наполнив весьма,
И в воду его переплавит весна»...
Пусть яблони сохнут, ломая хребты —
Упорно трудись, не предавши мечты,
В том старом саду, где состарился ты —
И новая женщина рядом с тобой
Не вдруг поменяется нежной судьбой...
06.04.2011 г.

*после поездки с Флюрой в сад,
где жар солнца, но снега — по поясу*

ВСТРЕЧА

Встретился случайно с Мибиной давнишной подругой — Галиной Тереховой, коллегой по вузу и профессии. Когда-то они с мужем были у нас на Энгельса и стали свидетелями прихода Нэлли Дененберг с приятелем. Они поразились её разнужданному нервно-вызывающему поведению. Та вела себя так, словно была моей настоящей любовницей в молодости, до женитьбы, хотя я не имел никакого тогда с ней физического контакта.

Тереховы были так шокированы и потрясены, что никогда больше не заходили к нам, сторонясь нас, как зачумлённых.

Прошла целая жизнь (сорок лет!). Мила умерла. Минул год почти, как я встретил её «подругу юности». Она тоже имела потери: умер муж — талантливый учёный, сын уехал навсегда в столицу. Но Галина встречалась с Милой именно в нашем дворе (уже новом, рядом с Энгельса). И, зная о её смерти, она всё-таки не пришла, не позвонила, не выразила сочувствия.

Я встретил её всю сморщенную, седую, обиженную и изнурённую. Она сказала: «Меня не известили, но я всё о вас знаю». И снова — ни слова сочувствия, лишь кратко: «Здесь, именно здесь, мы всегда встречались с Милой, и последний раз — ровно год назад, в апреле... Она была после перелома ключицы, и больше мы не виделись».

Она знала адрес, квартиру, но не зашла ни разу. «Никого не хочу видеть после смерти мужа, нет

сил никаких», — печально закончила она диалог.

Я дал ей визитку, телефоны. Она сделала то же.

«У меня сын в Москве, как и у тебя. Но у тебя здесь дочь, и есть с кем быть. Ты останешься здесь?»

Конечно, я ответил утвердительно, понимая, что больше мы не увидимся. Наверно, никогда. Хотя её муж лежит здесь, как Мила, но Галина Терехова обижена на весь мир навсегда... А примут ли её в Москве?..

07.04.2011 г.; 10-30

КОМПОЗИТОРЫ УРАЛА

По заказу Т. Н. Фахрутдиновой

В наследьи искусства Урала
Страница прекрасная есть:
Чайковского детства начало
Имело высокую честь...
И, музыкой слова влекомы,
Росли в нём всегда мастера,
С Родыгинской песней о доме
И как хороши вечера...
Содружество слова и песни
Нешуточно Шутов любил,
И был тем Урал всё известней,
Чем больше был музыки пыл.

Гальперин, Полянова, Веккер —
Известны весьма имена,
Мелодией каждой заветной
Прославив свои времена.
И гимном Южноуралья
Смирнов стал весьма знаменит,
А Виктор Козлов в каждом зале
На конкурсах ныне звучит...
Да будет земля музыкальной
Пока песни просит душа,
Ведь музыка — это начало
Духовного виража.
От шлягера и до симфоний
Велик нескончаемый путь,
Но в жизни не будет гармоний,
Когда забывается суть...
Родимое слово и звуки
Мелодии наших лесов —
Вот сила житейской науки,
Мальчишеский хор голосов.
Да вырастут дети Урала
С Мелодией в душах своих,
И да сохранится начало,
Что крепят и слово и стих...
10.04.2011 г.

СОКРУШЕНИЕ СЕРДЦА

Это была моя девочка, моя родная дочь. И с ней что-то происходило. То ли она перегружилась по работе, то ли была обижена на меня, и ей было больно. Между нами уже долго было умолчание, невыносимое для меня...

Она спросила, когда я к ней приехал: «Ты будешь борщ?», и посмотрела в сторону.

Я сказал «да» и решил именно сейчас отдать ей подарок — бриллиантовую брошь в виде ящерицы, которую носила её покойная мать на бархатном платье, когда мы в прошлом изредка посещали театры.

Я положил изогнувшуюся изящную ящерку в бархатную коробочку, которая пришлась как раз впору, хотя коробочка была предназначена совсем не для этой пресмыкающейся, а для моей наградной медали от Президента.

Дочь взяла коробочку, раскрыла и сказала: «Это ты для меня купил на окончание школы, а мать, как всегда, выпросила её у меня и носила».

Я был не уверен в этом. Или забыл. Хотя помнил, что всегда было наоборот: дочь носила без спросу вещи моей жены, и та тихо жаловалась мне, когда мы оставались наедине...

Я промолчал и сел есть борщ. Он был вкусным и наваристым, как делала моя супруга. Вот и дочь научилась этому искусству спустя два десятилетия после замужества.

— Как твои дела? — спросил я.

— Ничего не ясно, как будет с моей работой (она говорила о научной диссертации, которая была в самом разгаре). Один шеф был занят, а другой сказал: «Делай, как хочешь. Только, если пойдешь по медицине, а не по социалке — мою подпись не ставь». А я без него — полный ноль.

Я понял, что именно тут её проблема, а вовсе не из-за моей новой женщины, которая появилась у меня спустя полгода после ухода жены.

Я сказал: «А мы с Марусей ходили на выставку гравюр Гойи — серия «Капричос».

Дочь ответила: «Она говорила мне, только не о Гойе, а о Будде, которого называла ещё Сантья граха... Мы гуляли с Катей (двоюродной сестрой), а Маша тараторила о принце Сантья граха, который стал нищим, ушел от жены и детей, сидел под деревом, развернув одну ладонь к небу, а другой ладонью касался земли... и от этого стал Буддой. Катя, хоть и учительница, была потрясена её знаниями: у неё даже девятиклассники такого высказать не умеют».

«Знаешь, — сказал я, — я хочу, чтобы она научилась вести разговор с самой собой, как это делает Алиса в “Стране чудес”».

Дочь улыбнулась: «Да она это проделала вчера. Посадила кукол на кухне и стала изображать, как мама ссорится с папой по поводу того, кто съел колбасу и почему Женя целые дни сидит перед компьютером. Ты, судя по этому, преуспел в её обучении».

Мы оба рассмеялись. И я понял, мои тревоги постепенно рассеются. Маруся, и правда, обладала сверхъестественной интуицией. Только она часто стала разговаривать во сне, когда ночевала у меня.

Но я не стал об этом говорить, как и о том, что моя новая женщина так подружилась с Машей, что, может быть, и дочь моя когда-нибудь простит меня за невозможность жить одному в громадной пустой квартире.

Кто знает, может и простит.

10—18.04.2011 г.

дома

АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

(хроника одной поездки)

Колыбель моя — вокзал...
Как ты стал неузнаваем,
Лишь по-прежнему трамвай
Лихо бьют по тормозам...

И наполнен густо зал
Тем народом-самураем,
Что творит, не понимая,
Всю историю, как залп...

И стою я у доски,
Что здесь Гарин был, писатель,
Не буржуй-предприниматель,
А творец стальной реки...

* * *

Здесь ему я — побратимом
Стал в рывке неудержимом...

11.04.2011 г.; 8-55,
поезд в В. Уфалей
Стоя у доски Гарина-Михайловского,
русского писателя, строителя Самаро-Златоустов-
ской ж/д (1852—1906), которую моими усилиями
вновь повесили на старом здании вокзала

ТОСКА ПО МИЛОЧКЕ

Как непрерывно горе по Тебе...
С Тобою я как будто умираю,
И вовсе никогда не понимаю,
Какой же смысл был у Тебя в судьбе...
Родиться, жить, чего-то добиваться,
Себя зачем-то преодолевать,
На льду покатою в юности кататься,
На нем же позже косточки ломать...
Безвольно замуж выходить внезапно,
Безмысленно профессию обрести,
И ревновать, и горевать абстрактно,
И долг врача, словно поклажу, несть...
И только в детях обретать волнение —
Как их по рангу гордости поднять...
Поэты так творят стихотворенье,
Чтоб обязательно была печать...
Как горько мне жить без Тебя сегодня:
Бессмысленность стучится мне в окно...
Когда б не воля мощная Господня —
Ушёл бы я с Тобою заодно...
11.04.2011 г.; 9-10

Авантюристы-террористы
Бессмертны, видно, на земле...
И только редким людям чистым
Так трудно вырваться во мгле...
Всё наше прошлое — в золе...
Так пламя разжигали искры,
Что ликовал один нечистый,
От крови быв навеселе...
А ты, а ты, невольник чести,
Настолько зорок был один,
Что стал заложник подлой мести —
России верный гражданин...
Но путь твой некому осмыслить
В стране двуличья и корысти...
11.04.2011 г.; 9-25

КРЯЖ НА СТАНЦИИ АРГАЯШ

На станции обычной Аргаяш
Стоит неимоверно толстый кряж —
Громада тополя опилена была
Почти на метра полтора ствола.
Часть верхняя гниёт бессильно рядом,
Отрезана старательным снарядом,
А нижняя стоит, как пьедестал,
Которую бессиден взять металл...
И хорошо, что борется природа
С усилием подлейшего народа,

Который монстров ненавидит так,
Как над слоном господствует дурак:
Он, оседлать пытаюсь исполина,
Свой замысел сведет до половины...
Гигант умрет, а с ним погибнут джунгли,
Пустынные оставив только угли,
И аравийский нищенский народ
В Европу хитроумную попрёт...
11.04.2011 г.; 10-50

СТАНЦИЯ МАУК

Была бы станция Паук —
То было бы понятно...
А называется Маук —
Туманно и невнятно...
И все-таки звучит Маук
Таинственно-красиво,
Как будто из пространства звук
Враз выхватила сила...
Так все Урала имена
Звучат замороженно...
Вокруг незнакомая страна
Отнюдь не благосклонна.
Недаром здесь снега вокруг
Лежат, как исполины,
Синонимом грядущих мук:
Маук — паук едины...
11.04.2011 г.; 12-35,
*ст. Маук имеет ветку ж/д на Озёрск —
атомный центр державы*

ПОД ИТКУЛЕМ

Внезапная горная речка...
Зеленый подтаявший лёд,
И скал малахитовых вечность,
И сосен на скалах полёт...
Как за душу разом берёт
Вот эта природы беспечность,
Её красоты бесконечность,
Её обаяния мёд...
Я думал опять о любимой,
Что так безвозвратно ушла —
А речка, мелькнувшая мимо,
Меня красотой обожгла...
Такой и была моя Мила,
Как сердце её полюбило...
11.04.2011 г.; 13-05,
*ожог от красоты горных скал
из серпентинита, которого для
Милиного памятника я так и не нашёл
за полгода... и эти зеленые крутые
скалы просто шокировали меня...
О, Господи! Кругом она...*

* * *

Две молодые женщины со мной...
Мы пьём опять чудесное вино...
Как тридцать лет подряд я пил с женой,
Да и с её сестрою заодно...
И так для нас живительно оно,
Мы наслаждаемся, как прежде, той игрой,

Любовью называемой порой,
Но это просто так заведено...
На самом деле, это — театр души.
Воспоминанья, каждому свои.
Две женщины под вечер хороши
Усталым опытом измученной любви...
И обе мне понятны и близки,
Они меня излечат от тоски...

15.04.2011 г.; 9-30

*Вера и Флора вместе со мной общаются
уже третьи сутки. И оживает история
почти четверти века — от мальчика Вадика
и молодости нашей*

* * *

Сын прилетел из Америки,
Дочь на могилке была...
Всё до сих пор мне не верится,
Что Ты навеки ушла...
Сад почти высох от снежности,
Женщину я целовал...
Жить невозможно без нежности,
Жить без Тебя я устал...

18.04.2011 г.

Вербное воскресенье

* * *

*Два «букета» веток, как сказала Маша, она
убрала с Твоей могилы... А портрета Твоего
с надгробной плитой они с дочерью моей
так и не видели... Милое, дорогое, печальное
лицо...*

18.04.2011 г.

МОСКВА ОПЯТЬ

Лечение одиночеством нужно,
Где переезды, авиа-броски,
И встреч прелестных красное вино
Глаза родные лечат от тоски...
Как жизненные муки велики,
Которыми нам мучаться дано,
Тогда ушедшие в застоли заодно
Стучатся к нам в набухшие виски...
Вот девочка-младенец, облик чей
Напоминает дочь в такой поре,
Игрой своих кокетливых очей,
А век иной играет на дворе...
Она сжимает годы и века,
Чтоб помнил я судьбу наверняка...
24.04.2011 г.

«ДАМА С ЕДИНОРОГОМ» РАФАЭЛЯ

(выставка одной картины в ГМИИ)

Опять в объятья Рафаэля
Я попадаю чрез века,
Поскольку боги захотели,
Чтоб выжил я наверняка...
То ль Форнарина, то ль Джоконда —
Всегда то скрытны, то темны,
У них всегда за горизонтом
Рассветы томные видны...
Но вот сидит с единорогом
Та безымянная краса,
Которая не спорит с богом,
Имея жемчуг в волосах...
И вижу я — века остыли,
Когда рубиновый кулон
Из христианской высек пыли
Иной практичности закон:
Не суетись. И не юродствуй.
Имей безвестности запас.
Имей настолько благородство —
Насколько совести сейчас...
25.04.2011 г.

*По провозглашении тоста
о своей матери Алёшей
в день 46-летия*

* * *

Последнее упоминание о Миле,
Как о живущей женщине для всех,
Когда она почти что год в могиле —
Её в какой-то бане сверх-успех..
И круг друзей, беспечных и столичных,
Весь в удивленьи от её щедрот,
Вдруг вспомнил, как вела она отлично
Весь банный цикл и песен хоровод..
Вот так мгновенна жизнь и фрагментарна..
Когда и где в столице в банный день
Она себя сказала лучезарно,
Оставив на десятилетия тень..
Я снова плакал от такой потери.
И благодарен сыну от того,
Что он остался в благодарной вере,
Что выше Матери нет в мире ничего..
26.04.2011 г.; 23-50
после его 46-летия
в ресторане «Древний Китай»

НОЧНОЙ ЦИКЛ В МОСКВЕ

* * *

Когда вторично сын женился —
Был так продуман ритуал,
Что Бог поистине трудился
И все детали распознал...
Но важно то, что вместе с Милой
Мы были в этот звёздный день,
И как мне горько у могилы
Тех дней припомнить светотень...
То апогей Её величья,
То — смысл Её прошедших дней —
Тот праздник в суете столичной,
Который встретил вместе с Ней...
Тогда любовь моя безмерно
Была ответно-глубока,
И этот день — весьма наверно —
Я буду помнить сквозь века...
27.04.2011 г.; 0-30
Москва
Какая страшная штука — память

* * *

Милая, любимая, зачем Ты
От меня исчезла навсегда...
Ты была как дама квадратенто,
Рафаэль тебя любил когда...
После Магдалины и Мадонны
Ты была впервые — плоть и кровь,

И тогда была почти бездонна
Щедрая Твоя ко мне любовь...
Были без молитвы мы блаженны,
Яблоками нас осыпал сад...
И объятья были совершенны,
Делали хотя всё наугад...
Но родился сын — горяч и буен,
Струток воли осиянных лет...
Этот день забыть всё не могу я,
Видно, в нём и жизни всей секрет...
27.04.2011 г.; 1-40

* * *

Ровно сорок шесть тому назад
Минуло от радостной минуты,
Как увидел я Твои глаза
В том роддоме, грустном почему-то...
Сына Ты показывала мне —
Крошечного, с мутными глазами,
Я глазел на окна в вышине,
За оградой лихо партизаня...
То, что было вслед — не описать...
Сын взорлил немислимо и лихо,
Словно Бог замыслил благодать
Только для него легко и тихо...
Вот прошло почти полсотни лет...
Ты — ушла. А я — тяну резину,
Постигая жизненный секрет —
Как прожить, любя неудержимо...

Учит и меня любимый сын,
Как не дать в душе чертополоху
Вырасти до этаких вершин,
Что не будет от него и вздоху.

27.04.2011 г.; 1-50

Даря книгу об отце моём и его деде...

СЫНУ

Книгу редкостного ограна,
Как замыслено по судьбе,
Безо всяческого обмана,
Милый сын, я дарю тебе.
Невозможна пред тенью предков
Не обманность, не даже фальшь —
Был наш род в этой жизни — редкость,
Не имея в роду генеральш...
Так стоят они — не святыми,
Но безудержно высоки,
Ибо честно носили имя,
В разночинстве своём легки...
Тем Россия и благочинна,
И в мещанстве своём тверда,
Что не в титуле — святость чина,
А что честью душа горда...
Будь же прочною связь поколений —
Нашей Родины благодать,
Не упорствуй в бреду сомнений,
Что есть долг — страну сохранять...

27.04.2011 г.; 2-10

* * *

Чем выше твой священный долг —
Тем все сомнения наивней,
Поскольку даже в русском гимне
Глас божий вовсе не умолк...
Пусть не смущает кривотолк,
Что честности долги противны —
Самосожжения восторг
В России, как моржовьи бивни...
Пусть вырежут из них узор
На сувениры для туристов...
Национальность — не позор,
Не дело даже коммунистов...
В их судьбах — святость естества
И редкий отблеск мастерства...

27.04.2011 г.; 2-30

ЧАСТЬ III
**ИСПАНИЯ,
КАК ВСПЫШКА**
(май 2010)

ОТ ДРЕВНЕГО КИТАЯ ДО КАТАЛОНИИ

В одни сутки я проделал такой путь под покровительством любимого сына. И хотя «Древний Китай» — всего только ресторан в Камергерском переулке, где под вечер собрались друзья-однокашники моего конквистадора-уральца, Каталония к середине второго дня — самая подлинная и реальная, со Средиземным запахом древнего моря, парусом вдали и цветущими шпалерами магнолий.

Но, по-порядку... Утром 26 апреля я посетил в Борисоглебском переулке Дом-музей Марины Цветаевой, снова перебрал её трагедию, величие и мученичество, ощутив боль её одиночества в 1918—1922 годах (как моей мамы в 1941—1945).

Марина Ивановна считала, что Мур похож... на Наполеона и в профиль, и в фас... И он её довёл до веревочной петли, прости Господи... А Волконский — её аристократический гений, так и исчез в Америке... А Родзевич на фото рядом с Сергеем Эфроном. Аля Эфрон — итог всей эпопеи — наследница Марины.

А потом был ресторан возле Театральной, где возрожден почти Большой театр и гостиница «Москва» — чудо нового времени России, её святыня и жемчужина. И пусть «Древний Китай» — тоже одной из них станет. Там опять Андрей Леонидович Мартынов (нар. артист СССР) хвалил Лёшу за

25 лет знакомства (со времени 1987—88 гг., когда тот жил с Верой в квартире возле Белого дома), куда Андрей Леонидович приносил какие-то прес-сованные ленты копчёного мяса, а Лёша их жарил и пили все дружно вино и пиво канистрами.

И хвалили его другие, говоря о силе характера, мощи слова и любви к семье. А Вадик сидел рядом, только что побывав в Швеции, в Упсале. Один из всех россиян победив в конкурсе «Я знаю Швецию». Там конгресс молодых лидеров Европы, и он там был, и доволен, и восхищён Швецией (как, впрочем, многим в этом распахнутом для него мире).

Так стремительно прошёл Лёшин 46-летний юбилей при наличии Настёны.

А на следующее утро — рывок в Шереметьево через исполинскую МКАД с миллионами автомобилей, пробками и хаосом техносферы. Прибыли... через три часа (с 7-10 до 9-45, а самолет в 10-00!). На нервах регистрация — мгновенная (опыт Кати и Алёши в перелетах!), длинный полет самолёта, где Настя и поет, и ходит по проходу ножками!, и спит, и улыбается.

В Барселоне были по Москве в 15 часов (разница 2 часа с Москвой). Взяли автомобиль «Ситроен» и прибыли через 15—20 минут по автотрассе — в городок Кастельдефелс, где и отель для проживания.

На берегу моря, у песчаного пляжа — сотни двухэтажных домов из кирпича с черепичными

кровлями, пальмы и магнолии, криптомерии и лавры, как полагается. Магазины, пивные и в них скромные люди (даже китайцы здесь — хозяйки лавок). В пивной почти нищая братия, быстро говорящая меж собой. Инвалид на коляске пьет пиво и курит, хотя сигареты дороги (около 5 евро — 200 рублей пачка).

Вечером Лёша с Катей уехали за покупками, а я укладывал Настю. перевозбуждённая, она долго плакала и вздрагивала, а я носил её на руках, как Машу, а до этого — Женю, а о этого — Вадю, а до этого — Анюту, а до этого — Алёшу... Пятеро детей на руках — опыт жизни. Будет ли кто ещё — не знаю. Но рад этому — новые дети, новые города, страны, моря...

Не чудо ли — наша жизнь...

28.04.2011 г.; 9-30

по Москве

ХРАМ СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА

Антонио Гауди строил с 1882 года. 432 года жизни. Умер в 1926 году. С остановками зодчество шло весь XX век. В 2010 году завершено покрытие здания, нефы и молельный зал площадью 4,5 тыс. кв. метров.

Входит 8 тыс. человек (0,5 кв.м/чел.). Высота центра потолка 45 метров. Фасад Страстей — с 1986 г. Жузеп Мария Субаракс. Фасад Рождества — сам Гауди. Будет Фасад Славы (входн.

группа — Слава Веры)... Покрытие зала окончено только в 2010 году!!!

* * *

Со времен Вавилонской башни
Манит зодчих святая высь...
Даже вымолвить это страшно:
Человек — высоте молись...
Камень, сделавшись перекрытьем,
Освящает любую мысль...
И духовность такого события
Превосходит всегда корысть...
28.04.2011 г. Барселона

* * *

Концентрацией духа и воли
Воздвигается здесь чертог,
Чтоб душа содрогнулась от боли —
Как унижен был в мире Бог...
Потому сквозь столетья стойко
Замыкается медленно свод,
Человечество — это стройка,
Хоть цунами на нас идёт...

* * *

Нет ещё башни Иисуса
И Богоматери нет...
Видно, они вознесутся,
Когда наш простынет след...
Мир застаём врасплох мы.
Он не достроен всегда...
Может, каркас и грохнет...
Много тогда вреда...
Что ж, на земельном шаре
Многое произошло:
Не сосчитать аварий
Реже стоит добро...
Вот пожелаю удачи
Риску, который зрим,
Жить нам нельзя иначе:
Каждому снится Рим...
29.04.2011 г.; 9-15 (время московское)

* * *

Возле порта клумбы —
Розы и шалфей...
Памятник Колумбу
В окруженьи фей.
Средь крылатых женщин
Он стоит в плаще...
Всех богов не меньше,
Сгинувших вотще...

Жест его известен:
Пальцем — в горизонт...
Он здесь так уместен —
Новый Робинзон...
Основатель эры
Натиска афер,
Революционером
Всем векам пример...
Нет ему подобных
В мире из вождей...
Выше слав и злобы
Он — среди людей...

29.04.2011 г.

*Барселона; морской порт Каталония тех
времен — отдельное королевство, одолевшее
мавров (арабов), полное редкой гордости и
самоуверенности в правоте
мировой цивилизации*

По поводу идей Э. Тоффлера.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О МНОГОСЕРИЙНОМ БРАКЕ (триптих)

* * *

Находясь в стремительном потоке
Многотрудной жизни наяву,
Я не раз оценивал жестокость
Факта, что ещё я всё живу...
Пусть и не похож я на траву,
Что растёт сама у водостока —

Я ведь жизнь задумывал высоко,
И надёжно ткал её канву...
Пусть другие на корму подножном
Впитывают соки, не спеша,
Я не буду выводы итожить,
Коли жаждет творчества душа...
В ней порывы нежности не слабнут,
Потому мотив любви прославлен...

* * *

Потому мотив любви прославлен,
Что отдача щедрая взамен
Мне в саду напоминает грабли —
Инструмент эпохи перемен...
Отбирать умея прах и тлен,
Ты паришь в восторге дирижаблем,
А вокруг поёт то дрозд, то зяблик,
И даёт здоровье сочный хрен...
Труд души — поэма садавода,
А не кочевого мозгляка,
Потому что истинно природа
Вразумляет нас наверняка.
Но распад... Распад в подлунном мире
Уподобить может всё сатире...

* * *

Уподобить может всё сатире
Наш желудочно-кишечный тракт,
В теплой пребывающий квартире
И творящий на постели акт...

Обуздать его — ещё не факт.
Приучить его к мечте о лире —
Вот тогда спасительный антракт
Сам тебя спасёт в подлунном мире...
Лишь простою пищею живя,
Размышляя о красе природы,
Равномерно благосклонен я
К пониманью и чужой свободы...
Тут — любовь. Свобода. И Мечта...
И доступна мира Красота...

29.04.2011 г.

под Барселоной в местечке Кастел де Филдз

Тоффлер настаивает на неизбежном развитии многосерийных браков в ответ на быстроту жизни, как плата за свободу... Но признаёт: «Без сомнения, найдутся счастливицы, которые благодаря умению ладить с людьми и высокому интеллекту сумеют добиться успеха в длительном моногамном браке... Им удастся сохранить единственный брак, взаимную любовь и привязанность на всю жизнь».

ЗАЧЕМ? А ЗАТЕМ

(диалог)

— Какое безобразие — у вас разнообразие!
Европа или Азия творят свои фантазии!
Зачем такие сложности
Использовать возможности
Новейшей технологии,
Чтоб пользовались многие...

— Затем разнообразие,
Чтоб пробуждать фантазии
Различных точек зрения
На в жизнь приспособление,
Поскольку обстоятельства
Диктуют обязательства
По своему участию
На разновидность счастья...

Одним — рыбалку с кеглями,
Другим — общение с предками,
Иным — ездю без продыха,
Другим — сады на воздухе,
А третьим — послушание
В астральном мироздании...

Пусть в нашей непохожести
Нас не поборют сложности,
Миров непредсказуемость...
Так видов образуемость
Нам биосферу создала,
Что выжила под звездами.
29.04.2011 г.

БАРСЕЛОНА (Каталония)

Как и все на зелёной планете,
Каталония ищет себя,
Чтобы жили её чудо-дети,
Свой язык и отчизну любя...
У неё — непохожие храмы,
И художники — мастера,
И в истории — разные драмы,
Где едины «давно» и «вчера»...
Свой язык и олимпиада,
Флаг и даже отличие в наградах,
И гражданские войны свои,
Где критерии «братской» любви...
Лишь в одном она схожа со всеми:
Непохожесть ущербна её
В той громадной единой системе,
Где нужно показное враньё...
Покоряясь всемирному братству,
Каталония грустно молчит
Про своё чудотворство-богатство,
Как пред атомом — пламя свечи...
29.04.2011 г.; 13-15

* * *

Когда идут по небу самолеты
Громадной непрерывной чередой —
То кажется, что божины высоты
Наполнены немислимой бедой...

Они летят от моря к Барселоне,
Которую спасал незримый Бог,
Где Монсеран стоит на горном склоне,
Где Богородицы серебряный чертог...
Под ними храм Священного семейства,
Воздвигнутый для памяти у всех,
Какое непомерное злодейство
Несет в себе наш человеческий грех...
Всё тянется к высотам, к небосводу —
И он же опаляет нас бедой...
Царим ли на земле мы ей в угоду —
Или её же делаем пустой...

30.04.2011 г.; 9-40,
гостиница в Кастелфилде

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ

(новелла)

Мне семьдесят, Алёше — сорок шесть, Кате — тридцать, Вадику — двадцать... Сидим. Они пьют красное вино, едят нарезки, артишоки, ракушки, из которых палочками выковыривают мякоть. И закусывают алой клубникой по десять евро.

Шутят весело и с подначкой. Вадик говорит, что папа стал вдвое толще с последнего раза, как был на дне рождения в ресторане «Древний Китай»... А было это четыре дня назад...

Вадик прилетел в Барселону сам, послав «эсеску», чтобы его встретили на вокзале пригородной электрички городка Кастель де Фелда, где мы жи-

вём в скромном отеле. Мы и встретили. Плотно пообедали с вином «Сангрия» — это компот с виноградным вином. Ели «Илия» — рис с устрицами и лангустами, приправленный томатом...

А теперь, спустя три часа, сидим в номере и планируем завтрашний день.

— Я уже сыт по горло океанариями, — говорит Вадик, — и музеи мне надоели. Лучше автобусная экскурсия по Барселоне.

— У тебя в Москве к пенсии построят океанарий, а здесь — готовый, — говорит Катя.

Я встречаю неумело с рассказом, что хорошо водить внуков на морских животных. С Машей, когда ей было почти три, мы ходили зимой на дельфинов, которые вертикально на хвостах ходили парой в бассейне.

Алеша бросает язвительно: «Откуда зимой дельфинарий в Челябине?»

Объясню, что это был надувной павильон и дельфины носами отбивали надувные мячи прямо в публику, а Маша так смеялась, что запомнила навсегда это чудо.

Вадик вставляет: «Ты водил неправильную внучку, а я буду — только однофамильную».

Я, конечно, горжусь, что он хочет продолжить род и теперь у него есть маленькая годовалая сестра — однофамилица. Но она не продолжит рода, а Вадику нужно обязательно это сделать.

И соглашаюсь: «Это хорошее желание, только как доживёшь до внуков, то уже всё равно:

фамильные — не фамильные, они все чудесны».

Мы сидим расслабленные и сытые, умиротворенные и хорошо нам подтрунивать друг над другом.

«Никому не доверяй, кому больше тридцати», — вспомнил я страшную фразу из поколения европейских хиппи.

У нас пока не так...

30.04.2011 г.; 23-00

* * *

События в жизни сложены «крест на крест»...

Венец из горя, радостный — другой...

Как не бывает до избытка счастья —

Так сруб бывает по венцу гнилой...

Но не заменишь ты его рукой,

Не избежишь гниения напасти,

Над прошлым нет уже настолько власти.

Ты для него — невольник и изгой.

И только памятью ты волен над прошедшим...

Тогда она, изменчива-нежна,

Рисует акварелью всех ушедших,

Как сладостных явлений времена..

Дом памяти — не склеп, а храм гордыни,

И каждый в нём венец — твои святыни...

30.04.2011 г.; 23-10

* * *

Я много видел крепостей

Из валунов гранитных,

Из камня сложенных костей,

Преданьем знаменитых...

Но лишь в последние года

Своей немалой жизни

Припоминаю я всегда

Мой крепкий — дом в Отчизне.

Его высокая стена

Песчанно-известкова

Остановила времена,

И пробудила слово...

30.04.2011 г.; 23-30

О книге Тоффлера «Шок будущего»

СОВРЕМЕННЫЕ СТАНСЫ

(триптих)

Кто предостережен, тот вооружен...

Мигель де Сервантес

* * *

«Ноу-хау» в этой жизни,

Что стремительно летит,

Не приверженность отчизне,

А отменный аппетит...

Не стремленье древних к братству,

Не поклоны старикам,

А приверженность к богатству

И презрение к векам...

Ни к чему нам старый хлам,
Шире створки святотатству,
И наклонность к верхоглядству
По душе сегодня нам...
Что ж, отлично. Симпатична
Пересортица времён,
Только очень треглодично
Новый выглядит закон:
Всё меняется, конечно,
Каждой эре — свой уклад...
Можно мыслить бессердечно,
Коли хочешь строить... ад...
*02.05.2011 г.; 15-10,
под Барселоной*

* * *

Коли хочешь строить ад,
Поклоняясь переменам,
То реальность откровенно
Замени на зоосад...
Звери разные на свете
По природе рождены...
Только хищники, заметим,
Не без умысла нужны.
Им дано лишь травоядных
К размноженью побуждать,
Нам же — высшим и всеядным —
Роль — природу сохранять...
Как бы мир разнообразен
Ни был в ходе перемен,

Есть границы у фантазий:
Разум похоти взамен...
Существует дисциплина
В мире плотском и живом:
Выше статус исполина —
Строже ты в себе самом...
От паломников-аскетов
До изгоев от наук
Сквозь века ведётся это
По преемственности мук...
Вот основа биосферы
С ноосферой в чете,
От Всевышнего примера
Взявши тезис в правоте...
*02.05.2011 г.; 15-30,
там же*

* * *

Адаптация возможна,
Коль умеешь обобщать
Различая, что ничтожно,
А где — вечности печать...
Категории мышленья
Выбор делают тогда,
Когда детское стремленье
Обожгла собой беда...
Мы играем в жизни игры,
Бездны стоя на краю,
Вероятности постигли,
Сберегая жизнь свою...

Пусть ведут эксперименты
Одарённые умом,
Но первичны элементы
Даже в космосе самом.
Так и наш духовный космос
Стоек ценностью добра,
Он сложился так непросто,
И сложился не вчера...
Не материя первична,
А сочувствие души,
Потому-то, строя Личность,
Средства выбрать не спеши...
*02.05.2011 г.; 15-50,
там же*

О БУДУЩЕМ (микро-поэма)

Вступление

Когда ты стар, а внуки подрастают,
А дети зрелостью животворят тебя —
Грядущее не связано с крестами,
И мысль уже совсем не про себя...
Ты с болью думаешь о том, какие грозы
Под ними непременно обожгут
Всю землю, вызывая слёзы,
И выплеснут отмщения сосуд...
Тогда осознаёшь всю невозможность
Им передать прогнозную модель,

Которая питала осторожность
Перед собой поставить жизни цель...

Пусть загодя предвидел я крушенье
Ходульных схем устройства бытия,
И сына остерёг от самомнения —
В его успехах роль мала моя...
Но видеть мощь возмездия Природы
Буквально в каждой скважине Земли,
Набег пустынь, отравленные воды,
Их лица в горести и зарево в дали...

Я не пророк. И я не футуролог...
У них и так немалый кругозор...
И пусть мой путь теперь совсем не долог,
Не буду я смущать их ясный взор
И возглашать надменно всякий вздор,
Но приоткрыть обязан жизни полог...

Часть 1

Идут чредой людские поколения.
Меняются цивилизации Земли.
Их вечно бы, казалось, обновление.
Но ты спокойно Разуму внемли...

Вот я сижу у Средиземноморья,
У одного из кратеров земных,
Где Пиренеев древнее предгорье,
Где волны бьют с времён весьма седых...
Здесь римских крепостей крутые камни,
Что некогда разрушил Ганнибал,

Сменились на узорчатые ставни,
Которые Аллах лишь позволял...

Разбили мавров рыцари христовы,
Монастыри на скалах основав,
В походах всепобедных и крестовых,
Казалось, на века создав Устав...
Но здесь Колумб отчалил в каравелле,
И, жаждя Индии, Америку открыл,
И прежние воззренья устарели —
Мир стал иным, и веру оттеснил.

Настала эра голого расчёта
И супер-напряжённого ума,
Монархия так жаждала почёта,
Что от забот разрушилась сама...
Погрязшая, как римляне, в разврате
И Англии все битвы проиграв,
Испания за всё ещё оплатит,
Наполеону доказавши нрав...

Но фабрики встают, колониальных
Товаров обрабатывая кладь,
И тысячи испанцев гениальных
Свободы добиваются опять...
А Гойя им возмездие пророчит,
Сон Разума предвидя, как титан,
Но человечество признать не хочет,
Что зря Колумб осилил океан...

Войны гражданской горькие уроки
До ярости осмыслил Пикассо,
Но бесполезны нации пророки,
Они хотят отведать вся и всё...
Крах мировой войны — то разветвление,
По-видимому, лишь правящих элит...
Диктатор Франко за восстановление
Монархии лишь будет знаменит...

А сами ошалевшие народы,
Труда ручного проклиная век,
С автомобилем получив свободу,
Впряглись в узду бензиновых телег...
Пришёл атомный век — господство страсти
И наслаждений жадного житья,
Лишь терроризма вредные напасти
Колеблют все основы бытия...
Где ж Разум тут? Закована природа
В бетонные узилища дорог,
Захлестывает выбора свобода
Европу и — от зависти — Восток.
Один стандарт. Одна событий мера:
Урвать при жизни только для себя...
И настаёт компьютерная эра,
Ограниченья страсти истребя...
И Барселона всех других не хуже,
Сверхзвуковых прилётов в день пятьсот,
И снова статус ей столицы нужен —
Пчелиный улей из бетонных сот...

Плывут паромы в Пальма-де-Майорка,
Морепродукты дешёвы пока,
Паломники комфортного восторга
Коптят на пляжах бледные бока...
А Северная Африка бунтует,
Завидуя Европе за комфорт,
А Азия талибами лютует,
Отстаивая свой высокий сорт...
И дело не в разрыве тут богатства:
Япония, не рассчитав судьбы,
Испытывает ужас святотатства,
Бумажной пленкой заменив гробы...

Не надорвётся ль мир в таком кошмаре,
Привычно к бойне мировой скатясь,
Или ученых заключив в концлагерь
За то, что держат с Сатаной связь...
Как ни близка мне точная наука —
За выбор я такой не поручусь...
Так говорю я, думая о внуках,
Хоть эти мысли навевают грусть...

Часть 2

Но что там европейский блуд...
Привычную я вспоминаю сцену:
Пенсионера средь России мнут
Подростки в пьяном раже откровенно...
Старик... Он — извращенец. Мутота.
Он сгинуть должен вместе со страной.

Для них он просто жизни пустота
Со всей своей медальной срамотою...

Цивилизации уроки непросты.
Срыв каждой параллели — это пропасть...
И старика затащут враз в кусты,
Чтоб только «мусора» случайно не прохлопать...
Нет гаже нашей русской кутерьмы.
Любого лидера затопчут после смерти,
И ни к Европе не прильнули мы,
Ни к азиатской тайной круговерти...

Ведь в Азии почётны старики,
Да и в Испании, где раньше были мавры,
Они — грядущего крутые знатоки,
Снискавшие и уваженья лавры...
Грядущее... Тебя ли не узнать
В России и в Испании отменно,
Одним — старинных песен благодать,
Другим — презренье юных откровенно...
Уже в Галиции обычай — старика
За печку выгонять на холод к сроку,
Ну, а в России даже кержака
Насмешками шпынять, не видя проку...

Вы скажете: святые — вот урок,
От праведников мудрые советы...
Но век в России истинно жесток,
И тьма священников узнала это...

Не ждут в России истин от святых,
Пусть приобщенных к благодати посмертно,
И затмеваются советы их
Прискорбной властью, страждущей усердья...

Грядущего в России — не узнать,
Поскольку лишь Европа милосердна,
Сумев народы в мире примирять,
За что и многофлажьем разноцветна...
Грядущему там в атоме — запрет,
Ученых — осмеют за ретроградство,
У нас же власти противленья нет,
В почёте только — наглое богатство...
И опыт постепенщины нам чужд,
А нетерпенье со времен советской власти —
Единственное средство всяких нужд,
Спасение от вражеской напасти...

Так в чем же опыт будущего здесь,
Где кувыркаются бомжи и проходимцы,
Где лишь в почёте дьявольская спесь,
Которою гордятся лихоимцы...

Но опыт есть. Он — в слове «вопреки»...
Он — вопрекор и власти, и предместью...
Так в теле гор таится бег реки,
Пещеры образующий в безвестьи...
И в тех пещерах после будет жизнь
Общин, не ведомых чиновной власти,

Их собственные даты годовщин
И самоуправенье без напасти...
Как приобщить их внукам — вот вопрос.
Воздержанность — вот корень наш упорства,
От них российский наш народ возрос,
И только им вершил он чудотворство...

Компьютерные дети... Без земли,
Без навыков терпения в несчастьи...
Вы к изобилию нежданно пришли,
И только в нём узрели чудо счастья...
Со «скайпом» вам доступен целый мир,
Друзей вы обретаете всемирно,
Свобода выбора — вам истинный кумир,
Хотя она загадочно-обширна...

Невыстраданность — это не болезнь...
Она пройдёт, когда наступят беды,
И незнакомство с глубиной бездн —
Лишь только вероятность для победы...
Оставим внукам выбор на потом,
Лишь только воспитаем в них состраданье,
А будущее — это не фантом,
Когда есть ощущение незнания...

Немногим это вызнать суждено,
Но каждый, кто старик, тот знать обязан:
В Европу коль прорублено окно —
Не обходись уклончивою фразой...

В Испании монархия жива.
В России воцаряется беспечность,
И в силе только честные слова,
И в них, по-видимому, сокрыта вечность...

Часть 3

Сегодня всем командует успех...
Не любознательность природного ограна,
Не любопытство, что коснулось всех,
Кто повзрослел когда-то в дни тирана.
Тогда нас воспитало матерей
Крестьянское, мещанское терпенье,
Что знали песни всех лесов-полей
И у икон чуть слышное моление...

Теперь — не то... Распахнут целый мир,
В котором ценность — в долларах наличность,
Особняки взамен былых квартир
И дерзкая без романтизма личность...
Но ей другие беды про запас
Оставило жестоко Провиденье:
Жить без любви, стреножа каждый час
Всех курсов акций нервное движенье...
Пронизана пульсацией числа
Вся ткань цивилизации соблазна,
И требует наличие ремесла
Холодного расчёта и сарказма.

Осмыслено наукой, что распад
Тяжёлых элементов во Вселенной

Даёт не только в небе звездопад,
Но правит нашей жизнью повседневной.
Уран перегоняется в свинец,
Давая нам космическое время,
А человечеству — искусственных сердец
Создать дано томительное бремя...

Тогда, возможно, одолев барьер,
Достичь других планет для размноженья...
Но, деньги... деньги... Каждый лицемер
Тиранит Землю в жажде наслажденья...
Тот мир наживы Разума не чтит,
Природные законы презирая...
Так в каждом поколеньи палачи
Для будущего жадно вырастают...

Вот квадратура круга впереди:
Преодоление жадности немногих
И, сердце новое вобрав в груди,
Искать другим космической дороги...
Такой дилеммы прежний мир не знал,
Наивный якобы в порядке Божьем,
И заложив в грядущем аммонал
Себялюбивости подножьем...

Вот главное, что я сказать хочу
Всем внукам — правнукам перед своим уходом,
Тут не прибегнешь срочно ко врачу,
Спасать планету нужно всем народом...

Уроки миротворчества как раз
Востребуются заново дотошно,
Иначе вас грядущее предаст,
Возмездием за весь разгул истошный...

Космический над всем Императив
Довлеет над Грядущим неотступно,
Чтоб снова в обезьян не превратив,
Не стало Человечество преступно...

Эпилог

Эскизен очерк будущих времён,
Но именно на переломе века,
Пожухли ткани доблестных знамён,
Что утешали человека...
Бледнеет и возможность получить
Не только вечный двигатель прогресса,
Но и уверенность, что нас спасут врачи
И технократы политеса...

Не покоряется упорный термомод,
Земля пульсирует, стряхнуть с себя пытаюсь,
Наш полуобразованный отряд,
В котором лидер — нынешний китаец...

Ничто не решено... Обратный счёт
По-видимому, сработает не скоро.
Ресурсы всей Земли наперечёт,
А информация — лишь повод для раздора.

Объединенье наций — вот залог
Успешности грядущего для внуков,
Хоть знаем мы, что Человек — не Бог...
Не Сатана ли он... О том — ни звука...

03 — 04.05.2011 г.;
гостиница под Барселоной

СТАРИННАЯ БАРСЕЛОНА

Квартал средневековых улиц
Соборы. Площади чуть-чуть.
Века как будто бы нагнулись,
Историй сохраняя суть...
Внутри старинного собора
Раскопки римского двора —
Тысячелетия раздора...
Как жизнь, поистине, стара.
И мраморные лица римлян,
Давно исчезнувших во мгле —
Лишь миг в истории старинной,
Но живших точно на земле...
Над ними — древнее аббатство,
Преславный рыцарей уклад:
Вино и всяческие яства,
Которые благословил аббат...
А после — каменные своды
Органной церкви, где Колумб
Дал человечеству свободу,
Америки вступив на грунт...

Таков остов цивилизаций
В той Барселоне, что жива,
И привечает сотни наций
В своих естественных правах...

03.05.2011 г.; 23-40

* * *

Мы танцуем фламенко
В этой жизни с тобой,
И мгновенье момента
Длится наша любовь...
Ты горда и спесива,
Я горяч и горазд,
Ты богиней красива,
Я на вызов фантаст...
На моё оскорбленье
Ты ответишь огнём,
Чтобы в изнеможеньи
Мы сливались вдвоём.
И, тобою унижен,
Пред тобой упаду,
И нельзя быть нам ближе
В танце, словно в бреду...

04.05.2011 г.; 20-30

*После концерта фламенко
в испанской деревне*

* * *

Взглянуть на море сквозь прицел
Орудия стального
Дотоле можно, коли цел
Для бытия земного...
Стоят орудия — слоны
В форту у Барселонь...
Нужны они иль не нужны...
Они — не фараоны...
Поставлен рядом инструмент
Оптический за евро,
Монету бросишь — и в момент
Лечи виденем нервы...
Увидишь здоровуший порт,
Где судна-исполины
Уж не надеются на форт
И прошлые былины...
Везут они со всех сторон
Туристов и ресурсы,
Какими берег обделён
По биржевому курсу...
Стрелять не надо. Это чужь.
Она несовременна,
И вся Испания, к тому ж —
Лишь конъюнктуры сцена...

05.05.2011 г.; 8-10

Барселона. Форт

5 мая побывал в Театре-Музее Сальвадора Дали в г. Фигерасе в 150 км от Барселоны, в самом предгорье Пиренейских гор. Обворожительный музей — шокирующий и привлекательно-колдующий. Купил два путеводителя по нему и массу мелочей.

Сюрреализм Дали околдовывает подсознанием и осознанием сложнейшей природы не только снов, но и в целом — насмешкой над самоуверенностью человека, сожалением об энтропии сущего, искусственного, превращённого в феерию подвига художника, заставившего замереть Время при всей его текучести. Концентрация всей истории мировой культуры неимоверной силы, до атомной энергии сосредоточения в крошечном пространстве всего хода мировой цивилизации... Ни одно фото это не передаст, ибо архитектура здания, переходов, точек зрения невозпроизводима. Надо здесь побывать десятки раз, чтобы впитать цвет, музыку, струение воды, игру светотеней и старинной кладки стен... город его судьбы и край — Ампурдан — приобрёл в Музее мировой размах, как сказал сам художник...

* * *

У воды, на пляже, возле моря
Вдруг молниеносно вижу вновь,
Как Она на спину мягко ляжет,
Милая моя любовь...

Солнечная, сдобная, как тесто,
С запахом солёным от песка...
Юности моей Она невеста,
Как Она отныне далека...
Почему настало расставанье.
Неразрывна между нами связь.
Вечное моё очарованье,
Как мне жить, с Тобою распростиась.
Обжигает солнце мне колени.
Шелковистый, холодит песок.
Бесконечна череда видений,
И стучит мне кровь опять в висок.
Судорга отчаянием сводит,
Мышцы отдирая от кости...
Годовщина грустная подходит.
Бог меня, наверно, не простит...
06.05.2011 г.; 18-10

После дневного отдыха
на пляже под Барселоной

6 МАЯ — ГОД НАСТЕ

На грандиозном ужине, стоимостью 80(!) тысяч рублей (2000 евро) с лобстерами, устрицами, лангустами, жареной курицей, бараниной и т. п. Алёша рассказал эпизод из детства, когда его дед Алексей Саввич, как работник партийный и с ружьём (только они имели на это право!), был приглашен на отстрел голубей на ЧЗК (завод им. Коллющенко) в цехе презентационной продук-

ции. Голуби портили чистоту изделий и их были тысячи (это 70-е годы).

И вот настреляли мешки голубей и поехали в наш сад и Логиновых, и Огарковых. Жарили после ошипки, делали рагу, выпивка и пивняк. Алёше (около 6 лет) дали попробовать и того и другого. Было классно и радостно. Баба Маша сердилась и зудила деда, но тот принял во всем участие, чем и впечатлил внука.

Он это помнит всю жизнь, как и знакомые мне «сортировку», «поджиги», кино «30 лет ВЛКСМ», халяву с билетами и подвиги обмана всех и вся...

Это мир его дерзаний, баба Надя и даже моя бабуся, что давали ему деньги на мороженое и в кино.

Как близок он в детстве с моим миром радости и дерзаний. Ему — 46, мне — 70, но мы из одного кулька. Чудо!

06.05.2011 г.; 23-30

* * *

Сколько Ты не узнала, любимая...
Скоро год, как Ты в мире ушла,
И выросла Твоя внучка незримая,
Что Твоею заменой была...
Когда Катя её родила —
Я угрозу почувал голимую:
Она место Твоё заняла
И теперь годовалая, милая...

Сколько жестов Твоих у неё,
Выразительных, страстных и творческих,
Словно жизнь сквозь Твоё забытьё
Нам являет видений пророческих...
Это Ты, как младенцем, была,
Выносила мученья стойчески —
Так она, яснолико-светла,
Все превратности чтит героически...
Жизнь мудрее, чем чувствуем мы,
По уходу стена и бедствуя —
Солнце всё-таки яростней тьмы,
Нас всегда одаряя последствием...
06.05.2011 г.; 23-40

* * *

Воздвигнуть памятник Тебе нерукотворный —
Моя мечта. Нельзя, чтоб Ты ушла...
Твои две внучки так растут, упорны,
И у обеих — облик Твой чела.
Ты не в безвестность навсегда ушла —
Ты возникаешь в думе непритворной,
У сына память о Тебе светла,
У дочери характер непокорный...
И мне, доколе жив я на земле,
Твой взгляд так пристален и испытующ,
Что замираю я, навеселе,
Как будто видя очертанья чудищ...
Жизнь двойственна. Её не пресечёшь...
Но как же внук с Твоим упрямством схож...
06-07.05.2011 г.; 23-50—0-30

* * *

Предстало во мне Твоё сердце,
Разорванное во сне,
Как будто открылась дверца
В таинственной тишине...
То Ты показала, как страшно
Себя надорвать от любви,
И жизнью разбитой, вчерашней
Открылись мне муки Твои...
И я, тоже шедший по краю
Той пропасти, где Ты ушла,
Теперь окончательно знаю,
Что значат такие дела...
И я сохраняю обычай
Транжирить себя до конца,
Не ведая больше приличий,
Меняя характер лица.
Кончина Твоя не безлика.
Ты всё ж обучила меня
Священной опасности лика,
Что прячет в себе суетня...
07.05.2011 г.; 0-30

* * *

Что понял Сальвадор Дали...
Что нет спасенья от земли,
В которой вырос ты, глупыш,
И выжил, как слепая мышшь...
А мир контрастен и двулик,
Меняет облик каждый миг,

А ты — лишь только ученик,
А мир всеяден и велик...

Но понял Сальвадор Дали,
Что есть крушение в дали,
Притворству, ханжеству и лжи
Свои приходят рубежи...
И прав лишь только Дон Кихот,
Что за мечтой идёт в поход,
Пусть за любовь заплатит он
Презрением со всех сторон...

И плюнул Сальвадор Дали
На равнодушные земли,
И сны в дерзанье воплотил,
И в снах себя похоронил...
07.05.2011 г.; 0-45

ВИДЕНИЯ АПОКАЛИПСИСА

Иконография Земли
Мне ясно видится вдали,
Где пирамид священный вид,
Соборов тесаный гранит,
Распятый Бога жуткий крест
И свалки мерзкие окрест...
Дорожных знаков простота
И жертвенников красота:
С аутекской чашей для голов,
Где тел окровавленный плов...

Чернобыля стальной каркас,
Где в ромбе вписан женский глаз,
И кукла детская без ног
В пыли упала на порог...
Вот бьёт свинцовый океан
В разбитый пьяницы стакан,
Который треснул вдоль по дну
И отражает в нём луну...
Лишь флейты слышен голосок
Вдоль опустыненных дорог,
Фигурка женская видна
На фоне неба полотна,
И в плащ закутана она...
И флейта, флейта чуть слышна...

После музея Дали

* * *

Поседевшей матери виденье
Поутру является ко мне.
Символом бывшего поколения,
Что не поддавалось слепой войне.
Как я счастлив был тогда вполне,
Никогда не ощутив сомненья:
Женщине дано преодоление
Всех невзгод и бед в родной стране...
В том меня супруга укрепила,
Заменив на полстолетья мать,
Потому и названная Мила,
Что меня умела понимать...

Неужели всё это исчезло
Мановеньем жизненного жезла...
08.05.2011 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ДРУГОГО МИРА

Я возвращаюсь наконец-то
Из концентрации удобств,
Сосредоточено где Нечто,
Неотличимое от злобств...
Из заторможенного шока
Всеизобилия чудес
Я возвращаюсь, как с Востока
Внезапно выгнавший ликбез...
Сверхпоражённый от мутации
Людского племени извне,
Не напишу я диссертаций
Об этой сказочной стране.
От короля до падишаха
Прошедшие когда-то путь,
Они — изделие ландшафта,
Сполна освоившие муть...
Принять такое — не геройство,
А только рыцарству удел...
Такого не имея свойства,
Я в глубь России прилетел.
19.05.2011 г.; 17-50

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ОДОЕВЦЕВА

(Ираида Густавовна Гейнике)

1901—1990 гг.

Автор романа «Ангел смерти» и воспоминаний «На берегах Невы», «На берегах Сены»... С 1922 года — во Франции, в 1987 году — в СССР...

Встреча с ней в 1989 году в С.-Петербурге (тогда ещё — в Ленинграде, вернее — в Доме Союза писателей в Комарово, где могила Ахматовой).

Беседы длинные о её мужьях, которыми она очень гордилась... Кто это? Ходасевич, Иванов... Только непрерывно хвасталась и гордилась собой. Старушка, которую наёмная женщина лет сорока возила в кресле на террасу, где мы и сидели. К себе не приглашала. Мы были с Милой и Анютой, которой было 16 лет. В старшем классе (видимо, 8 или 9 класс). Ездили в Ленинград в Эрмитаж и Петергоф, Пушкин и т. д.

Тогда (август 1989 г.) шли жуткие забастовки шахтёров в Кузбассе, перекрытие дорог железных и авто. Всё колебалось и дрожало. (Расспросить Анюту — какие крохи у неё в памяти).

Написано, читая М. Цветаеву — письма к Анне Тесковой М., 2008. Музей М. И. Ц. (куплена в процессе посещения Московской квартиры на Арбате)

* * *

Весёлая женщина Флюра...
Ах, как же ты нравишься мне,
В деяньях своих ты не дура,
Особенно по весне...
Копает и сажит растенья,
Смеётся, как девочка снов,
Хватает и сил, и уменья
Постичь садоводства азов...
Но шутит она как-то странно:
То спрячет ошибкой ключи
И, в том не желая обмана,
Вдруг с радостью детской кричит...
Не любит она алкоголя,
А любит мазилки всюю,
Намажет то с мёдом, то с солью
Меня, как в шашлык — поросю...
И, в этих влеченьях искусна,
Всё ищет эксперимент:
Вдруг вызреет чудом капуста,
Когда ей не дашь экскремент...
16.05.2011 г.; 11-50,
поезд в В. Уфалей

ДВЕ БАНИ

Давно, в начале октября,
Минувшего годища
Я Флюру пригласил не зря,
Сам в шоке от кладбища...

В селе Варламово был дом,
И сад, и двор, и баня,
Я управлялся там с трудом
Наполненный рыданьем...
Тогда, вот именно тогда
Мы с ней помылись в бане —
И пала пелена стыда,
Сменяясь очарованьем...
Промчалась долгая зима,
Мы, снова обнажённые,
Почти сошедшие с ума
Играем снова в жёны...
И словно не было у нас
Ни горя, ни несчастья,
А я в сиянии милых глаз
Ищу в грядущем счастья...
16.05.2011 г.

* * *

Платформа Укагач...
Дома — кругом пустые,
Колодец без ведра,
Закрытый на замок...
Леса вокруг стоят
Глухие и густые,
Палёная листва
И издали — дымок...
Платформа Укагач...
Заимка однодворца.

Забывшее жильё,
Умершее давно...
Ущелье и река.
Итог единоборства...
Проигранная жизнь,
В которой — всё равно...
16.05.2011 г.; 13-00,
подъезжая к В. Уфалёю.
каждый раз, проезжая здесь, вспоминаю Маму...
Ужасно и горестно...
Светлая ей память...

* * *

Что, если прошлое — не миф,
И Ты — заложница несчастья,
И, до конца не полюбив,
Ты не узнала в жизни счастья...
Родительской Ты покоришься власти,
И, первую любовь хранив,
И в тот девический порыв,
Ты так не испытала страсти...
Как горько думать мне о том,
Златые дни Твои итожа...
И жизнь Твоя на фарс похожа,
Как нынешний Твой холодный дом...
Я целый год о том страдаю,
А где же Истина — не знаю...
23.05.2011 г.; 4-40
Бессонная ночь, ровно через год после той,
с твоей болью в груди...

* * *

Глядя в зеркало заднего вида
Я по жизни постылой лечу.
Для меня Ты теперь как Изида,
Пред которой склониться хочу...
Не прибегнуть ли снова к мечу,
Как зывают у храма апсиды,
Коим молятся рьяно хасиды,
Не подвластные палачу...
Только в прошлом — мои вдохновенья,
Твой таинственный пристальный взгляд,
Что во мне пробудил дерзновенье
И зовет меня снова назад...
К сожаленью, ведет меня время
По пустыне, как конника — стремя...
29.05.2011 г.; 19-40

* * *

Настало время пенья соловьёв...
Минули ливни и сирень кипуча,
И женщина желание своё
Запрятала в сиреневые тучи...
На свете нет эпохи этой лучше,
Где по сердцу и старое враньё,
И штопаное наскоро бельё,
И даже подвернувшийся попутчик...
Я так вырастаю медленно в тебя —
Моя весной оттаявшая Муза,

Что каждый жест твой сызнава любя,
Ищу волшебного союза...
30.05.2011 г.

* * *

Бесстыдность вещей неподвластна уму...
Вот так же, как хищность природы...
Все делают вид, не пойму почему,
Что Ты ещё здесь, на свободе...
А Ты — под землёй. Целый год. Без меня...
А я ещё жив, восприимчив,
А вещи, меня ни во что не ценя,
Суду уподоблены Линча...
Вот шапка, что в бане служила Тебе,
Вот простыни после простирки,
Они не дают ни секунды слабеть
Мне памятью, словно инстинктом...
Я вовсе не тот, кто молился Тебе,
Я спорю с Тобой непристойно...
Но вещи так жестки со мною в борьбе,
Как градусы крепкой настройки...
Они мне кричат, и зывают, и жгут
Всесилием вещей стихии,
Что я в самом деле изменник и шут
И худший подлец по России...
31.05.2011 г.; 23-30,
с. Варламово

ЧАСТЬ IV

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

(июнь — август 2011 г.)

* * *

Как я люблю тебя, родная,
За что — и сам собой не знаю,
Но только чувствую, что ты
Есть воплощение мечты...
Пусть не обижен я судьбою,
Но оживаю я с тобою
Тем ощущеньем глубины,
Что только есть у тишины.
Ты — тишина густого леса,
Где бирюзовая завеса,
Где запах кедра и сосны
Снимает тягостность вины...
07.06.2011 г.; 24-00,
с. Варламово

ВСЕЛЕНСКИЙ ВЗРЫВ

(цикл)

* * *

Теперь, когда я убедился
В сиюминутности судьбы,
Когда пред прахом очутился
А вокруг меня — одни гробы,
Но даже Милины грибы
Мне не дают, чтоб я смирился
Пред мыслью — я зачем родился
И вышел вдруг из голытьбы —
Да, именно теперь другая
Мне Богом Женщина дана,

Чтоб стала снова дорогая
Она в остатни времена.
Я думаю о Ней иначе,
Не задыхаясь в горьком плаче...
08.06.2011 г.; 10-30,
с. Варламово

* * *

Когда Давид пред Голиафом
Стоял, от жути замерев,
Но, не поборот этим страхом,
Пращи услышал он напев...
То был, возможно, Божий гнев,
Что окрыляет перед прахом,
А может быть, виденье дев —
Псалма напевность вертопраха...
В нас Женщина вселяет мощь,
Непостижимую рассудком,
И с ней возможно превозмочь
Земную тяжесть разом чутко...
И дух, внезапностью взорля,
Вдруг видит — как мала Земля...
08.06.2011 г.; 11-10

* * *

Действительно, мала Земля,
Где похоронены все предки,
Но тело не подобно клетке —
Оно подарено не зря...
В нем пальцы, проще говоря,

Не только обретают цепкость,
Но каждый внешности рецептор
Питает дух, чудотворя...
К нагому телу прикасаясь,
Я прикасаюсь и к векам,
И чутко ощущаю завязь,
Что лишь присуще мудрецам.
Без Женщины то невозможно,
А видимость — груба и ложна...
08.06.2011 г.; 11-30

* * *

Да, видимость порой ничтожна
И даже слово ни к чему;
Пред ночью страсти невозможно
Соперничать, увы, уму...
Покрова сокруша тесьму
И прикасаясь осторожно
К поверхности прекрасной кожи,
Я Космос дерзостно пойму...
Вселенский взрыв — основа жизни
Сейчас таинственно во мне,
И скоро он прицельно брызнет,
И крик раздастся в тишине...
Так мы творим своё бессмертье
Во всей вселенской круговерти.
08.06.2011 г.; 12-00

* * *

И этот крик — не «саундтрек»,
Что пошлости сопровождаенье,
Не вожделения успех,
А некое души виденье...
То ощущение Провиденья,
Всеисцеляющее всех,
Кто знает благодность мгновенья,
Одолевающее грех...
Так замыкаем мы свой круг
Взаимной связности с Природой,
Ценя ту преданность подруг,
Что одаряют нас свободой...
Итак, да здравствует Она,
Что днём и ночью мне верна...
08.06.2011 г.; 14-30,
с. Варламово

* * *

Опережают сорняки
Всегда культурные растения,
Дни садового нележки
Для урожайного спасенья...
И Человека, без сомненья,
Одолевают сквозняки,
И те, кто духом не крепки,
Чужого не избегнут мненья...
Но ты, упорством закалён,
Не будешь чёрствым для подмоги,
Хоть существуют в мире боги —

Самодостаточность — закон.
Борьбою за существование
Не подменяй суть сострадания...

08.06.2011 г.; 16-30,

с. Варламово,
сажая капусту и помидоры

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ (элегия)

Одна — во сне. Другая — наяву.
Обеими сегодня я живу.
С одною — плачу. Радуюсь с другой.
И каждую зову я дорогой.
Моя ушедшая и милая жена,
Как Ты была печальности верна...
Голубка сизая, Ты кротостью была.
Та жизнь промчалась, как в бою стрела...
А новая подруга так легка,
Как дуновенье в зное ветерка,
Как шелестенье шёлковой шали,
Как колокольчик звоном издали...
И обе мне безумно дороги,
Обеим я играю роль слуги,
Одной я ставлю молча монумент —
С другой ночами жажду момент.
Но не сравнимы обе никогда —
С одной я прожил долгие года,
С другой — ловлю мгновения любви
И в лес вожу, где в мае — соловьи...

Одну я вижу по глазам детей,
Другой изобретаю сто затей,
Читаю вслух и упиваюсь в такт,
Впервые духа ощутив контакт...
Впервые слышу от неё слова,
Что тонкая чувствительность жива,
И что обыденность — не поле для команд,
А территория, где властвует талант...
Талант заботы напряжённых рук,
Талант, где сердца слышен каждый стук,
Где сострадание похоже на струну,
Поюшую, как ласточка — в весну...

08.06.2011 г.; 15-30

ТЫ И ОНА

Никто меня не встречал никогда
По прилёту из командировки,
И в том не была никакая беда,
Я прощал любые уловки...
Сестра зашивала рубахи мне,
Я жену не просил такого...
Все равно что сучки замечать в бревне —
Так и Ей было молвить слово...
Не писала мне писем Она совсем —
Только списки любимых покупок,
И имел нарекания я затем,
Проявив своеволие скупость...
Ты встречаешь меня в порту
И в пургу, и в дожди, и в грозы,

Шьёшь и варишь ту красоту,
Что приносит желудку пользы.
Ты готова ночь говорить со мной,
Простирав и убрав в квартире...
Как же встретились мы под луной
В этом странном и страшном мире...
08.06.2011 г.; 23-30

* * *

Равнодушный не посадит деревьев,
Не посадит даже цветок...
Было как в старину издревле,
Так и ныне закон жесток...
Каждый крохотный корешок
Знал когда-то житель деревни,
Ощущая, как движет сок
Чудо жизненного творенья...
Засыхает небрежный труд
Бессердечно-слепой работы,
И владыки напрасно ждут
Плод корыстно-пустой заботы.
И сгорает у них Земля:
Ей хозяин — лишь клещ да тля...
09.06.2011 г.; 10-35

* * *

Жасминовый куст зацветает, когда
Уже соловьи замолкают,
А с ними умолкла и Ты навсегда,
А я о тебе вспоминаю...
Сегодня вершил я посадку рассады
Зеленых густых помидоров,
И круглые сутки я думал подряд
О сущности в сердце укоров...
Зачем год назад я Тебе разрешил
Такую крутую работу,
Хоть землю вскопал на широкий аршин,
Тем кончив мужскую заботу...
На корточках Ты прокопалась подня,
В наклоне пытая постоянно,
И не было вовсе тревог у меня
И вот — та сердечная рана...
Тот приступ... И баня... И боли в груди...
И вот Ты исчезла под землю...
О, Господи — муку мою пощади:
Теперь лишь я памяти внемлю...
10.06.2011 г.; 2-30

* * *

Когда я в земле прокопался теперь,
Измазавшись в жиже и саже:
Я понял — Господь отворил Тебе дверь,
Верней — подтолкнул Тебя даже...

Земли притяженье есть в глуби её,
И манит, и тащит магнитом,
И в тело стремится впустить забытьё,
Уже с равнодушием слитым...
Тут есть и усталость от свитка тревог,
И горечь от прожитой жизни,
Которую я обнаружить не смог,
И в вечной теперь укоризне...

10.06.2011 г.; 3-00

* * *

Когда ты занят наблюденьем снов
И крашеньем состарившихся окон,
То быстрота посменности основ
Сравнима с тем, как возникает кокон:
Сначала он мечтает о высоком,
Но после — даже к малому готов:
Хоть капельку еды и сока
И быть живым без всяких прочих слов...
Как мало надо: света пред глазами,
Пореза иль ушиба при труде
И памяти о том, как со слезами
Ты мне в объятья падала в беде...
Житейский опыт в старости плачевен,
Как дерево, что треснуло в расщепе...

17.06.2011 г.

* * *

Год спустя нашла подруга
Нож рабочий для грибов...
Так замкнулась в форме круга
Наша долгая любовь...
Не могу сейчас поверить,
Что навеки Ты ушла...
По Тебе скрипучи двери,
У костра тепла зола...
Все предметы в нашем доме
Так зывают о Тебе,
Что и нет конца истома
В переломанной судьбе...

18.06.2011 г.

* * *

Две кошки... Какую выбрать
Здесь одинокому мне...
Одна норовит всё стибрить
И скрыться потом во тьме...
Она ещё просто котёнок,
Лукавый и хитрый, как все...
Другая уже не ребёнок —
В расцвете и самой красе...
Но стонет она надрывно,
А носит такой раскрас,
Как в точности был у милой
Носительницы жёлтых глаз...

Та кошка жила со мною
До старости с юных лет,
А этой не быть второю:
Терпения больше нет...
Выбрасываю красотку
С тигриным окрасом за дверь
И верно, возьму молодку:
Хоть мышку поймает зверь...
21.06.2011 г.

* * *

Простонародная колдунья —
Вторая женщина моя,
Не простодырница, не лгунья,
Что врёт, обиду затая...

Прекраснодушие твоя,
И свечку у икон воздуя,
Она на нечисть негодует,
Весьма, по-видимому, зря...
Так искренность её блаженна,
Неотразима и слепа,
Что нравится мне совершенно,
Как в диких тропиках тропа...
Естественно — я околдован,
Хотя ещё не окольцован...
21.06.2011 г.

БАЛЛАДА О МАМОЧКЕ

Ира Арканова, Ира Арканова,
Я вспоминаю прошлое заново,
Слушая твой необычный рассказ,
Пусть состоящий из нескольких фраз...
Первенца-сына родив в прошлом веке,
Как ты боялась, что станет калекой,
Травму от родов имея на шее,
Кем-то он станет, растя и взрослея...
Матерью будучи, как ты страдала,
К маме моей ты пришла у вокзала,
В давнее время годов девяностых
Сына грядущее было непросто...
Маме моей шёл девятый десяток,
Но соблюдался домашний порядок:
Утром — гимнастика, душ и работа,
Вечная бабушек в мире забота...
Но приходили и к ней, как к врачу,
Много знакомых, робея чуть-чуть...

Вот и тебе уделяя вниманье,
Мама узнала про боль и страданье,
И, посоветовав ряд упражнений,
Сразу облегчила тяжесть сомнений...
«Милочка, эти простейшие меры
Сыну сулят изумленье карьеры,
Стройную шейку и лёгкость дыханья,
Я предвещаю всё это заранее»...
Так, окрылённая, ты и воскресла.
Меры простейшие были чудесны,

Десятилетия два миновало,
Травмы и горечи как не бывало...

«Маму у Вас я запомнила крепко,
Люди такие встречаются редко,
Эта сердечность мне стала навеки
Знанием сущности у человека»...
Я же тебе благодарен, Ирина...
То что сказала ты — неповторимо...
22.06.2011 г.; 16-00,
с. Варламово

ВИНОГРАДНАЯ НОВЕЛЛА

Больше десяти лет ухаживаю за виноградом. Каждый год после зимы он отходит трудно и медленно. Уже середина июня, а листва его лишь частично радует глаз: больше половины ветвей сухи и безжизненны.

В этом году протянул до конца месяца и лишь тогда решился на удаление сухостоя. Оказалось это трудно: нижние зелёные молодые побеги уже схватились своими мощными спиралями за старьё и, опираясь на них, медленно развились горизонтально. Там же буйствовали сорняки-вьюны, бодро оплетая все — сухостой и молодёжь — своими густыми лианами...

Оказалось, что эта бестолочь — вся сплелась в такую густую паутину, что я возился полдня,

медленно освобождая буйную молодежь от уз отжившей и сорной дряни...

И что интересно: все юные побеги шли горизонтально, не в силах подняться вверх к спасительной проволоке, которая одна — будучи натянутой на высоте в одном и двух метрах над землёй — одна способна выдержать будущий вес плодов-гроздей.

Долго я возился, привязывая уже длинные побеги к проволоке, часто ошибался, не в силах отличить сухое, мертвое? от живого, обновлённого... Сколько ругал себя за промахи, когда под нож попадала сочная, зеленая лиана.

Видимо, так и в нашей жизни: если хватаешься за отжившее и внешне крепкое старьё — движешься только горизонтально и не даёшь плодов без поддержки: другом, соседом, учителем...

А обновлять общество надо, даже несмотря на ошибки и порезы... Тогда, укрепившись на спасительной опоре знаний, и плоды сможешь дать.
22.06.2011 г.

* * *

Дети мои — огорода рассада...
Коль погублю вас — не просто досада,
Вы есть младенцы мои родные,
Деточки нежные и дорогие...
И у каждого — свой характер.
Так актёры видны в антракте:

Кто капризен и не настойчив,
Кто к теплу и вниманью охотчив...
А другие — что жар, что холод,
Переносят, как трагик — голод,
И упорствуют в трудном росте,
Как Россия — в былом холокосте...
Чтоб раскрылись ваши таланты —
Должен быть я всегда галантным,
Каждый день вас беречь и холить,
Потому-то и нет мне воли...
23.06.2011 г.

* * *

А у меня прошёл четвёртый дождик
И с ним я — не садовник, а художник;
Я ублажаю взор цветов красою,
Пионом, и жасмином, и левкоем...
Окучиваю радостно картофель,
Холмы вокруг — как пирамиды профиль,
А гладиолусы — наследие супруги —
Без сорняков, как цирковые круги...
Гороха зелень, как лазурь Берлина,
А огурцы цветут, как на картинах...
Нет радости превыше, чем растенья,
Что отзываются тебе на уваженье...

Иначе — люди, коим добротство
Всё представляется, как глупое уродство...
23.06.2011 г.
четверг

* * *

Голуби обсыхают
После крутой грозы...
Я же, настолько нахален,
Что не страшусь слезы...
Слёзы по твоей фигуре,
Что снова мелькнула сквозь дождь,
И в страхе звоню я Флюре
С вопросом: «Когда придёшь?»
24.06.2011 г.; 12-30,
*с. Варламово, после дикой грозы
в течение двух часов...*

* * *

А помнишь, как был сломлен ход
Привычного существования,
Когда пришёл семнадцатый год
И землю молили крестьяне...
Тогда брат на брата войной пошёл
Во имя земли и воли,
И воцарил над всем произвол,
И ужас, и страх от боли...

Не так ли сегодня, сто лет спустя,
Мы в страхе от потрясений,
Когда беззащитен и дом, и дитя
От дьявольских преступлений.
Обман, и двуличье, и денежный культ
Взамен персонального культа,

Над всем воцаряет компьютера пульт
Да страх стариковский инсульта...
Но вынесла век двадцатый страна
И нам подарила детство...
Такие в России всегда времена,
И Смута — её наследство...
24.06.2011 г.; 15-30

* * *

Небо ещё волокнисто
Тотчас после грозы,
Воды, ещё студенисты,
Капают подобьем слезы —
Но воробьи заорали,
В голос поют петухи,
Курицы из-под сарая
Вылезли, странно сухи...
В небо взвивается стая
Быстрых лихих голубей...
Из дому всё наблюдаю.
Нету природы милей...
24.06.2011 г.; 15-45

Р. С. Гром отдалённо-угрожен.
Ветра как не было вдруг.
Мир весь угрюмо — серьёзен.
В каждом мгновеньи — испуг...

* * *

Славная женщина — мне родная,
Ещё недавно, тебя не знав,
Я при смерти был: ведь моя Даная
Лежала в земле средь цветов и трав...
Неведомый Боже, тебя призвав,
И муку горькую понимая,
Решил что женщина озорная
Мой покорит утомлённый нрав...

И вот мы с нею у винограда
Распутали ветви густой лозы,
И вот на постели опять отрада:
В медные трубы гудит призыв...

И кровь вдохновенья бежит по жилам,
Как знамя атак для людей служивых...

* * *

О! Как ты прелестна в шубе жены,
Тебе оставившей это наследство...
И, сладкою болью обожжены,
Глаза твои жаждут со мной кокетства...
И, пусть мы впадаем порою в детство,
Нам эти забавы нарядов важны,
В которых скрыто защитное средство
От некой неясной обоим вины...
То платья, то куртка по нраву тебе,
То туфли изящные впору,

И тянемся оба к веселой гульбе
Целуясь сквозь старую штору...
Спасибо тебе, что в одежде её
Ты даришь вторично и мне бытиё...
02.07.2011 г.; 0-10

*После приезда Флоры
и совместного труда в усадьбе В.*

ДЕТИ В ЭТОМ МИРЕ (триптих)

* * *

Как страшен мир в своей красе
Жестокой кары за насилье:
Горят в нейтральной полосе
Пожарищ огненные крылья...
Перед стихиями в бессильи
Народы затихают все,
Стоят воздушные флотилы,
Перед вулканами присев...
Бессилен атом пред цунами
И земледелец пред жарой,
И страх господствует над нами
Перед космической игрой...
Но дети, дети так бесстрашны
И не желают жить вчерашним...
04.07.2011 г.; 10-20,

с. Варламово, температура 35 градусов

* * *

И не желают жить вчерашним
Мальчишки юные мои,
Уже высокие, как башни,
Беспечные, как соловьи...
Ещё не знавшие любви
И обеспеченные брашном,
Они не думают о страшном,
У них видения свои...
Они мечтают о карьере,
О славе брэнной и деньгах,
Они наивны в твердой вере
Что всё прошедшее — лишь прах...
Для них минувшее — могилы,
А для грядущего есть силы...
Там же; 10-45

* * *

А для грядущего есть силы
Волшебной магии числа,
Что в аппараты воплотилась
Электро-тайной ремесла...
Они не замечают зла,
Что затаённо превратилось,
Как легендарный «Наутилус»,
В слепую лодку без весла...
Пусть наверху трещит реальность,
Сахары движутся пески —
Для них приборы, как сакральность,
Где мифы — милы и близки...

И только всплытие покажет,
Что мир давно чужой и вражий...

Там же; 11-00

*Р. С. Размышляя о будущем своих внуков —
Вадима и Евгения. Один перешёл на
5-й курс, другой — окончил школу. Роскошны
в своих преклонениях перед компьютерами и
в оптимизме исключительной силы и позитива.*

МАТЕРИНСКИЙ ГОБЕЛЕН

(баллада)

В году среди пятидесятых,
В Германии слегка побыв,
И быв отнюдь не средь богатых,
Но всё же не совсем простых,
Моя любимая мамуся
Подарок кроткий привезла
В особенном старинном вкусе,
Где рыцарь в бронзе средь стола...
За ним фазан цветной на блюде
И кресло с розами резьбы...
Наивно всё, но кто осудит
Её о красоте мольбы...
Тот гобелен, как драгоценность
Был долго в комнате моей,
Храня особую надменность
Моих всеюношеских дней...
В нем был высокий статус чести
Была загадка красоты,

И я потом искал в невесте
Стилистику своей мечты...
Вот полстолетья миновало,
Женились дети у меня,
И внуков череда настала
И болтовня, и суетня...
Потом жена, устав, исчезла
В объятых темноты и снов,
И предо мной открылась бездна
Конечности земных основ...
И в сельском доме, что устроил
Себе я вроде мастерской
И где искал души настроя
И некий творческий покой,
Однажды, выскребая ветошь,
Я обнаружил... гобелен,
Что, пережив те полстолетья,
Хранил воспоминаний плен.
Он был почти совсем испорчен
Когтями кошек иль истлел,
Лишь верхний угол был так прочен,
Что разглядеть его сумел...
На нем другого гобелена
Был вид, что позади стола
Висел, как облик драгоценный
Мечты, что всё ещё жила...
На нём был замок и беседка
Возле задумчивой воды,
И женщина — почти кокетка
Смотрела с берега в пруды...

Всё сохранилось первозданно:
Ротонда и дубовый лес,
И образ женщины желанной,
Как воплощение чудес...
И я заплакал над находкой:
Ведь эта женщина была
Так схожа с той подружкой кроткой,
Что рядом у меня жила...
И в этом странном совпадении
Был словно расколдован смысл
Моих сомнений и мучений
В калейдоскопе странных числ.
И понял я — моя мамуся,
Двойной купивши гобелен,
Желала, чтобы я, не струсая,
Опять любви сдавался в плен...
04.07.2011 г.; 21-30,
с. Варламово

* * *

Не пишу этнографию,
А пишу биографию,
Не себя, а страны,
Коей вечно верны...
И не прибылью — убылью,
А погибельной удалью,
В каждом жизни сражении
Просто самосожжения...
06.07.2011 г.

* * *

Неужто прошлое — итог,
А не способность осознания,
Что нами сотворён и Бог
Для жертвенности и дерзанья.
Он — связь времён и бытия.
Пока он — в нас, мы создаем,
И родина тогда твоя
Единственная вместе с раем...
06.07.2011 г.

МИФЫ МОИХ ВНУКОВ

Зажигаю одну за другой десяток спичек из города Вятки (бывшего Кирова — моего кумира юности).

Зажигаю утром после грандиозного пира в честь любимого моего внука Вадима — москвича — Уралом рожденного, перешедшего на последний курс великого МВТУ имени великого Баумана...

Мой внук — черноглазый и рослый — сам стоговил шашлык на мангале, купленном десять лет назад его отцом, моим сыном, тоже выпускником МВТУ, а теперь его профессором и бизнесменом в области телекоммуникаций.

Спички горят, но только одна из десяти... Нормальная российская продукция — один из десяти только и способен на результат.

Вадик сидит за столом во дворе моего дома вместе с двумя своими парнями — братьями — и рассказывает им — провинциалам — о путеше-

ствии, которое выделяет его из всех нас: о поездке в норильскую тундру, которая была давно, когда ему было четырнадцать лет.

Тундра была лесотундрой, полной зверей и препятствий: болот, жестких кустарников, холодных ночей начала августа, рыбалок с сетями для пропитания и опасностей столкновения с медведями, следы которых были повсюду: в экскрементах и следах, в разгромленных дощатых домиках охотников и в разорванных ватниках в лодках, спрятанных в укромных местах бывальыми туристами.

Ужасы ночных дежурств у костра, которые были долгом каждого юноши похода, он красочно изображает возгласами «офигеть», при этом похлёбывая пиво и прожёвывая стремительно сочное вкусное мясо, сдобренное соусом собственного приготовления...

И братья — Женя и Саша — слушают его восторженно, как и мы — взрослые и изношенные походами с давних лет.

Это его легенда становления сильной личности, ибо теперь он уже объездил самостоятельно и с отцом пол-Европы, зная английский и имея живой интерес к истории, искусству и особенностям всех стран мира...

Я люблюсь своими крепкими, умными и в меру распушенными потомками. Трое юношей выросли с нами в походах по Уралу, начатыми более полувека назад (в конце пятидесятих!) мною на

байдарке, которая лежит в амбарах моего двора, как реликвия.

Она полу-разломана и ветха, но именно на ней крошечными пяти- и семилетками они плыли давно-давно по реке Увельке, что течет рядом с селом. Тогда отцы — мои дети, приучали их к воде, препятствиям и терпению, пусть всего на два — три часа в лодке.

И были у них за плечами и сплавы по Белой и Юрюзани, Аю и даже по Байкалу — длинная, громадная череда испытаний и восторгов, осторожных контактов с природой и стихией, когда взрослые оберегали каждый их шаг, как когда-то я с содроганием плыл с семилетним сыном по бурной Ак-Идели, замирая от предчувствий опасности перед белыми гребнями порогов дождём напоенной воды...

И потом знал: сын всегда будет благодарен мне за риск первооткрытия... так складывается личность взрослого мужчины, способного гореть и давать тепло другим...

Вадик говорит мне волшебную фразу: «Дед, я с осени пойду работать редактором в институтскую газету. Попробую писать о других людях». Отвечаю: «Не редактором, а собкором, ты хотел сказать». Он соглашается. Я закурил с пятой спички... На этот раз — пятой.

08.07.2011 г.; 9-45

* * *

Как мало мужчин в России,
Способных гореть огнём
Не глупого света насилья
А схожих с таёжным костром,
Который в ночи согревает
Лишь тех землеходцев тогда,
Когда его тот зажигает,
Кому покорилась беда...
Огонь тот неспешен и долог
И жарок от бденья души...
Геолог иль спелеолог
Способен его совершить...

08.07.2011 г.; 10-20,

с. Варламово

* * *

Любая судьба неслучайна,
Неспешна в своей красоте,
Когда в ней сокрытая тайна
Основана на мечте...
Вот юноша, мудро-красивый
И стройный в движеньях своих...
Его грациозная сила
Не только лишь в мышцах нагих.
Он вылеплен прошлою силой
Невидимых предков земли,
Что честно до самой могилы
Достоинство пронесли.

Таких не бывает в излишке,
И гибнут так рано они...
Напомнить об этом нелишне
В особо тревожные дни...
Когда иссякает отдача,
Господствует всюду корысть,
Нельзя жить в России иначе,
Чем прошлое вызнать, как близь...

08.07.2011 г.; 11-10

* * *

Печальна роль хозяина в годах...
Жена ушла, оставив все проблемы,
Жизнеспособность превратилась в прах,
А дети выросли, свои имея темы...
И в квадратуре этой теоремы
Он постоянно ощущает страх:
Как жить в таких немислимых годах
В условиях немислимой системы...
И, к женщине прелестной прислонясь,
Он снова суетится и хлопочет,
Как возле кур состарившийся кочет,
Что ищет зерна, втоптаные в грязь...
И он кричит призывно, как заведено,
Когда увидит спелое зерно...

13.07.2011 г.; 8-30

*После приезда в деревню сына и дочери
с детьми своими младшей генерации*

* * *

*Я тебя никогда не забуду,
Я тебя никогда не увижу...*

А. Вознесенский

Прошли дожди холодным серебром,
Идут закаты золотом остывшим,
А боль моя не стынет под ребром,
Как и раздумья о родной и милой...
Приехал сын, чья жизнь — моё кормило,
И воркованье наполняет дом,
И дочь мечту в реальность воплотила,
Тобою сотворённая с трудом...
А Ты стоишь незримо пред глазами
С печалью невозвратной на лице,
Как будто укоризны предсказанье.
На краешке обрыва... На конце...
И я не в силах отогнать виденье,
Как будто Ты — навеки Провиденье...

13.07.2011 г.; 23-40,

с. Варламово

* * *

Середина июля — священные дни...
А в лесу я ещё не бывал,
До краёв полон день бытовой суетни —
Ремонтирую дом и подвал.
Изумительных внучек смотрю карнавал,
Так прелестны и стройны они,

Наполняя движениями кухню и зал
И захлёбываясь от болтовни...
В этих девочках столько ушедшей Тебя:
Морщат носики, губки сожмут,
Поминутно меня, как и Ты, беребя
Обаяньем капризных минут...
В ожерелье таких замечательных дней
Образ Твой мне как будто родней...

15.07.2011 г.

Один. Мои девочки и сын уехали купаться на озера

*Читая «Россия после кризиса»
С. Гуриев и др. М., 2011*

* * *

Над телом стоя расчленённым
Синклит маститых знатоков
Настолько удовлетворённо
Злорадствовал: «Род дураков,
Которым средства бесполезны,
Советы мудрые — чихня,
И надо скальпелем железным
Им кровь менять, повременя»...

Но полутруп, даже в наркозе,
Всё понимая, вдруг решил:
«Да сами-то они — тифози,
Наркобароны для могил»...
И встал, культяшками махая,
И сердце сжал одним рывком,

И от Москвы и до Шанхая
Их выпнул дерзостным пинком...
14.07.2011 г.

* * *

*У кого я попрошу совета,
Как до лёгкой осени дожить,
Чтобы это огненное лето
Не могло меня испепелить...*

Н. Гумилёв

Вот и дожил я до осени своей,
Она уже совсем не за горами,
Но я богаче многих королей,
Не потеряв простецкий темперамент.
И не погрязнув в подхалимства сраме,
И не предав в разгульности детей,
Я в огороде, словно в милом храме,
Покорен непреклонности затей...
И я дерзаю даже быть в постели
Не стариком беспомощным без сил,
А юношей, что рвётся страстно к цели
Всем напряженьем разума и жил...
Не дам себя испепелить я лету,
К любви храня и склонность, и примету...
15.07.2011 г.; 16-10

РАЗГОВОР ДВОИХ ПРИЯТЕЛЕЙ (сценка)

- Первый: Налив вина прекрасного, мой друг,
Припомним годы, полные любовью,
Когда был день наполнен сладкой болью,
Что ты не с Ней, а с Ней — её супруг...
Второй: Да, было так не раз... Зато восторг
Обуревал, когда Она украдкой
Ко мне врывалась, сладкая, как торт,
Разбрасывая вещи в беспорядке.
Я был тогда не опытен в любви.
Страшился то обмана, то конфуза...
Она, вещички разбросав свои,
Ложилась отвратительно на пузо,
И, голову змеёю повернув,
Смотрела на меня неотразимо,
Так смотрит Сфинкс, забравшись
на уступ,
На жалкого прищельца Рима...
Первый: Она весталкой для тебя была...
Я помню, как ты повзрослел внезапно,
И стал похож на мощного орла.
Боялся я: погибнешь безвозвратно...
Второй: Супруг её бессилён был понять
Её веселость сладкого обмана,
У Ней была особенная статья
И волшебство любовного тумана...
Промчалась вечность, но Её забыть
Не суждено мне, видимо, под старость...

Дай зажигалку, чтобы прикурить.
Единственное, что теперь осталось...
15.07.2011 г.

* * *

А облака были похожи
На грязный хлопок, что давно
Был в телогрейках... Эти рожи
Снимались в сталинских кино...
То нашим детям всё равно.
Они растут теперь вельможи,
И смысл былого им ничтожен...
В природе так заведено.
Но без российских непогод
Нет даже родины и тени.
Моя стремительность сравнений —
Как наших бабушек рядом...
Пусть те слова для юных чужды —
В них смысл, кому-то очень нужный.
15.07.2011 г.; 21-40,
с. Варламово

* * *

Сомнений в будущем — не счесть.
Любить насильно не заставишь.
И Слово странное «товарищ»
Теперь неммыслимо прочесть...
Уходит прошлое, как мы —
Сыны Империи великой,

Перед неммыслимостью тьмы
Бессильны даже наши крики.
Распад, бесславье и пивняк
Сулит грядущее России,
Но также хвалится червяк,
Что он есть лидер сей красильни...
И это надо пережить
Двум поколениям халявы,
Чтоб опыт твёрдости нажать
Пред обаянием отравы.
Иначе на Руси нельзя,
Где связь времен неощутима,
И где в грязи всегда стезя,
А совесть зыбка и незрима...
15.07.2011 г.

* * *

Люблю неммыслимо тебя,
Вторая женщина извода.
Любая в жизни непогода
Даёт мне знать — живи, любя...
Лишь от тебя узнал я вновь
Что значат чресла, где есть стринги,
Так возбуждающие кровь
И первобытные инстинкты...
И лишь с тобою мне дано
Раздвинуть бёдра, впасть в нирвану,
Когда отчаянье равно
Полёту в сумрачные страны...

А абрис тела и груди,
Как будто линия надежды,
Что ждёт свечою впереди,
Когда снимаешь ты одежды...

15.07.2011 г.

* * *

Не говори, что ты больна.
Я тоже болен. Но любовью.
Припав от страсти к изголовью,
Я пьян любовью без вина.
Пусть рядом — мрак и тишина,
Готов и я к тому безмолвью,
Что встретить нас всегда должна,
Лишив соединенья с кровью...
Ты мне дана в последний миг,
Как компенсация терпенья
С которым, пережив мученья,
Я жизни праведность постиг.
Теперь всеислен я во всем,
И рад, что жизнь — прекрасный сон...

15.07.2011 г.; 22-20,

с. Варламово

* * *

Крупные капли воды — хрустала
На изумруде капусты...
Видимо, нам вся природа не зря
Так представляет искусство.

Алой малины поспевающая гроздь,
Бархатной розы извивы...
В бархатном небе — жемчужины звёзд
Делают жизнь столь счастливой.
Нет, невозможно её не любить —
Жизнь в каждом малом мгновеньи,
Только художник способен творить,
Видя те чуда творенья:
Омута темную страшную гладь,
Где отраженье дубравы,
Зыбких закатов в тиши благодать
И изумрудные травы...

15.07.2011 г.; 22-30

* * *

Разве в ночи кричат петухи?
Видно, кричат, если нужно...
Пишут поэты ночью стихи.
Правда, лишь очень натужно...

16.07.2011 г.; 2-00

ЭТО НЕ НАША КОНЦЕПЦИЯ

(сценка в бане)

Леша: Им придётся повышать пенсионный
возраст, куда не денутся...

Я: Это — социальный взрыв, и до выборов
Президента никто не пикнет...

Леша: У них дефицит растёт и промедление
чревато дефолтом...
Я: США под угрозой дефолта десятки лет — и
ничего...
Леша: У них — доверие мира и труд нации.
У нас — халява и бездарность лидеров.
Я: На том стоим и подражать никому не
собираемся... «Одна ты такая...»

* * *

Лицо, как древности пергамент,
А руки — ревности клеймо —
Таков у века темперамент,
Определившийся давно...
Жизнь человека... Всё равно.
Лишь сохранялся бы регламент,
Барыш в назойливой рекламе,
А остальное — всё равно...
Но зреет в зрелище пожарищ
И в содроганиях земли,
Что нам природа — не товарищ,
А луч возмездия вдали.
И мотыльковость наших жизней —
Пролог какой-то некой тризны...
20.07.2011 г.; 11-00,
с. Варламово

ПЕЧАЛЬНЫЙ ТРИПТИХ

* * *

*Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты
Мне светят лишь дивные очи
Её неземной красоты...*

Н. Гумилёв

Тебя мне больше не вернуть,
Но о Тебе могу я думать,
И Твой короткий жизни путь
Сейчас мне кажется безумьем...
Всегда живя благоразумьем,
Ты заполняла болью грудь,
И извержение Везувия
Скопилось так — не продохнуть...
Всё было так, что не по воле
Замужество. Судьба. И рок.
Не продохнуть от скрытой боли,
Изнашивая сердца срок...
А немота и бессловесность
Таит угрозы и безвестность.
21.07.2011 г.; 11-30

* * *

Таит угрозы и безвестность,
Когда не можешь изложить
Самой Себе неинтересность
В покорстве бесконечном жить...
Тут даже нет веселья лжи.
Лишь серость заполняет местность.

И монотонность, даже пресность
Все замыкает рубежи...
И все походы и поездки —
Не от потребности души,
А как... судебные повестки.
Уступчивости миражи...
Коль нет простора доброхотства —
Вся жизнь — унылое уродство...
21.07.2011 г.; 12-10

* * *

Вся жизнь — унылое уродство,
Случайность если правит бал.
Не страстной мысли благородство,
Не одержимости накал...
Я в жизни этого не знал,
Ни в чем с Тобой не зная сходства,
Не озабоченный немотством,
Которого не понимал...
Лишь по ночам Твоя покорность
Мне даже нравилась подчас,
И эта божья благотворность
Мне врачевала каждый час...
И вот ушла во тьму ночную,
И бесконечно я тоскую...
21.07.2011 г.; 12-30

* * *

Вселенная ветров. Послушная картина:
Припавшая к земле зелёная долина,
С узорчатой травой, зубристо-окаймлённой,
И с рыжею скалой, над омутом склонённой...
Изящный поворот у скального отрога
Реке уснуть даёт, хотя совсем немного.
Кувшинок желтизна тут зелень оттеняет,
Очарованье сна стрижами украшает...
Но вот уклон опять усиливает токи,
Бурлит водоворот, сверкая на востоке,
И, солнечной струёй стремясь к густому бору,
Сверкая чешуёй, даль открывает взору...
21.07.2011 г.; 18-30

МОЛОДОЙ ДУБОК

Тёмно-зелёная листва
Высокого молодого дуба,
Как будто танкового шва
Густо окрашена полуда,
А ветви прочны, будто сталь
Пружинной танковой рессоры,
Похожи чем-то на деталь
Высокоскоростной опоры...
Он вырос, мною посажён,
У древней каменной ограды,
Ветрами с детства пощажён
Для красоты и для отрады...

И говорили мне не раз:
«Он стену древнюю разрушит»...
Но он мне самолюбье спас,
Спасают как у слабых души.
И обожаю я его,
Хоть снизу подрезаю ветки,
Стена пока что ничего,
И трещины в ней незаметны...
А я, равняясь на него,
Дубовым веником пропарясь,
Копаю землю сапогом
И будто забываю старость...
21.07.2011 г.; 19-50

МИГ

В середине лета, в зной июля,
Собирая ягоды в саду,
Три звонка меня не обманули,
В трёх звонках восторг себе найду...
Первый был от сына при отъезде
С маленькой малышкой и женой,
Под счастливым шёпотом созвездий
Две недели он гостил со мной...
А другой из глубины столицы:
Дочь моя и повзрослевший внук,
Вузов посещая вереницы,
Ищут места для своих наук...
Третьим отзвонила мне подруга,
Что в лесу нашли втроём грибы.

Там друзья стариннейшего круга —
Сопричастники моей судьбы...
Три звонка от близких и далёких
Мне принёс отлаженный эфир,
Сделав Миг таинственно-великим
И осмысленным, как целый мир...
22.07.2011 г.; 13-20,
с. Варламово

* * *

Гром и молнии были у каждого,
Но не каждый встречал их в лесу,
Обуянный добычною жаждою,
Апогея пройдя полосу...
Так и ты, чью отраду несусь,
Словно молнию встретив однажды,
Азиатскую чудо-красу,
Озарённую солнцем, отважную...
Ты — и вспышка во тьме облаков,
Ты — и гром среди ясного неба,
Утоления страсти потреба
И далёкая мудрость веков...
Пусть ветра. И последуют ливни —
Никогда не бывал я счастливей...
22.07.2011 г.; 13-50,
с. Варламово

* * *

Шелковистость у волос на лоне —
Как трава у речки на уклоне.
И когда в неё я погружаюсь,
То живой водой я возрождаюсь...
Так солдат, припав к земле от раны,
Прибывает в мире чудно-странном.
Вспоминая мать и древних предков,
Остаётся он живым нередко...
А припухлость живота со шрамом
Для щеки — земля обетованна,
Где сливается моё дыханье
Со следами твоего страданья.
Заповедность близости телесной —
Пребывание в стране чудесной,
И текут ручьями мои пальцы,
Как молитвы нищего страдальца...
22.07.2011 г.; 14-30

* * *

Над ребёнком спящим замираю
И шепчу, зачем, я сам не знаю,
Утешенья собственные стрóфы
Уберечь его от катастрофы...
От ударов, страшных и мозжащих,
От людей, опасных и смердящих,
От любви, обманной и бездарной,
От вражды друзей неблагодарной...

Пусть в душе своей я понимаю,
Что любой из нас идёт по краю,
Неизбежно обречён на муки,
Постигая смысл людской науки —
Но живет всегда во мне надежда,
Что с ребёнком всё не так, как прежде,
Волшебством моих молитв излечен,
Он избегнет с окаянством встречи...
22.07.2011 г.; 15-10

У ОМУТА

На послеледниковой складке
Гранитно-гнейсовой скалы
Стоишь ты, распутивши прядки,
И камни сизые теплы.
А омут, ты откуда вышла,
Слепит осклизлым серебром.
Глаза твои, как будто вишни,
На фоне неба голубом...
Остановить нельзя мгновенье
Ни фотовспышкой, ни пером,
Когда бы не стихотворенье,
Согретое таким теплом.
Стопа озябшая согрета,
А плечи царственно-красны...
Запомним вместе это лето,
Коль доживём мы до весны...
24.07.2011 г.; 15-20

ПРОВОЖАЯ ДРУГА

Ещё читая без очков,
Ещё в реке купаясь смело
И ненавидя дурачков
За непочтительное дело,
Вы с честью имя пронесли
Издателя и журналиста,
Приемля бед родной земли
Жестокий шквал от реформистов...
Но время не сломило вас:
Написаны такие книги,
В которых искренний рассказ
Без издевательской интриги.
Вы мне особо дороги
Как друг старинный и наставник,
Нас не рассорили враги
В конфликтах давних и недавних.
И встреча каждая — урок
Достоинства и благородства...
Так дай нам бог хранить и впрок
Симпатии и дон-кихотство...

25.07.2011 г.; 8-00

по приезде из Варламово

ТА ДАВНЯЯ ЗАСТОЛЬНАЯ...

Александр Афанасьевич Золотов,
Как не вспомнить тот вечер былой,
Как кружила нам головы молодость
Величайшей мечтой золотой...
Свёл нас в светлом застолье друг искренний
Архитектор Илья Талалай,
Что служил замечательно истине:
Кто б ты ни был, друзьям помогай...
Ни напитков не помню, ни выплесков,
Только всплески взаимной любви,
Только к слову печатному пристальность,
Даже если слова не свои...
И над нами вставала громадина
Малой родины с кличкой «Урал»,
Где подъёмы и жуткие впадины,
Но которая нам — пьедестал.
И клялись мы в пожизненной верности
Только этой родимой земле,
Вдохновляя друг друга в безмерности
Наших сил, как герои Рабле...
Пусть не стали мы слова гигантами,
И ушёл наш талантливый друг —
Книги наши пусть станут курантами —
Благовестьем любви и наук...

25.07.2011 г.; 8-30

НАШЕ ВРЕМЯ

(лирическая поэма)

Стихи Блока, как и поэмы этого времени о Революции, следует рассматривать как «лирические величины», страстный человеческий документ бесчеловечной эпохи.

П. Басинский

«Страсти по Максиму»

Вступление

Наше время прошло. Подведем же итоги.
Стало в мире тепло. Даже жарко немного.
Путеводная нить пусть меня не покинет.
Нелегко изменить даже облик пустыни,
А подвижки Земли — это труд для вулканов.
Нет команды здесь «пли», то процесс неустанный...
Посмотри на ландшафт от Сахары до Гоби:
Нет ни роз и ни трав. Кто трудился здесь

в злобе...

Засыпают пески труд былых земледельцев,
Сохнут все родники, что отрыли умельцы,
Опустели дворцы мудрецов — фараонов,
Ищут лишь изразцы археолог бессонно...

И по русской дали, где леса непролазны,
В глубь уходят земли преступленья и казни,
И от грозных времён самодержцев всесильных
Лишь доносится стон из болотной трясины,

А меж спиленных пней строй бараков гнивает
Вместе с грудой костей и звездой вертухая...
Но, со всем наравне, несомненно иное:
В оглушительном дне нет великих героев.
Проклят Гитлер, сожжён, и вожди присмирели
И, покинувши трон, забиваются в щели.
Их божественный лик не волнует народы,
А психический тик — явный признак уroda...

Пусть, хотя вопреки обожанью потребности,
Мановенье руки — не харизма от неба,
Не чудесье, как нимб, и не святость, как манна —
Стал свободен Олимп векового обмана...
Только в этом всего наша роль и заслуга,
Век житья моего иль соратника — друга,
И любого из нас, из военного детства,
В профиль или в анфас получивших наследство...
И свободы глоток, что вдохнули мы рано,
Нашей жизни итог, чтобы жить без обмана...

Как случилось? Нельзя без волненья не думать,
Как России стезя сохранила в нас юность.
Потому мой рассказ будет кратким и ёмким
Чтоб без всяких прикрас нас узнали потомки...
26.07.2011 г.

Глава 1. «Непоротое поколение»

Когда сегодня вспоминают мои ровесники те дни,
Торжественные первомаи, толпу людскую
Единодушно ликованье, как будто вдруг
О минувших войны страданиях, о тяжких
Гордились мы — сыны победы, что одолев
Как и допрежде наши деды — чужие
Победно всё: машины, танки, катюши,
Завидуют нам иностранцы, на восхищение легки...
И мы — сыны солдат погибших —
Всегда в ажиотаже бывши, твердили
«А ты, вратарь, готовься к бою, представь себе,
Почти за самую спиною граница родины идёт»...
Кругом отечества границы должны храниться
Поскольку нам дано родиться, где всё —
Все гении изобретений, все победители морей
В отечества родились сени, а мы —
на русском языке...
наследье славы сей...

И наши головы кружились от обаяния страны,
Где наши предки славно жили, исконным
ценностям верны...
Себя мы страстно закаляли в походах, в спорте,
Быть должен наподобье стали, перенося и зной,
Коньки зимой, хоккей и лыжи, а летом —
Быть слабым — этим ты унижен, и средь друзей
Я помню, дважды быв в Артеке, заплывы осенью
Что Пушкин описал навеки, на крымской
И барельеф, где был Кутузов, в сраженьи
И Севастополь, где с конфузом британский
Бородино и Куликово, Синоп, Чесма и Измаил —
Нет на земле клочка такого, где б русский штык
И в доказательство — в Берлине в пятидесятых
Солдата медного святыню я видел,
Всё было подлинно и крепко — держава,
И поколений мудрых сцепка на все
в грядущем времена.

Что сохранила от гибели нас
В ранний, бессмысленный нежности час...

Не понимая, что в жизни творилось,
Ждали мы только Всевышнюю милость,
Где справедливость приходит извне
В Им управляемой мудро стране...
Видимо, так наши славные предки
Даже царям выставляли отметки,
Жадных бояр презирая всегда,
С коими только разор и беда...

Жадных бояр опасались власти,
Вечно несущих раздора напасти...
Вот и увидели мы тот раздор —
Вспыхнувший сразу за первенство спор.
Старшие тихо и мудро молчали,
Только исполнены грустной печали,
Даже и школьные учителя
Вдруг погрустнели в раздумьи не зря...
Сразу прошёл между старшими холод:
Знали, наверно, приблизился голод,
Скаредный спутник любых перемен,
Вечно Россию вбирающий в плен...
Я же, наполненный жаждою юной
Под обаяньем парижской Коммуны,
Зов целины вдруг услыша, как рог,
В дали зовущих прекрасных дорог.
В благодном раже вступив в комсомол,
Слово Поэта вдруг в книге нашёл...

Да, Луговской с «Серединою века»
Вдруг пробудил и во мне Человека,
С Древнею Грецией вдруг подружа
Юных романтиков сильных держав.
Было едино земное пространство
Для приключений и дерзостных странствий,
От аргонавтов и пенной волны
До окружающей нас целины...

Понял я: даже высокие числа
Мне не несут ни идеи, ни смысла,
Только лишь в Слове мне близки века,
В коих судьба есть наверняка...

Юноша, вечно боящийся жизни
В этой обширной холодной отчизне,
Где под мелодией вечной ветров
Ищешь приюта и мысленный кров —
Ритм этой шири тяжёл и угрюмен,
Он пробуждает высокие думы,
Давит наследьем минувших веков,
Если ты духом горяч и здоров...

Мне повезло: я рождён на Урале,
В царстве сокровищ и Слова, и Стали,
Гордых заводов и царственных рек,
Где ощущает всю мощь человек.
Я понимал — всё людское богатство —
Чувство всемирности, славное братство,

Но не бродяг, не пустых брехунов,
А деловых мудрецов — мастеров...
К счастью — пришло переломное время,
Спало наследия лидера бремя,
И в перебранке смятённых бояр
Слово даётся России, как дар...
Пусть говорят на трибунах трюизмы
Новые светочи социализма,
Слово поэзии выше преград
Нас очищало, как водопад...

Первым пришёл романтический Блок —
Духа мятежного страстный пророк,
И утверждающий ритмом строки,
Как выживать в сей стране вопреки,
Как ощущать ту мелодию сфер,
Чести и духу дающей пример,
Как полюбить безразмерность судьбы,
Пропasti где и напрасность мольбы...

Блок и меня обучал романтизму
Женщину чтить своенравно-капризну,
В импульсе боли таинственно-страстном,
Словно весталку в гаданьи прекрасном...
Слиты с тех пор для меня её очи
С темным мерцаьем серебряной ночи,
С чуткостью тела её теплоты,
С мужеством вечной её доброты...

Нет, кто не плакал над Блока стихами —
Тот обречен на безмолвье, как камень,
Тот и природы не знает вокруг,
Тот и несчастен, как жалкий супруг...
Но без величья духовности Блока
Нам не понять и возмездья истока —
Тех революций, что в дали грядут,
Где человечеству плаха и суд,

Месть от Природы — тот зуб ядовитый,
Жало которого ныне сокрыто,
Будет укус тот надолго силён
Тем, кто не знает возмездья закон...

Поэзия — формула русского чуда...
И преданным ей недоступна ограда,
Она прозвучала, как в храме молебен,
И голос её оказался целебен...

27.07.2011 г.

Глава 3. «Обретение себя» (оттепель)

*Быть знаменитым некрасиво.
Не это поднимает ввысь...*

Б. Пастернак

Короткая пора стремительной эпохи,
Внезапно, как провал. Иль трещина под вздохи.
Чудесная весна в стране морозобоя,
Где заморозки в лёд погубят всё живое...
Мы — дети той поры, поэзии подростки,
И ныне мы храним те благостные блёстки:

Поэзо-вечера, горластые, с гитарой,
Кофейная жара, толпой набиты бары,
И рифмы, как набат, и споры пред свечами,
Отсутствие преград, свободы то начало...
Так было, и не раз, в России заполошной,
Пока царёв указ всё не кончал истошно:
Свободный диалог у Грозного с друзьями
Подвел потом итог во тьме подземной ямы...
И Годуновский спор с Романовыми быстро
Решил затем топор и кандалов монисто...
Голицын кончил так, задумавши парламент,
Надеясь, как простак, царю подвесьть регламент...
И даже Александр, надежда Кочубея,
Задумался и сам, как волю дать плебеям,
Но, следствия узнав, все отложил реформы,
Лишь подписав Устав казённый для проформы...

Решительный этап всегда кончался плохо.
Тогда реформам — кляп. Реакции — эпоха...
Освободитель ты. Или хитрец на троне.
Иль раб своей мечты о торжестве в законе...
Мы были простаки, за что и получили
От власти тумачи, а мысли затаили.
Но слово — это код для самовоспитанья,
Недаром анекдот в России, как восстанье.
И хитрый Эренбург, что оттепель учуя,
Дарил нам Петербург, нас красотой врачуя.
А Дудинцев дал хлеб свободного рассказа
И будущих судеб отчётливые фразы...

И вот — желанный миг. Великий Солженицын.
Он будет тем велик, что презирал границы,
И показал кошмар вселенского размаха,
Имея чудный дар пророчества без страха...
Судьба его и жизнь — поистине эпоха.
И сдох социализм, не сделав даже вздоха...
Но это — впереди, когда «ГУЛАГ» читая,
Друзьям чтоб не вредить, о книге мы молчали.
Великий самиздат стал нам тогда доступен,
Выковывая взгляд, что прошлое — преступно...

О! Современник мой, который юн и молод,
Не знаешь ты теперь, что значит власти холод,
Не ведома тебе сегодня сила слова,
Что двигает миры и всех судеб основа...
Недаром нет у Вас сегодня стратотерпцев,
Что душу создают и покоряют сердце.
Недаром Интернет так обесценил слово,
Что нынче простаки к безумию готовы...
Нет стиля красоты, что правде побратимы,
И нет в душе мечты о родине любимой...

А ведь любить, скорбя, и есть познание Бога,
Что распят за тебя, открыв тебе дорогу
Для выбора судьбы по правде и печали...
Поэзия скорбит, твой дух обозначая...
Свобода без любви — дорога в ад соблазна,
Их даже не зови — они разнообразны...
Но главный их итог — душа тогда корыстна,
Когда ты сам, как Бог, безвременно и присно...

Нам оттепель была в числе таких соблазнов.
Побеги у ствола всегда крестообразны,
Кто в творчество ушёл рискованную сферу,
А я свой произвол сменил на техноэру.
Реальность полюбя, читая Гумилёва,
Я воспитал себя на сопромате слова.
Был опыт наблюдать невидимые связи,
Умения держать в узде разгул фантазий,
И, в прошлое стремясь, влюбился в дело зодчих,
Где каждый, словно князь, не подражает прочим...
Но этот свой урок я расскажу попозже,
Пока ж означу срок, как дух смиряет вожжи,
И эта — та ступень, что неизбежна в жизни,
В которой свет и тень — не повод к укоризне...

Глава 4. «Обретение смысла»

*Наш долг, наша воля, наше
счастье и наша трагедия —
угадывать то, чем будет
следующий час для нас, для
нашего дела, для всего мира...*

Н. Гумилёв

*Поэзия, не поступайся ширью,
Храни живую точность,
Точность тайн...*

Б. Пастернак

Любой, кто занимается работой,
Кто уважает точности язык,
Тот одержим тяжелою заботой
Неведомого обнаружить лик.

Когда Шекспир трудился на подмостках,
Он показал, как сложен человек.
Великий Свифт, попав на некий остров,
Предвидел весь двадцатый век.
Нам Пушкин показал крушеньё
Простых гипотез дьявольской игры,
Но каждое чиновничье правленье
Выстраивало под себя миры...
А Лев Толстой, презренный глупой властью,
Затоптан был на родине почти,
Америке и Индии, по счастью,
Добавив к миротворчеству очки...
Ничтожными считаются поэты,
Хотя и награждаются петлёй,
Но Сталин их прикармливал при этом,
Тем укрепляя свой имперский строй...
Но дар предвиденья имеют не случайно
Лишь самые упрямые из них,
Лишь им доступна провиденья тайна,
Как Пастернаку — от Шекспира стих...
Мы медленно читаем между строчек,
Не сразу расшифровывая текст,
Которым Гений сохранить нас хочет,
Как капитан, что чувствует зюйд-вест...
И эта — Возрождения наука
Вторым Евангелием предстала на Земле,
Соединив Христа и боль и муки,
И любопытство детское в семье...

Так думал я, искусство постигая
От зодчества до странного числа,
Которым красоту располагая,
История неторопливо шла.
Мир — наше представление, конечно.
Реальность — бесконечна. Зоркий взгляд
Да некая потайная сердечность
В ней обнаружить может стройный ряд.
Задолго до явления микроскопа
Изгнанник Данте тот нашёл закон,
Как преступленье, накопившись скопом,
Уходит мезью будущих времен...
Безжалостность не будет без отмщенья
Ни нации, ни жаждущей толпе...
И в зодчестве я видел возвращенье
Всегда к кумирной топчашей стопе...
Империи блистали, не умнея,
Бросая в топку человечесий прах,
И лишь поэты, страстью пламенея,
Вещали о возмездья временах...

Когда поникла оттепель в России,
Химерою наполнив наши дни,
Я видел, как усердствуют в бессильи
Её высокоумные сыны.
Суля восторг и радость процветанья,
Они усердно проедали то,
Что создано трудами и страданьем
Лишенцев всех немислимых сортов...

Вдруг осознал я связи поколений,
Когда из ссылок возвращались к нам
Вчерашний зэк, и интеллектом — Гений,
И скромный в быте с чудом пополам...
Таким явился предо мной Ресовский —
Мыслитель, и биолог, и стратег,
Концепцией высокой, философской
Снабдив меня на мой короткий век.
Поэзия в нем сочеталась с мыслью
Стремительно-глобальной и живой,
Он будущее мог вперед исчислить,
Как генотип, несущий строгий строй.
Он был продуктом самовоспитанья,
Он аналитик был любых систем,
Охватывая в целом мирозданье
На гены поделая его затем...
И этот способ применяя позже
И наблюдательность, я осознать сумел,
Что этот строй собою подытожен,
В нем выживет лишь тот — кто мудр и смел...
И эту в сыне трудную задачу
Я долго воспитанием решал,
Все постулаты жить переинача,
Чтобы своё призванье осознал...

И был другой учитель мне подарен,
Что тоже без поэзии не мог,
Годами заключений не состарен,
Он нёс культуры трепетный веноч...
Снимал он фильмы вместе с Эйзенштейном,

А после испытал и плен, и клевету,
Но для меня стал мудрости бассейном,
Откуда черпал я годами красоту.
Он был артист и нищий в то же время,
Изыскан и отчаянно шутлив,
И, облысевшее имея темя,
Бандитских песен напевал мотив.
Французским овладев в далёком детстве,
Он слушал ежедневно свой Париж,
И, европейское имел наследство,
Он ненавидел римско-папский «крыж»...
Он понимал Россию, как страдалец,
И Лермонтова помнил наизусть,
За что его в концлагере признали —
Он совесть пробуждал людей и грусть.
Пусть Оболенский вовсе не был князем,
То дед его у них был крепостным,
Он был аристократом от фантазий
С характером открытым и простым..
Но, в совершенстве ведая искусство,
Он разъяснял мне сущность монтажа,
Способного так действовать на чувство,
Что ты идешь по лезвию ножа...
Но именно так жить всегда потребно,
Коль хочешь свою сущность осознать,
Ведь ложь всегда спасительно-полезна,
Чтобы бесчестно просуществовать...

И понял я — привычное мещанство
Есть уклоненье от душевных трат,

И я пошёл с ним по дороге странствий,
Пытливость усиливая во сто крат...
Я не любил напрасные скандалы
И жертвовать собой я не любил,
Но испытать властей презренных жало
Вдруг я почувствовал священный пыл.
Защита памятников древней церкви —
Вот стала мне потребность и стезя,
Чтоб православья подвиг не померкнул —
Иначе жить постыдно и нельзя...
И начались желанные проверки
И приглашенья в высший кабинет:
«Откуда в вас потребность ладить церкви,
Неужто вам заняться больше нет»...
Одна, другая церковь на ремонте...
И вдруг задумали органной зал
Создать в противовес наивной фронде,
С какой я церковь от беды спасал..
«Зачем крушить святого Александра
Прекрасный памятник. То вандализм».
Не слушали. И лепкою леандра
Украсили высокий облик призм.

Я понимал, что это всё — кошунство,
И снова ощутил, что неспроста
Идет в тупик начальственное свинство,
Всегда скверня священные места...

Таких событий было в избытке,
Топтали память прошлого с лихвой,

И я карьерой жертвовал бессильно
И чувствовал — погибнет глупый строй.

К чему бы я не призывал — топтали,
Бросали в печи уникамы лет —
То старое изделие в металле,
То редкостный конструкции скелет,
И чем сильнее над этим издевались
Чиновники с глазами диких псов,
Тем был я крепче в дерзостном скандале,
Считая время их пустых часов...
Простая мысль — пожертвовать собою
Теперь стояла пулей у виска...
Ничто не взять нельзя без боли,
Такая русская тоска.
Пусть издеваются коллеги.
Я буду прошлое спасать
Без всяких вздохов и элегий,
Отринув нынешнюю знать...

И я отринул кабинеты,
В них не добившись ничего,
Лишь Оболенского советы
Я слушал только одного.
Я делал Дело. Протестанты
Так усмиряли глупый бунт
Я был, возможно, не талантлив,
Но понял я: «Я нужен тут».
Тому лет тридцать. Или больше.
Я не жалею ни о чём.

Я избежал постыдной фальши
И стал в наследьи богачём.

Глава 5. «Поприще и торжище»

*Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи...*

В. Высоцкий

Итак, ни знаний, ни карьеры,
За исключением детей...
Пусть это скажут лицемеры
В оценке дел судьбы моей...
И все ж бесценное наследство
Я на земле своей обрёл:
Я там живу, где было детство
И впечатлений ореол...
Родные матери могилы
И милой бабушки моей,
И все ж ещё имею силы,
Чтоб помогать в судьбе детей...
А рядом — вся земля Урала,
Родные горы — старики
И реконструкция металла —
Огромной огненной реки...
Пусть рухнул строй минувшей жизни
И всей империи каркас,
И отпевание на тризне
Не покидает долго нас,
Я не скорблю о катастрофе
Иллюзий братства в нищете,

Пусть внуки не читают строфы,
Бесчувственные к красоте...
Великолепно понимая,
Что мир устало-напряжён,
Я никого не упрекаю,
Лишь состраданьем обожжён.
Пришла империя цинизма,
Великой цифре поклоняясь,
На смену мифу коммунизма,
Что был затоптан просто в грязь...

Пусть Рима древнего патриций
Приходом варваров смятён,
Скорбит о гибели традиций,
За милых предков оскорблён...
Пусть прокликает мир отшельник,
Уйдя в дремучие леса,
И посылает ввысь прошения
Святым услышать голоса...
Я — не патриций, не отшельник,
Я помогаю, как могу,
Наладить с миром отношенья
И другу детства и врагу.
Я слабому даю надежду
Поддержку сильного обрести,
Оберегая, как и прежде,
Достоинство людей и честь...

Всё в мире хрупко и трагично,
Как и в былые времена,

Одни бесчинствуют отлично,
Другим и многим — грош цена...
И это общее возмездье
На нас возложено судьбой,
Как совокупное бесчестье
За пытки над землёй родной,
За неуёмную потребу
Излишних почестей и благ,
Когда другим не хватит хлеба
И утешеньем служит мак...
Обложены бесчестной данью
Одни народы — слабаки
Несут безмерные страдания,
От благолепия далеки...

Другие, одарённые щедро
Умом и климатом благим,
Используют умело недра
И процветают в вред другим...

Итак, как страны, так и люди,
Несправедливостью больны,
Бороться с этим вечно будут,
Как большинство моей страны...

Пусть опыт предков неудачен,
Концлагеря им подарив,
Потомкам нашим то задача,
Когда накопят новый взрыв...

Ну, а пока — моё наследство
Я в заключение изложу,
Сказав заранее — нету средства,
Чтоб сохраниться багажу...

Итак, Урала посредине
Мы обнаружили страну,
Где жил народ, тогда единый,
Имея веру лишь одну.
Они боготворили Солнце
Еще давно, до египтян,
И жгли огонь, огонь бессонный
И в ночь и в утреннюю рань.

Их проповедник Заратустра,
А по-ирански Зороастр,
Развил в них нравственное чувство,
Не признавая всяких каст.

Он заповедовал беречь им
Земли сокровище и вод,
Которые даны навечно,
И им владеет весь народ.

Затем они ушли к Памиру,
А дале — в Индию совсем,
И дали колесницу миру
И сложность жреческих систем...

О том вещает нам «Авеста»,
Что старше «Библии» самой,
Все остальное — неизвестно,
Как их матриархальный строй.

И даже результат побочный
Сожженья тысячи лесов...
Одно мы понимаем точно:
Буддизм — фундамент тех основ.

Пусть эту дикость отвергает
Высокий Запад все века,
Лишь археолог понимает,
Как эта вера нам близка...
Я начал опус свой с Сахары
И опустынивания стран,
Пока ведет себя нахально
Весь человеческий бантустан,

Но неизбежны перемены,
И голод Африки, и наш
В жаре горящий неизменно
Полупустынный пейзаж,
И торжество землетрясений
В кольце, где Тихий океан,
Не оставляет в нас сомнений,
Что шар земной болит от ран...
Какой здесь нужен Бог или Гений,
Чтоб развернуть прогресса ход,
А неизвестность — есть влеченье,
Где снова Слово увлечёт...

И будет ли то Слово Церкви,
Как уверяет Патриарх,
Или в смятении повергнет
К единству целый мир Монарх —
Конечно, этот шаг неведом
Ни мне, ни сверстникам моим,
Но все, идущие нам следом,
Не смогут петь прогрессу гимн...

Мы — лишь звено. Звено в бессмертье
Цивилизации земли,
Нас не пугали даже сплетни,
Что корни мы сожгли свои...
Мы, как могли, их сохранили,
Убрав двуличие и ложь,
От них землян освободили,
И получили... гнёт вельмож...
И в этом — вся парадоксальность.
На свете царствует абсурд.
Но выше всех — Земли реальность,
Её иль Божий гневный суд.

И лишь Поэзия приемлет
Такую двойственность судеб,
И от былин, что были древле
Когда-то ценны, как и хлеб,
До современных рок-концертов,
Где вопль трагичности охрип...
Поэзия — всегда бесценна,
Будь книга иль сегодня — клип...

Самопожертвования просят
И все грядущие века...
Так говорю в свою я Осень,
И знаю то наверняка...
28.07.2011 г.; 11-45,
с. Варламово

Эпилог

Стою в деревне в магазине.
Пусть третий год стоит жара,
А бабки ходят, рот разинув,
И с ними — рядом — детвора.
Роскошество заморских водок
И вин, и даже коньяков,
И фруктов импортной природы
Не переспорит острослов.
А рядом — электростиралки
С набором всяческих программ,
Гляделки, радио-вещалки,
Чей стоит доллар каждый грамм...
А изобилие колбасных,
Мясных и всяческих усад
Мне говорит, что не напрасно
Был изменён в стране уклад.

И хоть стоит у магазина
Бесхозно для коров загон,
Везут молочные машины
Продукт села со всех сторон.
И трудятся в поту селяне

На личном поприще своём,
Желая жить, как горожане,
И обустроить прочно дом...

И все усилия напрасны
Их к старой жизни повернуть.
И это для меня прекрасно:
Опять «Колхоз — на новый путь!»
Такая вывеска у Маркса,
Чьё изваянье головы
Стоит бетонно, словно в сказке...
Проверить можете и Вы...

28.07.2011 г.,

с. Варламово

ВОЛШЕБНИК ИЗ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА (новелла)

Друзья есть у каждого.

Верные и коварные, алчные и добродушные.
Бывают и прилипалы, расчётливые и предупредительные.

Но волшебных друзей в нынешнее время уже нет. А у меня из старых времен один такой волшебник сохранился.

Зовут его Константин Скворцов. Он — волшебник не выдуманный, а волшебник выдумки. Чего только в жизни и дружбе нашей он не выдумывал. Оживлял давно ушедших героев — то революционных террористов-бомбистов, то христианских пра-

ведников, то отечественных мудрецов — знатоков металла или сверхоружия. Оживлял натурально, во плоти и крови, в человеческом натуральном виде — то на страницах волшебных своих книг, то на сценических подмостках, то на кино- или телеэкране.

И люди удивлялись его волшебству, радовались и плакали над его выдуманными героями, а ведь среди них были и странно похожие на знакомых и даже до сей поры незамечаемых наших живущих рядом современников.

Так произошло давным-давно и со мною. Скворцов подарил мне заново мою... жену.

А дело было так.

Как-то будучи у него в гостях, а жил он рядом с нами, и ходить к нему в гости мы обожали: рассказчик и хлебосольный хозяин он был отменный, стол у него ломился от яств, натуральной дичи, солений-варений. А в те голодные годы это уже было волшебством.

Но он был охотник и хлебосол, поэтому ходили к нему охотно и слушали его байки о приключениях, выдуманных или умело опозитизированных, с затаённым восторгом: как складно всё вокруг, как удачлив и ловок этот наш земляк.

Но в тот раз я возмутился: «Да как же ты мог в одно почти время набить уток в Н. и подстрелить козла в З. — между этими местами почти две сотни километров, горы, болота, непроходимые места. Трое суток не хватит, а у тебя получается — утро

и вечер. Ври, да знай меру, мы тоже не простаки, везде побывали в родных-то угодьях».

Скворцов помолчал, хитро прищурившись, а потом с поддёржкой спросил: «А ты, дружище, завтра куда опять лыжи наострил? Говорят, в Сатку, опять свои стишки читать по библиотекам?».

Откуда это он узнал — мне было неизвестно. Хотя в нашей писательской среде все про всё знали: кто книжечку тиснул, кто сорвал заказ на авторский вечер, а кто и на друга в обком партии донос написал. Жили все, как змеи в террариуме.

Я подтвердил свои авантюрные планы.

«И сколько туда ехать?» — не унимался он.

«Да с остановками в промежуточных сёлах двое суток: я ведь ещё церкви должен посмотреть, старинные развалины большевистского сатрапия».

«Ну вот и жди в Сатке сюрприза, чтобы запомнил навсегда — я всё могу. Где ты двое суток на своих колёсах ползёшь, я на ковре-самолёте вмиг обернусь».

На другой день, обиженный и обескураженный, я выехал утром в сторону Сатки с одним приятелем-архитектором, с которым мы всегда обследовали старинные заброшенные по сёлам церкви. Он дотошно знал их историю, особенности стилей и имена святых, коим они посвящались. С ним история края оживала, становилась причастной к Византии, Греции, даже порой — к Итальянскому Возрождению.

Помню, тогда в Сыростане он показал мне чудесный храм классической поры русского искусства с колокольней, где сохранился даже колокол, отлитый в XVIII веке.

Когда через сутки мы приехали в Сатку, то славно попиrowали у библиотечной начальницы, да так, что позвонил я домой супруге уже под вечер: «Как там дети, как твои дела?» — спросил я, естественно заплетаясь языком от излишне принятых напитков.

«А ты где? В Златоусте или ещё в Миассе?» — спросила жена почему-то спокойным и даже не подозрительным, как обычно, голосом.

«Да так, пока ещё добираюсь. Колёса спустили, мотор барахлит. В Сатку только-только приехали. Кстати, завтра за грибами намерены и бруснику обещают».

«Как бруснику? Разве она уже созрела?» — воспламенилась моя благоверная.

Я, конечно, ни сном, ни духом про всё это не слышал и придумал так, для отвода глаз. Жена была помешана на грибах, а про бруснику мечтала абстрактно: в степях и лесах наших брусники отродясь не было, и была ли она в горах — я понятия не имел.

«Созрела, созрела, — не подумав ни секунды брякнул я, — да только тары у меня с собой нет. Так что ничего обещать не могу», — и я быстро положил трубку, возвратившись к приятному столу грациозной библиотекарши, которую про-

должал развлекать культурным наследием мой приятель.

Каково же было моё потрясение, когда на следующий день, едва мы оправились от ночных долгих возлияний к утреннему чаю, едва мы договорились о заветном выступлении перед читателями из старинной кержацкой Сатки, едва я вышел во двор старенькой гостиницы, где мы ночевали по протекции областного начальства, чтобы заправить и помыть после вчерашней дороги свою любимую синенькую «Ладу», как... идёт ко мне навстречу любимая супруга в сиреневой полубрезентовой штормовке для лесных вылазок, резиновых сапогах и с громадной плетёной корзиной для грибов, которые она собирала так искусно, что я всегда поражался её умению видеть на аршин под землю. Грузди мне никогда не удавались.

«Ну, я готова идти за брусникой», — отрезала она решительно и по-деловому.

Надо ли говорить — какая немая сцена была тут с моей стороны. Жена появилась через десять часов после разговора со мной? Даже скоростным ночным (абсолютно нереальным) поездом это было невозможно.

«А мне Скворцов помог — я на вертолёт», — спокойно пояснила она как ни в чём не бывало.

И пришлось менять всю программу дня и идти в горы (опять помогла чуткая библиотекарьша, чей скромный оклад требовал и знания грибов, и

ягод, и всех окрестностей для выживания во имя культуры).

И жена, и мой приятель, и даже я сполна воздали сокровищам саткинских лесов и болот. А я долго-долго потом выяснял, как удалось этому волшебнику Скворцову организовать мгновенно, за ночь, вертолётный рейс милицейско-дорожного вертолёта прямо в середину города Сатки для моей одержимой грибами и брусникой супруги, готовой для этого не спать всю ночь, готовясь к рискованному полёту среди гор в утреннем тумане в незнакомый город, где абсолютно не ждали её ни я, ни мои исторически эрудированные земляки.

Вот и судите сами, что такое волшебник, урождённый в Златоусте и ставший не только драматургом и поэтом, но и подлинным чародеем, навсегда покоровшим сердца своих отнюдь не безгрешных земляков-обывателей.

31.07.2011 г.

* * *

Я ехал весь в дожде,
И ехал я к тебе,
В ночи уже сверкали в спину вспышки.
Мне было хорошо,
Как будто минул шок,
И не был я уже на свете лишний...
И мнилось мне, что я
С тобой — одна семья,

Мне по душе заботы и потехи,
И я не уступил
Унынию от могил,
И мне теперь для страсти нет помехи...
И ты была вдали
На краешке земли,
Где солнце заходило за ракиты,
Ты греда ужин мне
С собой наедине,
Похожая на облик Карменситы...
02.08.2011 г.,
с. Варламово

МОЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Записная книжка старая
Трёх десятков долгих лет,
Как душа моя кристальная,
Где волнуешь каждый след...
И хотя уж многих нет,
В рамках траурных представленных,
Дорогих моих наставников
Слышу явственный привет...
Но зато в ней ясным почерком
И десятки тех имён,
Что сегодня жизни зодчие
Новых дерзостных времён...
Пусть, хотя не электронная,
Ты — обойма мне патронная...
04.08.2011 г.; 11-20

ГОЛУБИНАЯ ШКОЛА

В ясном солнечном утре,
Когда петухи кричат,
Когда трава в перламутре —
Начинается лёт голубят...
И вся община на крыше,
Или усеяв карниз,
Ниже сидя иль выше,
Смотрят подобьем кулис,
Как, с отчаянным писком
За мамой взмахнув крылом,
Летают детишки близко,
Покинув родимый дом...
А матери осторожно
Прикармливают детей
Сывороткой творожной
После таких затей...
На верхнем коньке у крыши
Сидит пожилой сизарь,
Нет ли опасности свыше
Он смотрит, как было встарь...
04.08.2011 г.; 11-30

ПОСЛАНИЕ ОТ ГРАММА

А в этом мире без идеи
Нельзя и выбор совершить,
Чем информация бурнее —
Тем больше труд и для души...

Пять теорем в факториале —
Сто двадцать вариантов схем,
Пять личностей перебирают
Сто двадцать взяточных систем...
Попробуйте добавить должность
Чиновника, чтоб надзирать —
Семьсот коррупций уничтожить
Потребуется Вам опять...
А двадцать взять в факториале —
В десятки миллионов связь...
Без совести прожить едва ли
Мир сможет, сам собой гордясь...
05.08.2011 г.

Вере Крикуновой

* * *

Любезная наша Вера,
Вы для нас — образец примера,
Как прекрасна такая манера
Презирать болтовню лицемера...
Вы всегда героически-точны,
В обязательствах непорочны,
Даже с нами — народом восточным
В страховании жизни бессрочном...
И в искусстве — изысканы вкусы,
Всё в гармонии: платье и бусы,
И к родным — непритворные чувства,
В деловитости — только лишь плюсы...

Невозможность для Вас не преграда,
Потому Вы для нас — как отрада,
И общение с Вами — награда,
Как цветеньё роскошного сада.
08.08.2011 г.,
с. Варламово

К 11-ЛЕТИЮ «КУРСКА» (триптих)

* * *

Когда мошеннику у власти,
То всё загадочно вокруг:
И техногенные напасти,
И подлость вдруг разжатых рук...
Мошенник дерзок и упруг,
В его владения не влазьте,
Он серой неприметной масти,
Он благодетель Ваш и друг...
И ужас гибельного круга
Вас постепенно обоймёт,
Но поздно... Под водой ни звука...
Лишь прах в растворы перейдёт...
Так оборотни детской сказки
Нам в снах являются без маски...
11.08.2011 г.; 6-30,
Челябинск

* * *

Нам вдруг являются без маски
Свинные рыла и клыки,
Что воздух портят без опаски,
Как наложившие в портки...
И пусть от них мы далеки
И в детские лишь ходим ясли,
Но, благодушию в контрасте,
Мы странно к ним душой близки...
Мы им потворствуем во всём,
Двуличье истин принимая,
Хоть не пуская их в свой дом
И ужас в душу не пуская...
Нутро нам разъедает ржа,
Как подкуп — святость у держав...

* * *

Как подкуп — святость у держав,
Всю медленно уничтожает —
Так наш сгнивает робкий нрав,
Не дав потомству урожая...
Мошенник всё соображает,
И даже затхлость наших прав
Потачкою преобразует
В венок из почестей и слав...
И мы стоим, глаза зажмурив,
Ребёнка лишь прижав к щеке,
И с ним небрежно балагурия,
Истории на сквозняке.

А почву размывают воды,
И рушатся опоры своды...

11.08.2011 г.; 8-00,

Челябинск

Р. С. Странно, но эти строки написаны случайно в блокноте Уникальном: о правах Граждан на Контроль выборов (!) и записей 2009 года, когда мошенничество выплеснулось во всей своей мощи и бесстыдстве... А сегодня — аварии судов, самолётов, ЖКХ достигают, как и пожары лесов, титанических размеров... Об этом только сейчас я задумался после смерти Милочки и двух этапных своих книг — о Ней и об Отце.

11.08.2011 г.; 8-30

ВРЕМЯ ЖЕЛАНИЙ

к/ф «Время желаний»; 1984 г.

реж. В. Меньшов, А. Папанов и жена режиссёра
(молодая авантюристка)

Размышляя о старом фильме,
Я невольно гляжу на себя...
Пусть сегодня нестарый и сильный,
Я живу и любя, и скорбя...
Сочетать как ушедшее в вечность,
Старый дом и заброшенный сад,
Недоступную бесконечность,
Жажду жизни и прежний уклад...

Внук уехал в Москву на учёбу,
Внучка жаждет своих развлечух,
Лет десяток прожить мне ещё бы
Без подрывных и жёстких прорух...
Неужели не сжалится время,
Не сорвётся в тоску иль в беду...
Иль, внезапно спеша вслед за всеми,
Я поспешно и жалко сойду...
О судьба, пощади, не насилуй,
Хоть на несколько лет погоди,
И меня исключеньем помилуй,
Ведь я знаю, что там, впереди...

Я ещё поливаю деревья,
Я стихами не досыта пьян,
И мне по сердцу летом деревня,
Мой внезапный и поздний роман...
Я ещё упадаю на лоно,
Словно в юности, смел и горяч,
И сосну обнимаю на склоне,
К каждой веточке зорек и зряч...
Женской прелести страстный поклонник,
Я ещё целовать не устал
Ни цветущий и пахнущий донник,
Ни подмышками пота кристалл...
Да, не вечен мой путь и тоскующ,
Но под солнечным светом Земли,
Отгону я предчувствие чудищ
И грядущую немощь вдали...
12.08.2011 г.

* * *

Ты сотворила целый мир —
Волшебный мир очарованья,
И обстановку трёх квартир —
Предмет любви очарованья...
В них — запах тайны и преданья,
С заплатками простынных дыр,
С цветами грусти увяданья,
А в холодильнике — Твой сыр...
Я в нём навеки заключён
С сервизным золотым фарфором,
С паркетным полом, на котором
Царапины Твоим ключом...
Мне никогда с ним не расстаться,
Хоть больно мне его касаться...

14.08.2011 г.,
дома

85 ЛЕТ Р. И. ЭЙЛЕНКРИГУ

Друзья моих минувших лет,
Немного их теперь осталось,
Не одолела их усталость,
В глазах — разумной жизни свет...
О них — печальный мой сонет,
Которым счастье досталось
Почувствовать людскую жалость
И соучастия привет...
И ты — творец теней и мифов,
Поклонник царства кино-муз,

Оставшись мужества Сизифом —
Узнавший горькой славы вкус —
Спасибо, что почти столетье
Творишь ты Родины бессмертье...
14.08.2011 г.;
г. Челябинск, после звонка через почти 15 лет (!)
соратника и друга Л. Оболенского

НЕПОРОЧНОСТЬ

(триптих)

* * *

И верю я (не без сомненья),
Что по душе, не без греха,
Дано мне неприсоединенье
К любому отсвету стиха...
Пусть будет жизнь моя тиха,
И будут даже оскорбленья —
Не допущу я оскопленья
Пристрастья к остроте штриха...
Как ночью тешит полнолуние
Каким-то светом неземным —
Так пусть строка моя — вещуньей
Пребудет к похотям пустым...
И пусть она расскажет точно,
Как жизнь вне власти непорочна...
15.08.2011 г.,
с. Варламово

* * *

Да, жизнь вне власти непорочна,
Всегда. Особенно — в наш век,
Когда в аренду не бессрочно
Природе отдан человек...
Контракт тот — прошлогодний снег
Или бархан пустынь песочный,
Пока в кости его височной
Всплывает солнечный ковчег...
Земля ему — всего стоянка
В воображении его,
Или послушная шарманка,
Игра — и больше ничего...
Уничтожать себе подобных
Ему пока ещё удобно...
16.08.2011 г.; 9-30

* * *

Ему пока ещё удобно
Выкачивать в ней кровь и сок,
А на десерт вкушая сдобный
Из соплеменников пирог...
Но час возмездья недалёк,
И это есть не час загробный,
Не зверь алкающий и злобный,
Который пишу прячет впрок...
Увы, отмщение земное
Готовит малый микромир,
Как тот нарыв, сочась от гноя,
Живую ткань ужмёт до дыр...

Так кожа розовой шагрени
Сжимается за ряд мгновений...

16.08.2011 г.; 10-00,

с. Варламово

Р. С. Сжимается за ряд мгновений

Пространство псевдобытия

Всеразвращённых поколений,

Среди которых есть и я...

В ПОЛНОЛУНИЕ

Ты с каждым днём дороже мне
В непостижимости мгновений,
Как будто сводит добрый Гений
Нас, обнажённых, при луне...

Та ночь в постели. В тишине.

Белёдые нагие тени.

И матовы твои колени.

И лунный отблеск на спине...

Открыты двери на балкон.

Тепло. И зной твоих объятий,

И сброшенное в угол платье,

И запах, и протяжный стон...

Безветрие и безмятежность

В нас увеличивает нежность...

16.08.2011 г.; 11-30

* * *

В тот день открылся медосбор,
И запах мёда был повсюду,
И я, всё удивляясь чуду,
Твой чувствовал влюблённый взор...
Его не знал я до сих пор,
Его теперь я не забуду,
И я не дам ему остуду,
Какой бы ни был рядом вздор...
Твой лёгкий шаг, и плавность жеста,
И азиатские глаза
В тот день достигли совершенства,
Как каравеллы паруса...
И за открытием Америк
Я двинулся, тебе поверив...

16.08.2011 г.; 11-35

* * *

Вчера — жара. Сегодня — холод.
Голубизна была небес...
А нынче — на карнизе голубь
Едва удерживает вес...
Упругий ветер гнёт деревья,
Сметая яблоки в траву
И пробуждая в нас поверья,
Что все возмездья — наяву...
И алюминиевое небо
Поблескивает серебром,

Как непомерная потреба
Нас испытать теперь на слов...
Такой же отблеск у оградки
Могилы собственной жены
Я помню, как удар загадки —
Зачем на свете мы нужны...
16.08.2011 г.; 11-50

ВСПОМНИВ МАНДЕЛЬШТАМА

В этом мире небрежных открытий,
Неизбежно-пустых перемен,
Мы не ждём судьбоносных событий,
Лишь к терпенью готовясь взамен...
Мил нам жизни трепещущий плен,
Красота мифотворных наитий,
И, барахтаясь в ней, как в корыте,
Не считаем, что прошлое — тлен...
Живы наших чудес рукотворность,
И соборно-музейная статья
Пробуждает всегда непокорность
Хоть однажды, но чудо сыскать...
Только прошлым мы живы прекрасным,
Оставаясь спокойны и страстны...
16.08.2011 г.; 12-35,
один в Варламово на огороде

РЕЦЕПТ ALTER EGO (Скиннер и Кидз)

Не прячьте в шкаф свои привычки,
Которые не симпатичны,
Они — помещены коль в шкаф,
Возникнут, жизнь у Вас поправ...
Они, безжалостно для Вас,
Прорвутся вдруг в потоке фраз,
И Вас с друзьями разлучат,
В семье нагонят смрадный чад,
И Вашу оборвут судьбу,
И похоронят Вас в гробу...

«Так получилось...» — говорят,
Поминок соверша обряд,
Но ты, пока ещё живой,
О том подумай головой,
И не утаивай проблем,
Чтоб не терять контроль совсем...
Ты сам бесстрашно отвори
У шкафа створки от двери,
Где тот — другой. Бахвал иль врун,
Иль неумолчный говорун,
Иль сластолюбец-самохвал,
Иль подхалим, чей стаж не мал...
Пусть выйдет тот, кто спрятан есть,
Кто позабыл и стыд, и честь,
Его за стол ты посади,
В глаза спокойно погляди,

Ведя достойно диалог,
Что одолеть его ты смог...
16.08.2011 г.; 18-40

* * *

Я жить хотел бы, как лесной бобёр —
Строителем плотин и тайных входов,
Прокладывателем заповедных нор
Для целого спасения народа...
И, запрудив негромкую реку,
Усердно охранять детей от выдры
И зорко бы стоять на берегу,
Их наблюдая шалости и игры...

Но не дано природой мне того
Прекрасного мечтанья и утехи...
Воспитывать ребёнка одного —
Всегда страданье за его успехи,
И, коли он бессильно закричит
От боли соплеменника удара, —
Дано мне плакать одному в ночи
И проклинать беспомощную старость...
17.08.2011 г.; 0-20

* * *

О, Господи, спасибо, что ты дал
Такую мне волшебную подругу,
Чьи добрые глаза, как бы кристалл,
Так светят в душу, облегчая муку...

Я победил сердечную разлуку,
Как бы взойдя на новый пьедестал,
И, протянув ей дружескую руку,
Стенать, вздыхая, вовсе перестал...
Пусть не дано жёну мне воскресить —
Она второй становится женою,
Её не нужно ни о чём просить —
Она владеет магией живою.
Так дай, Господь, чтобы была всегда
Со мной она в преклонные года...
17.08.2011 г.; 0-40

* * *

О, чудесное лето в деревне,
Где со мной рядом двое существ,
Два таких бесподобных творенья,
Что превыше и жён, и невест...
И одна — пятилетняя внучка,
Что резвится, играет в песке,
И рисует собственноручно
То принцесс, то леса вдалеке...
А вторая — живая подруга,
Что явилась, как будто из снов,
С милой внучкой играет, как с другом,
И шарады ей строит из слов...
Мы леса посещаем с грибами,
Моем ноги в прозрачных ручьях,
И малину срываем губами,
Окликаемся в чаще, крича...

Да, поистине, Троица — символ
Высочайшего счастья Земли,
Единение жизни красивой,
И совсем бескорыстной любви...

17.08.2011 г.; 1-00

* * *

С тобою в доме всё преобразилось:
Цветы, ковры и на окошке мох —
Все доказательства той женской силы,
Которой я вообразить не мог...
Как ты уверенно готовишь ужин,
Как огурцы засаливаешь впрок,
Тебе подсказчик никакой не нужен,
Ты жизни знаешь непростой урок...
Копашь, садишь, шутишь и ревнуешь,
Хлестаешь в бане веником меня,
Породу представляя коренную
От женско-деревенского корня...
Ты искрення в любом внезапном чувстве
От горечи до жажды овладеть
Немедленно познаниями в искусстве,
Чтобы своё суждение иметь...
Прелестница иль фурия соблазна,
Скуластая, с глазами, как агат,
Соперниц нет, поскольку ты так разна,
Что мне не надо никаких наград...

17.08.2011 г.; 1-00

Отрывок из «Литературной газеты № 31 за 2011 год.

Статья «Нравственное собрание»

В своей культурной политике Александр III стремился следовать заветам Ф. М. Достоевского, изложенным им в «Дневнике писателя», который он собственноручно направил императору в 1878 году (тогда тот был Великим князем до 1881 (?) — К. Ш.).

«Общество основывается на началах нравственных. На мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается...

Нации живут не одной лишь заботой о ЦЕНЕ рубля и биржевой спекуляцией, а великим чувством и великою единяущею и всё освещающею мыслью, соединяющею народ... Национальная сила рождается тогда, когда народ невольно признаёт верхних людей с ними заодно»...

МАЛИНОВКА В АВГУСТЕ

Прощальная малиновки мелодия,
На каменной пропетая стене,
Где овощи созрели в огороде,
Где Ты была подругой верной мне...

Где я Тебя любил, моя хорошая,
Моя неутолимая печаль,

Напомнила мне враз такое прошлое,
Что стало мне Тебя безумно жаль...

И плакал я, смотря на красногрудую
И крошечную птичку наверху,
Такую улетающую, мудрую,
Что эту боль доверил я стиху...

18.08.2011 г.; 10-00,
с. Варламово

* * *

Нет большей красоты, чем время в августе,
Когда созреют мудрости плоды,
Когда любовь и верность переплавятся
В ухоженные щедрые сады..
Мы столько знали горя и беды,
Покинула меня моя красавица,
Её глаза — нет, нет — да вдруг появятся,
Но вот теперь со мною рядом ты..
Ты — новая подруга неустанная,
Мне снова даришь щедрую любовь,
Которая, надеюсь, необманная,
Как эта крепкая и спелая морковь..
Плоды копаю и снимаю яблоки,
И даже кожа стала вдруг не дряблою...

18.08.2011 г.; 10-20

* * *

В такие дни исхода лета,
Когда ночные холода
Таят усталые секреты,
Что осень горестна всегда,
То я сгораю от стыда,
Что обещены заветы.
И что забыты мной советы
Той, что поныне молода..
Моя тишайшая княгиня,
Моя дражайшая богиня
И мать моих святых детей,
Тебя мне обострённо жалко,
Ведь не сказала мне гадалка
О краткости судьбы твоей...

18.08.2011 г.; 11-50

* * *

Отжитое — не пережитое,
Нужно ещё глубже пережить,
Бешено прошедшее былое,
Чтобы мне поступки совершить..
Выращены дети. Даже внуки.
Я ещё не прадед, но уже
Есть симптомы мудрости науки,
Что идёт сейчас на форсаже..
Вполовину сгублена Россия
Алчностью невиданных господ..
Где, когда и в чём мы совершили

Этот к разграблению переход...
Почему идёт на нас возмездье
Не природных, а уродных сил...
Видимо, нужно теперь усердье
Осознать — зачем народ мой жил...
18.08.2011 г.; 0-15

*Флюре, прочитавшей «доктора Живаго»
в августе 2011 года*

* * *

Низкий мой поклон тебе, подруга,
Что одной лирической волной,
Ты омылась из родного круга,
Связанного творчеством со мной...
Никогда не ведал я такого
Чтоб перемежать презренный быт
С чистой силой праведного слова,
Где высокий подвиг не забыт...
Тайна бытия — в самоотдаче,
А не в самолюбье, как в узде,
Для меня Немыслимое значит,
Много больше, чем болтать везде...
И кумиром всех моих наитий —
Тот неясный поиск доброты,
Что подспудно среди всех событий
Светит чудным светом красоты...
Милая, как хорошо, что вместе
Мы по жизни пробуем пойти...

Это я искал в своей невесте,
Но не дал ей Бог со мной пути...
19.08.2011 г.; 10-00

* * *

Горделиво-холодное утро
Той прозрачностью чистоты,
Что застыло небес перламутром
И чуть-чуть опалило цветы...
Пожелтели местами листья
Розовеющих яблонь, как будто
Время ровно считает минутки,
Что стареешь безжалостно ты...
Петухи по-мальчишьи горласты,
Вечно юны, как праведный мир,
Но уже распустилися астры,
Допивая тепла эликсир...
А тебе утро знобко и зябко,
И сопливишь, как старая тряпка...
19.08.2011 г.; 10-25

Маша: «Получила я эсэмэску от
Мамы, где сказано, чтобы я училась
хорошо, не покидала России и по-
шла работать в хороший институт»
(5 лет 3 мес.)

Всё это она придумала на ходу на про-
гулке по опушке леса у деревни, где видно
далеко-далеко...

Это — эффект красоты простран-
ства.

* * *

Моя божественная Флюра,
Какая стройная фигура,
Какая страстная натура —
Мишень коварного амура...
Во всех творениях не дура,
Не будет строить глупо «куры»,
Не будет петь фиоритуры
Во имя жалкой конъюнктуры...
Она как круга квадратура,
Хотя порой весьма понура:
Ведь ей не по сердцу халтура,
Лишь искренность — её микстура...
Всю жизнь она летит аллюром,
И обожает тонкий юмор,
И любит брючки из велюра
Моя божественная Флюра...
Её я встретил у бордюра,
Где дом с фасадом коннелюром,
Где в вывеске — аббревиатура,
Из умных слов миниатюра...
19.08.2011 г.; 16-00

* * *

Иду по пояс в семенах,
Прилипших к шароварам
В новейших чудо-временах,
Где всё идёт недаром:

Глупеет стар, умнеет млад,
Растёт напор сарказма,
И каждый — рад или не рад —
Всё думает о разном:
Одни — как смыться за рубеж,
Другие — как не сдохнуть,
А третьи — как нащупать брешь,
Чтоб своровать, не охнув...
А я, наивен и упрям,
С сонетом ем картошку,
Любовь и горечь пополам
Всегда держа в подвздошь.
20.08.2011 г.; 14-35

ФЛОКСЫ

Материнский запах флоксов,
Как предвестие судьбы,
Вдруг вошедшей парадоксом
К нам с сестричкой во лбы...
То не розы, не грибы
В нашем общем садоводстве,
Флоксы — чудо для эмоций
Полунищей голытьбы...
Тащим ящики из сада,
Ведро, сумки и мешки,
Но нарвать и флоксы надо,
Как лекарство от тоски...

Вот поставлю дома в вазе —
Вся неделя — для фантазий...
25.08.2011 г.; 14-30

*После вывозки дюжины ящиков груш
для раздачи всем, всем, всем...*

С. Ю. Заневскому

* * *

Сергей Юрьевич, извините —
Пусть Вы тёзка великому Витте,
Но скажу я Вам не для проформ
Не страшитесь российских реформ:
Есть закон у России кошмарный —
Только то для неё легендарно,
Что забыто отцами давно,
Словно предков крестьянских рядом...
Все правители им неуютны,
Что рулили вчера иль сегодня,
Были мягки они или жёстки...
Так родителей ценят подростки,
А когда вырастают с годами —
Слёзы льют по схороненной маме...
Мы — подростки десятки столетий,
Только сказки мы любим на свете,
О далёком-далёком чудесьи,
Потому и вошли в поднебесье
Самым первым сынком, сбережённным
Страшным лихом войны обожжённным...

Потому и прошли по Сибири
К океанской немыслимой шири,
Потому из песков Палестины
Полюбили еврейского сына,
Что был к людям и добр, и доверчив,
Не паля их в божественном смерче...
Эта сказка опять нам потребна,
Будто спящая встала царица,
А безумье былого столетья
Для подростков — никчёмная сплетня...
29.08.2011 г.

*После долгой беседы с ним — огорчённым и
недоумевающим ровесником — строителем —
историком — энциклопедистом и пушкиноведом*

30 АВГУСТА 2011 ГОДА

Какой хороший прожит день:
Тепло, и солнечно, и грустно,
И встреч приятных дребедень,
Где разговоры об искусстве,
И груши, данные друзьям,
Такие вкусные, как персик,
И разговоры по душам
С подругой, умной, как наперсник...
Как хорошо, что я влюблён
В её и волосы, и жесты,
Она теперь, как будто сон,
Где тонкой музыки блаженство...

Уходит лето... Горячи
У нас и щёки, и касанья..
Она особенно молчит,
Как будто знает всё заранее..
30.08.2011 г.

* * *

Сегодня мне хочется вспомнить
С Тобой особенный день.
Такой неприятно-греховный,
Когда опадала сирень,
А Ты меня долго под дверью
Держала в обиде пустой,
Упорно в невинность не веря,
Что я не ходил на постой..
И пусть я был вовсе не ангел,
Но женщина — редкая тварь —
Нуждалась не в слове, а в шланге,
Как было, по-видиму, встарь..
И был я себе так противен,
Что перед дверями заснул,
И дверь Ты сама отворила,
Меня посадила на стул
Раздела. Умыла. И после
Со мною так тихо легла.
Как падают листья под осень,
Когда воцаряется мгла..
30.08.2011 г.

ЧАСТЬ V
ГОЛЛАНДИЯ
ПОД ОСЕНЬ
(сентябрь — декабрь 2011 г.)

КИСТЬ ВИНОГРАДА (к 275-летию Челябинска)

Кисть винограда да разбившаяся в сумке бутылка водки — вот и вся память о праздновании юбилея Города, где я родился, вырос, понял кое-что, написал и опубликовал три-четыре десятка книг, вырастил детей и внуков. Словом, провел семь десятилетий «кейфа», апогеем которого и стали кисточка винограда да промокшая от водки библиография моих трудов (около трехсот наименований). А глубокая горечь от разочарований в ненужности жизни была спрятана в салютные залпы.

Хотя... Хотя это как посмотреть...

Кроме банкета и салюта юбилейной даты (нужной, конечно, власти и люмпену, как ненавидящим антагонистам) были ещё в те дни и встречи по душам с юными «рекрутами капитализма» — студентами разных вузов, потоков и интеллекта.

И не скажу, чтобы они удручили меня. В меру умные и ироничные, настороженные и скрытные, они похожи на нас в юности, уже в их возрасте абсолютно неверующих во власть, но ещё надеющихся изменить ход вещей.

Что мы и сделали — добившись желанного: свободы во всех её видах и формах, от наглости денежных тузов до презрения к былой истории, былым ценностям и к нам — ретроgrадам прошлого столетия.

Вот и дала нам власть по заслугам на юбилей по бутылке водки и кисточке винограда. Правда,

ещё были съеденные шашлыки, закуски, испанские танго и славословия лидеров власти на ходу и кратко. А сидел-то я в середине первого стола с закусками на десять персон, а лидеры-то Города были в простых рубашках и без пиджаков и стояли перед банкетными столами с бокалами шампанского без закуски... ровно две минуты!

«Спасибо и за эту память о нас» — думали три сотни стариков-интеллигентов, причисленных к «избранным», как сказали между прочим «сити-менеджеры» Челябины... Пат и Паташон... Маленький и Большой.

Такая вот эпоха и её трансформация: от тоталитаризма — к полной лихой свободе.

Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство. Спасибо товарищу Ельцину за наше с свободой соседство.

И власти денег кокетство.

05.09.2011 г.,

самолёт Челябинск — Москва

ИЗ РАССКАЗОВ АЛЁШИ

* * *

В августе этого года ездили мы с Катей на пароходе от Дувра до Барселоны. А начало — естественно, в Лондоне. Номера в гостинице на Трафальгарской площади самые простые, переоборудованные из былых общежитий для ветеранов флота. Постройка где-то середины XVIII века, с

громадными потолками и размерами окон. Туалеты — в виде кабинок прямо в комнате, с подводом коммуникаций. Удобно и недорого по сравнению с Москвой.

Пароход — теплоход на полторы тысячи туристов, с десятью палубами. Мы жили в «люксе» на самом верху, на высоте около двадцати пяти метров над ватерлинией. Таких люксов всего десяток, и мы одни — русские. В остальных (а их — дюжина) — арабские шейхи, еврейские банкиры, английские и австралийские промышленники с семьями.

Капитан ежедневно проводил с нами часа два в специальном холле для кофе с закусками и видеоэкранами. Все привилегированные пассажиры делились общими сведениями друг о друге, успехами семей, детей и расспрашивали друг о друге.

Я рассказывал об Эрмитаже, Царском Селе, о Зимнем Дворце, показывал фотки, чем сильно удивил всех.

Наследие Карла Смелого

В городе Брюгге находится гробница последнего герцога Бургундии — когда-то приличного государства, расположенного по периметру между Францией, Голландией и Германией. Теперь это фрагменты территориальных анклавов — Бельгия, Эльзас, Люксембург и южные провинции Франции. Герцог не имел наследников в своем XV веке, а его дочь — наследница, выйдя замуж, распатронила

самое лучшее владение на куски — то Австрии, то Испании, то Франции.

И город Брюгге, где герцог Карл Смелый лежит в соборе, захирел, остановился в развитии. Река у него замелела, порт перенесли в Антверпен, потом в Амстердам, а город Брюгге оказался на сухопутьи и так сохранился, как антиквариат доколумбовой эпохи: лавки, соборы, музеи. Даже музей Картошки фри стал его гордостью...

Неисповедимы судьбы денежных и торговых потоков. Как, впрочем, и судьбы династий, владык и нас, грешных.

* * *

Между Выхино и Перово
У московского материка
Возвышается мега-школа,
Мне особенно дорога...
Там живёт мой любимый мальчик —
Мой второй столь упрямый внук,
Для которого время значит
Постижение нудных наук...
Весь девиз его — амбивалентность,
Проникание в поры мглы,
Где сплавляется интеллигентность
С омертвелой корой Земли.
Вырос он, как росток на вулкане,
Корешком укрепясь слегка,

А теперь, если жизнь не обманет,
Хочет выбросить кисть цветка...
Милый мальчик, кровинка жизни,
Слабый, сказочный чудо-принц,
Вкруг которого ползают слизни,
И неведома мощь границ...
Я ему пожимаю руку,
Я его обожаю так,
Как внимают кантаты звуку,
Сердцем чувствуя с тьмой контакт...
Дай же, Господи, ему милость
Нами слепленное хранить,
Чтобы счастье ему явилось,
Словно Солнца золотая нить...

07.09.2011 г.

после посещения жилья Жени в Москве

ВСПЫШКА ПАМЯТИ

Глядя из окна в подъезде старого Алёшиного дома, как крепкая молодая китаянка (казашка?) убирает с утра двор, собирая мусор в оцинкованное старое корыто (такое у меня в Варламово уже двадцать лет) на колёсиках от детской коляски, я вдруг вспомнил, что четыре дня назад, после салюта в честь 275-летия моего родного Челябинска, мне преподнесли грандиознейший подарок...

В магазине, где толпы молодёжи толкались за пивом, жаждуя залить возбуждение и восторг сво-

ей энергии, меня возле кассы называли... «Молодым человеком»!..

Это следующая за мной в очереди у кассы пара красивых, холёных девушек (уже точно не китаянок, а именно казашек, с удлинёнными разрезами глаз и миндалевидными веками с обворожительной окраской) обратились ко мне с просьбой, видя как я выложил на кассу льготный талон скидок: «Можно воспользоваться вашим талоном на скидку, молодой человек?» Я охотно это им позволил. А вспомнил только сейчас. Чудеса...

07.09.2011 г.

Москва

В МУЗЕЕ АМСТЕРДАМА

(триптих)

* * *

Уютный дворик в Амстердаме...
Ритм бывших храма колоннад...
Куриль дозволено без срама,
Чему, естественно, я рад...
Внутри — сражений прошлых ад —
Веков мучения и драма,
Но неизменна панорама,
Как человек не знал преград...
Республика купцов торговых
Доныне — родина свобод,
Где всех религий равно слово
И где народ — не просто сброд...

Твои мучения ужасны,
Но всё же.. всё же... не напрасны.

* * *

Но всё же не были напрасны
Трудолюбивость и инстинкт,
Не веря в сказочные басни,
Ценить реальность каждый миг...
Весь мир сегодня — ученик,
Как, сребролюбю в контрасте,
Себя создать ещё прекрасней
Пытливостью трудов и книг...
Петра учив своей науке,
Сегодня «Интернет» избрав,
Уверен я, что наши внуки
Всемирности добьются прав...
Тому порукой — скепсис здравый,
Что овладел моей державой...

* * *

Пусть овладел моей державой
Дух недоверчивости злой,
Колеблясь между прошлой славой
И биржевой теперь игрой —
Прекрасен времени настрой:
Вкусив пресыщенной отравы,
Поймём, как были предки правы,
Что Человек — всему настрой.
В нём слиты гибель иль терпимость,
Чадолюбивость иль расизм,

Упорности непобедимость
Или растреления цинизм...
Не деньги — капитал отныне,
А всей Земли родной святыни...

09.09.2011 г.

*Амстердам. Музей истории города, а также день
бомбардировки Хиросимы в 1945 г. (67лет!)*

ДВА МУДРЕЦА

(диптих)

*Два мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу...*

Из англ. поэзии,
перевод С. Маршака

* * *

Как было пусто на Земле,
Пока еврей не появился,
И Бог, не видимый во мгле,
С ним Библией не поделился...
Но перед Ним он не смирился,
И в каждом городе-селе
Он деньги в рост навеселе
Давая, бешено трудился...
Венеция и Амстердам,
А вслед за ними даже Лондон
Цвели, довольные деньгам,
Затем Нью-Йорк расцвел свободно...
Но вот Китаец в мир вошёл —
Сказав: «Всё будет хорошо...»

* * *

Сказав: «Всё будет хоросо»,
Китаец, как еврей Востока,
Давно изладил порошок
Из опиумного чудо-сока...
Он им торил пути жестоко,
Которыми издревле шёл,
Воздвигнув не один престол
От Запада до Ориноко...
Он чтит Конфуция всегда,
Итожа знания о мире,
И изнутри брал города,
Не признавая хакарири...
И вот столкнулись для игры
Два мудреца... ай, как хитры...
09.09.2011 г.; 15-40,
Амстердам, гостиница «Барбизон»

О ВИЛЬГЕЛЬМЕ ОРАНСКОМ (анти-баллада)

Как жаль мне люда голландского,
Что нет памятника Вилли Оранского,
На кого бы им больше надеяться,
Если б не было романтика дельфтского...
У жестокого мира в обычае
Потребовать в жертву величие
Самого-самого праведника,
Впоследствии достойного памятника...

У любого народа, поверьте,
Всех лучших предают смерти,
Начиная с Христа Спасителя,
Бескорыстной любви прародителя,
До великого Ганди индусского,
Почитателя классика русского,
Льва Толстого, церкви негожего,
Для всей России с юродивым схожего...
Видно, был тот Вильгельм нерасчётливым,
Не скопил капитала почётного,
Корабли не пускал в кругосветную,
Не сосчитывал ренту несметную...
Потому ему нет изваяния,
Как не выдержавшему соревнования...
09.09.2011 г.; 17-30,
гостиница

НОЧНАЯ ТУСОВКА В АМСТЕРДАМЕ

Великолепие тусовки
Голландской публики в ночи
Хранит отсутствие рисовки,
Поскольку нет тому причин...
Толпа уверенных мужчин
Полна осмысленной сноровки,
Не только к сексу подготовки,
Но об ином мы умолчим...
А сколько женщин и девиц
К контакту смело-благодарны

С такую мимикою лиц,
Что все — естественны резоны...
И жесты всех так хороши,
Что радуешься от души...

*Ночь с 9 на 10.09.2011 г.,
ресторан Краснопольского на пл. Дам в центре*

КВАРТАЛ «КРАСНЫХ ФОНАРЕЙ» (триптих)

* * *

Между каналами — кирпичные
Весьма высокие дома,
Где в окнах — девы симпатичные,
Чуть-чуть прикрытые весьма...
На чреслах изредка — тесьма,
Ценой, наверное, приличная,
А бюстики — сойти с ума;
Но дело, впрочем, это личное...
Стеклянную прикрывши дверь,
Слегка покачивая бёдрами,
Показывают на постель
Своими пальчиками твёрдыми...
И в этом — столько красоты,
Что распаляются мечты...

* * *

Пусть распаляются мечты,
Но, видно, выбор недостаточный:
Несётся вал мужской толпы,
Как будто это праздник святочный...

Возможно, принцип тут остаточный:
От вождения слепы,
И к экономике придаточны,
Как у цыганской ворожбы...
Но только нет входящих истоиво,
Есть перемигиванье век,
Как спевка пробная хористами —
Давно испытанных коллег...
И в каждой норке — занавесочки,
Как полагается принцессочке...

* * *

Негритянский квартал проституток
Возле церкви, где бьёт котильон,
Это как факультет института,
Где Севеышним воздвигнут закон...
Это — зрелище зрелых матрон,
Где меж бёдер блестит промежутков,
Вид которого страшен и жуток,
Ну а бюсты у них — это трон...
И оливковых тел красота
Отливает эбеновым лаком,
Где особенно тёмны места
Под каким-то языческим знаком...
Но словами не передать
Как страшна этих тел благодать...
10.09.2011 г.; 7-30

ВЕЛОСИПЕДЫ В АМСТЕРДАМЕ

Как велик Человек. И как грешен.
И, по-видимому, всё же успешен
Этот смелый природы проект,
Где в итоге — свободный объект...
Ведь не сразу смог стать он субъект,
Что свободой своею утешен,
Был он жуток, жесток и потешен,
Обретая в веках интеллект...
Но сегодня сюда, в Амстердам,
И к голландским другим городам
Отовсюду стекаются люди,
Путь которых и тяжек и труден...
А земля здесь настоль рукотворна,
А стихия весьма непокорна,
Жизнь — не сахар. Работа честна.
Только ею и стойка страна...
Но не Бог здесь всесилен, а люди,
Что не хмурятся в сутолке буден,
Не толкаются в плотной толпе,
Каждый — личность есть сам по себе...
И как символы трудной победы —
Бесконечные велосипеды,
Где от юных до стариков,
Едет каждый, красив и толков...
09-10.09.2011 г.
после музея Амстердама

ОБАЯНИЕ РАЗУМА

*Разум проявляется лишь при
плотности населения более
150 чел./км².*

Д. И. Менделеев

Обаянье Разума в Антверпене
Проявляется в высокой степени:
Здесь ничто не рушится из прошлого,
Сохраняя качества хорошего...
Только то, что было недостаточно
В сочетаньи красоты и качества —
То само уходит в бессловесности,
Растворяясь в рукотворной местности...
Так и люди словно все отборные,
И не важно — белые иль чёрные,
Говорят, при этом улыбаются,
Даже если вовсе не красавицы...
Но особо я дивлюсь японками,
Что, преобразившись, стали тонкими
И настолько так раскрепощенными,
Словно стали новообращенными...
Так культура Разума насыщена,
Что болванов, кажется, не сыщется...
10.09.2011 г.; 8-45,
гостиница «Барбизон»

ДОМ ЕВРЕЙСКОЙ НЕВЕСТЫ

(триптих)

* * *

Как печально прекрасен Рембрандт,
Лишь любви посвятивший талант
И глубокой загадке души,
Возлюбившей судьбы миражи...
Лестниц дома его виражи
Знал изгнанник — любой эмигрант,
И смотрел сквозь его витражи
Одарённый богатствами гранд...
Здесь в алькове угасла жена,
Став Данаей для многих картин,
И служанка здесь стала важна,
И натурщиком сделался сын...
Но от горя уйти не дано,
Ниц иль знатен — судьбе всё равно...

* * *

Ниц иль знатен — едино судьбе,
Но с годами всё зорче душа,
И библейская воля в борьбе
Созревает, хоть руки дрожат...
Старца Павла опять и опять
Он с себя нарисует во мгле,
Тот, кто должен Христа был распять,
Но Апостолом стал на земле...
Мы не знаем ни пяди судьбы,
Неизвестно известное нам,

Только сзади — кресты и столбы,
Впереди — не Эдем, а Бедлам...
Вот слезятся под старость глаза.
Умер сын. И работать нельзя...

* * *

Но приснился однажды ему
Образ Саскии — милой жены,
Неизвестно зачем, почему —
Эти сны стали очень важны...
И возникла невестой она,
Опечаленной с первого дня,
Редкой нежностью одарена,
Всем печальникам мира родня...
Он себя рядом с нею узрел,
Как он крепко её обнимал,
И лица её нежный овал
В ореоле был солнечных стрел...
О «Еврейской невесте» с тех пор
Пять веков продолжается спор...

09.09.2011 г.; 15-30,
после Рейхс-музея

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ РЕМБРАНДТА

Седой старик Иеремия
Оплакивает Иерусалим,
И все пророчества благие,
Которых ход необратим...

Мы с ним — седые и убоги —
Вот так же плачем о стране,
Её разрушили не боги,
А люди с дурью наравне...
Иеремия вынес книгу
Из бушевавшего огня...
Решить такую же интригу
Теперь задача у меня.
Но по ничтожеству таланта
Ищу поддержки у Рембрандта...
10.09.2011 г.; 16-10,
гостиница «Барбизон»

ХУДОЖНИКИ ЗОЛОТОГО ВЕКА ГОЛЛАНДИИ (1600—1700 гг.)

Это как же буржуазия
Понимала свой чин и престиж,
Что в картинах изобразила
Весь свой век — от подвалов до крыш...
В золотое от прибылей время
Почему захотел коммерсант
Не пропьянствовать в женском гареме,
А в художниках выznать талант...
Так в Венеции было, а после
Во Флоренции щедрых купцов,
А затем — и в Голландии отсвет
Дал могучую поступь творцов...
Философия зрелости духа

У удачи торговой была,
Раз важны и дитя, и старуха,
И, конечно, семейству хвала...
Минет много веков, но бессмертны
Все, кого обессмертила кисть,
Видно, были они милосердны,
Хоть была им хозяйкой корысть...
10.09.2011 г.; 16-30

ГОРОДОК НА БЕРЕГУ МОРЯ

На самом севере Голландии,
Где вечно небо шоколадное,
Где низко-низко берега,
Каналы рядом и стога,
Где гуси, утки и коровы
Травой избыточной здоровы,
Стоит за дамбой городок,
Где шпиль над ратушей высок,
Где шхуны давних рыбарей
В путину ходят от дверей,
А запах сельди с дымом густ,
Как воплощение искусств
Морской работы и судьбы,
С водой извечно борьбы —
Там есть прославленный музей,
Морской державы сыновей...
Там мастерская кузнеца,
Дана что сыну от отца...

И плотника есть крепкий дом,
Что славится своим трудом,
Пыхтит локомобиль весь век —
Бельё стирается, как снег.
И фотография жива,
Снимается, как встарь, братва.
В нарядах прадедов своих,
Чей вид всегда был прям и лих...
Здесь ходят девушки в чепцах
И в деревянных башмаках,
А дети из папье-маше
Творят, что нравится душе...
Музей голландский старины —
Разгадка доблести страны,
Здесь нет доспехов и фузей —
Но есть содружество друзей,
Обычной жизни явь и быт,
Чтоб не был в вечности забыт...
Чтоб понимали сыновья:
Война — прибежище жулья,
Война всегда во всём обман,
Причина всех несчастий стран,
А красота обычных дел
Хранит достоинства удел...
Народ республики труда
Пусть помнит это навсегда,
И в тот ремесленный музей
Сынов ведёт и дочерей...

10.09.2011 г.; 17-00,

на поезде, обратном при возвращении

ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДЬЕ

Кто помнит Рима дерзкий взлёт,
Кто — Греции наследье,
Кто из Испании берёт
Традиции бессмертья,
Империй самых разных взлёт
Немыслимо исчислить,
Велик Британии полёт
И обаянье мысли,
Жалеет прошлое француз,
И даже португалец
Своих предпочитает Муз,
Кем славился скиталец...
Не всем полезен раскордаж
Захваченных позиций,
Когда ничтожен авантаж
В банкротстве реквизиции...
Когда затоптанная спесь
Веками точит сердце,
Когда хозяйничают здесь
Злодеи-иноверцы...
И лишь Голландия, одна,
Пожалуй, во всём мире,
Сказала: нет! Войне — война.
Увидим мир пошире...
И в мирной жизни преуспев
На море и на суше,
Смирила напрочь гордый гнев,
Детей спасая души...

Учти, Россия, этот путь
Тебе особо труден,
О Нидерландах не забудь,
Хоть мирный труд так труден,
Но с ним улыбки сыны,
И дочери спокойны,
И нет предчувствия вины,
Когда ведутся войны...

11.09.2011 г.,
площадь Дам у Королевского
Дворца (бывшей ратуши)

Человеку сознание долга всегда —
Благоденствия первый и высший залог.
Не дерзайте ж заветы богов преступать!
А надменных речей беспощадная спесь,
Хоть на старости долгу научит...

Софокл, «Антигона»

Издание: *Драмы Софокла. М. :
Наука, 1990. С. 136*

* * *

Не мир пришёл я принести, но Меч.
Я пришёл разделить человека с Отцом его,
и дочь с матерью. Невестку со свекровью...
Кто любит отца и мать более, нежели
Меня, не достоин меня...

Слова Христа (Мат.10:34-39)

* * *

Сегодня, понедельник 12 сентября с. г.,
посетил музей Ван Гога в Амстердаме
с 11 до 16 часов. Стоимость билета
28 евро (!), аудио — 5 евро, книги и
сувениры приблизительно 50 евро. Итого
83 x 40 = 2,5 тыс. руб.(!) благодаря лю-
бимому Алёше...

Невероятно, но факт — десятки тысяч
стоит этот прорыв в Голландию ради Рем-
бранта и Ван Гога...

ЭЛЕГИИ О ВАН ГОГЕ

* * *

Ван Гог — художник-самоучка
И сострадательный субъект,
Что не был в жизни белоручка,
А в творчестве имел проект...
Об этом я узнал случайно,
Два тома писем прочитав,
Что дал мне — юноше с окраины —
Судья — еврей, отнюдь не граф...
Я полюбил тогда Ван Гога,
Его тяжёлую судьбу, И чтил его, как будто
Бога,
Что знал и сев, и молотьбу...
Великой искренности дело —
Проникнуть в суть простых вещей
И рисковать душой и телом,
Что современник ты ничей...

Он прожил так, непонимаем,
Но шёл своим путём в измор...
И он погиб, неподражаем,
Дав мне урок любви с тех пор...

* * *

Я прожил семь десятилетий,
В упорстве слова не профан,
Ван Гог всегда мне был на свете
Почти единственный дружбан...
Его шахтёры и крестьяне
И нищей пищи едоки,
Как ратнику — однополчане,
Мне были милы и близки.
Их заскорузлость, угловатость,
И блёклость глаз, и серость лиц,
И всей фигуры виноватость
Владели мною без границ...
Я чувствовал «ГУЛАГ» задолго,
Чем Солженицын описал
Обмёрзлых ватников заволглость,
Которых в круг Ван Гог собрал...
Но больше всех меня пленяла
Его влюблённость в натюрморт,
Как будто в кованом металле
Подсолнух медный взял аккорд...
Охалка ирисов мечами
Пробила зелени листа;
Профан того не замечает,
И слеп он, видно, неспроста...

Всё было символом: природа
С нависшим небом грозovým,
Кофейня с пьяницей-уродом
И звезда потоком вихревым...
Всё это было так могуче
И простовато, как наив
Былины.. Мир переинача,
Ван Гог был точен и правдив...
Я так писать с него учился.
Сумел иль нет — не мне судить...
Я в Амстердаме очутился,
Когда пора б и уходить,
Но, видно, так судьба решила:
Увидеть Мэтра Колизей,
Хоть далеко его могила,
Но здесь полно его друзей...
12.09.2011 г.; 18-35

* * *

Зачем висит над Амстердамом
Немолчный самолётный гул...
Зачем стоят нагие дамы
В ночи, сухи, как саксаул...
Зачем в кофейнях служат негры,
Японки — в кассах у витрин,
Зачем старинное аллегро
Играет авто-клавесин...
Зачем на площади волынка
Поёт шотландскую муру,

А фокусник с ножом старинным
Ведёт волшебную игру...
В костёле — выставка посуды,
В канале — свадьба на судах,
Велосипед ведёт старуха
В весьма значительных годах...
Картинки города прекрасны,
Они естественно-просты,
И ожиданиям контрастны,
Как прокопчённые мосты...
12.09.2011 г.; 19-10

* * *

Но в этом городе у моря
Ван Гог не славил моряков,
Зато вокруг он вынул горе,
Хоть был для многих бестолков...
И, с горечью его покинув,
На юге Франции нашёл
Такую же трудов картину,
Его повергнувшую в шок...
Жнецы докашивают поле
С густым и золотым зерном,
А вороны кричат о горе,
Как будто мир идёт на слом...
Но всё же сеятель выходит
Опять упрямо по весне,
И с диском солнечным в восходе
Священен Человек вдвойне...
12.09.2011 г.; 19-30

ПРОГУЛКА НА КОРАБЛИКЕ

Три десятка русских туристов
На вокзальный идут пакетбот,
Что стоит подозрительно близко
К котловану монтажных работ.
Здесь, на площади у вокзала
Нам знакомый во всём раскардаж,
Шесть маршрутов трамвайных — не мало,
И метро, как подземный этаж...
И — представьте — за свайной стеною
Плещут воды приличной реки,
Что одна наполняет собою
Все каналы, где стены крепки...
В тесноте многочисленных зданий
Те каналы по форме подков
Опоясали город, как в раме,
Чуть не целый десяток веков...
Вот по ним и плывём мы неспешно,
Достигая простора порта,
Где раскинулась пристань успешно
И безгрешна кругом красота...
Вот теперь всё понятно: торговля,
А попроще — посредника раж
Обусловил успешную ловлю
Прибылей и успеха кураж...
География, как в Петербурге,
А пространство — Евразия вся,
Где живут россияне и турки,
Всё везут, по земле колеся...

Ай да умные были голландцы,
От Испании освободясь,
Завели конъюнктурные танцы,
С целым миром изладивши связь...
«Шелл» и «Филипс» у них на подхвате,
Где в цене — трудовой интеллект,
А эффект перевозок стократен,
Так что ценен субъект и объект...
И не надо тому удивляться,
Что умеют лелеять, храня
Старину, как сокровище наций,
Пол-Европы к работе склоня...
Пусть состарились зданий скульптуры —
Посейдоны, Тритоны и Вакх,
Обаяние прошлой культуры
Держит город в железных тисках.
Пять миллионов туристов. Не мало...
Их конвейер растёт и растёт...
Замыкаем свой круг у вокзала.
Низко-низко летит самолёт...
Дай вам Бог не запутаться в кризис
И наркотиков бум пережить,
От Америки и от Парижа
Независимо мудрыми быть...
Море — рядом. И нефти — в избытке...
Трудолюбья не занимать,
С терроризмом не мучиться в сшибке,
И тогда к вам придёт благодать...

12.09.2011 г.; 20-00 — 23-00,
гостиница «Барбизон»

О РОССИИ В ГОЛЛАНДИИ

У каждой страны
Была эпоха взлёта.
И в этом мы равны:
Идёт веков работа.
Прошедшая пора
Давала всем удачу,
А нынче у двора
Настало время сдачи:
Кому-то быть в наём
Стране посудомойкой,
Кому-то окоём
Замусорить помойкой...
Культура — не компот,
Её сварить не быстро,
И спутника полёт
Сожжёт лентяя искра...
Богатство есть разврат.
Природное — особо,
Растить упорно сад
Не помогает злоба...
Россия — не сердись.
В себе сосредоточься.
И культивируй мысль,
Как дело древоточца...
12.09.2011 г.; 23-00

ЗА ЧТО...

За что дано такое счастье
Мне прямо в старость в аккурат:
Не знать томления по власти,
И не лизать начальству зад,
Люблю садовый аромат,
Не вижу толку в педерасте,
И при успехе жду напасти,
Хотя и не дегенерат...
Зато несёт меня по свету
Помимо воли и ума,
Чтоб я запомнил старость эту,
Что неотступна, как чума...
Не зря дают орехи белке,
Когда зубов нет на проделки...
*12.09.2011 г.; 23-15,
вечер в гостинице*

Нет ничего освобождающего от восприятия стихотворения; скорее, это похоже на получение письма от налогового органа, в котором меня извещают о том, что на мне долг перед Большим Другим...

С. Жижек (Размышления в красном цвете. М. : Европа. С. 415)

НОЧНАЯ ОРГИЯ

Ночью в касках приехали люди,
И четыре машины при них,
И несметная масса орудий
Для каких-то деяний благих...
Моментально, мигая огнями,
Оцепили рабочий квадрат,
Где стоял, опираясь ногами,
Дуб столетний, как крепкий солдат...
Он мешал торговать ресторану
На площадке, где пиво в разнос,
И пришлось поработать и крану
И включать под распила пылесос...
Тело ловко заправили в кузов,
Где его сокрушили в щепу,
И прессовку без всяких конфузов
Смолотили потом на крупу...
Дело кончили в час до полночи,
Деловито собрав инструмент,
Шесть в оранжевых куртках рабочих
Вдруг исчезли в единый момент...
Я стоял у окна, рот разинув,
Любовался голландским трудом
И прикидывал, сколько бензину
Приписали бы наши притом...
13.09.2011 г.; 23-30 — 0-45

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ПРОЧЬ

Ну, вот и минуло пять дней
Голландского музея,
И стала мне ещё родней
Истории идея:
Когда не топчешь прошлый век,
Звено к звену цепляя —
Не обратится человек
В громилу — негодяя...
Велик иль мал размер страны,
Где тесно — там умнее,
И хороши тогда блины,
Чем пламя горячее...
К тебе, Голландия, любовь
Мне согревала детство,
И пепел Клааса мне вновь
Будил в душе наследство...
И, не обманут ни на миг,
Тобой я очарован,
Ван Гога с Рембрандтом постиг,
Как торжество земного...
Всегда, везде, во всех веках
Искусство — это жертва...
Прими и ты в моих строках
Восторг пред совершенством...
13.09.2011 г.; 8-35,
гостиница

* * *

Я видел Францию, Испанию,
Теперь Голландию чуть-чуть,
Хотя и ведал я заранее:
Они мою взволнуют грудь.
Природной знатностью украшены,
Они наследьем хороши,
И спрятаны под кровлей башенной
Особенности их души...
Страна моя, страна холодная,
Как чуден твой нелёгкий путь...
Ты от чего теперь свободна?
Молю — о прошлом не забудь.
И внуков-правнуков растерянных
В своих заботах не бросай,
Тогда пожертвуют — уверен я —
И жизнь они за этот край...
13.09.2011 г.; 9-00

* * *

Прибыть в русскую столицу,
Как бы в колонию почти:
Голландская не хочет птица
По-русски словом нас почтить...
Пусть самолёт великолепный
(А наших нет уже давно),
Но всё же город не последний,
А не какое-то... дерьмо...

Никто вообще не возмущался
(Привыкли так за рубежом),
Что по-английски объяснялся
Пилот, напыщен, как пижон...

14.09.2011 г.; 0-01,
прибытие

В МОСКВЕ НА 5 ЧАСОВ

Россия... Разговоры пустяковы...
Забиты все дороги от авто...
Но вот водитель, к счастью, толковый,
О жизни говорим мы с ним зато...
Всего немного до ж/д вокзала,
А жизнь припоминается вдвоём,
Как жёсткое вскарабкивание в скалах,
Когда туман и темнота кругом...
Почти ровесникам, нам то известно,
Что есть возмездье промахам в горах
И смотрит каждый шаг Отец небесный,
Двуличных растирая в пыль и прах...
Мы в том едины и жалеем юных,
Что неразборчивы и жадны, как щенки,
А жены на мужских играют струнах,
Когда мужчины сами дохляки...
Доверчивость людскую осуждая,
Мы всё ж гордимся делом сыновей,
Которых долгий век сопровождаем
Наукой стариковскою своей...
«Ну, до свиданья, будем, Алексеич», —

Он говорит и крепко руку жмёт...
И я киваю, брякнуть не умея,
Что сомневаюсь, будет ли черёд...
14.09.2011 г.; 12-10 — 12-30

В эл. поезде на а/п «Домодедово» после разговора
с водителем Алёши Н. Н. Поздняковым.

*Р. С. Он однажды довозил Ельцина
в центре минут 10 и помнит всю жизнь,
как тот торчком подал руку и сказал: «Что
надо — через шефа передай, помогу».*

*Да таких, как я, у него миллион. Ничего
я не просил и не жалею. А вид у него — как
у пьяницы уже и тогда был, когда во главе
Москвы стоял на малый срок.*

Я И ОНО

Оно: В ушах — трещит, в голове — свистит,
Можно подумать, что ты — трансвестит,
А может быть, ты и есть наркоман,
Болтун, насмотревшийся западных стран...
Я: Конечно, конечно, во мне есть порок:
Я видел и Запад, и видел Восток,
Я знаю теперь, как легко согрешить,
Снимая ответственность — бремя души...
Оно: Вот именно ты — иностранный агент,
Весьма ненадёжный страны элемент,
Рассудок себе повредивший на том,
Что мыслить особенно хочешь притом...
Я: Я грешен, конечно, поскольку хочу
Помочь в социальной болезни врачу,

Когда сквозь меня проникает вся боль —
Нельзя отказаться нести свою роль...
Оно: По-моему, ты сумасшедший совсем:
Идёт эпилог безнадежных проблем —
Природу одним принести на десерт,
Другим исполнять послушанья концерт...
Я: Не столько циничен, как думаешь ты,
Сегодняшний мир вдохновенной мечты;
Смирять разврат, обличая жульё,
Хочу предложить я лекарство своё:
Увидеть природы растущую месть
И общие беды совместно учесть...
Мы — люди. Наш разум силен и могуч,
Опора ему — только солнечный луч...
Основу нельзя сокрушать Бытия,
И то Просвещение — задача моя...
Оно: Дурачишься ты или вправду — кретин,
Дожив до почтенных снаружи седин,
Ты так и не понял, чем движется мир:
Баранам — пастух, а народу — кумир,
От древнего Рима до нынешних лет
Иного закона развития нет,
И даже плебейства накормленный сброд
Не есть ещё умный способный народ...
Пророкам, как ты, путь один — околеть
Иль стать трансвеститом, по-модному,
впредь...

14.09.2011 г.; 14-45 — 16-30,
в самолете Москва — Челябинск

* * *

Однажды ты меня встречала
В сплошную зимнюю пургу...
И вот теперь — весьма печально —
К тебе прорваться не могу...
Пусть о плохом я — ни гу-гу,
Но это что обозначает...
К тебе душа моя быть чаёт,
Но гнёт Судьба её в дугу...
Предчувствий полон мир поэта,
Я — слава Богу — не Поэт...
Пусть я не верую в приметы,
Но без тебя мне счастья нет...
И всё ж, как горько от отсрочки,
Писать в полёте эти строчки...
14.09.2011 г.; 17-25,
из Москвы полёт в Е-бург

УТРО УТРАТ (триптих)

* * *

Когда приходит испытанье
На стойкость, веру и любовь,
Когда не знаешь ты заране,
Как выдержать такое вновь...
Но все же ты не прекословь
Событьям, сваренным в обмане,
Поскольку всё ещё в тумане
Влекущих к пропасти часов...

Чем меньше времени осталось —
Тем подлинней твоя стезя,
И даже крохотную малость
Не отстоять теперь нельзя,
И нет теперь ни мук, ни страху —
Готов и под топор. На плаху...
17.09.2011 г.; 10-30,
очередное испытание на глубину жертвенности

* * *

Зачем покинула меня
На одиночество и муку,
И нет ни полночи, ни дня,
Чтоб я не ощущал разлуку...
Я столько выстрадал с Тобой,
Я столько понял в этом мире:
Бесценна с мукою любовь,
Где тяжелы мирские гири...
Но Ты покинула меня,
И снова строить жизнь придётся,
А мощь священного огня
Уже отныне не вернётся...
17.09.2011 г.

* * *

Непостижима эта нить,
Где прошлого незримый опыт
Один способен сохранить
Уступку суесловью хлопот...

А строки, строки нас торопят,
Пытаясь сердце подпалить
И в пропасть низости свалить,
Где тьма предательства холопов...

Держи свой праведный накал —
Горячей совести основу,
Тот неизменный пьедестал,
Где преданность и верность слову.

Из мук не выйти без потерь,
Но всё ж во тьму не вскрыта дверь...
17.09.2011 г.; 11-10

ГРОЗА НОЧЬЮ

Почти десять дней я не был в Варламово. Покинутый дом ждал меня, пока я был в Голландии, смотрел великие картины Рембрандта и Ван Гога. Ничто не сравнится с лицезрением подлинников этих гениев. Ничто не даёт такого наслаждения, чем видеть народ, столетиями бывший хозяином своей судьбы. Его упорство перед морем, горестями и лишениями, воплощёнными великим Искусством, производит неизгладимое впечатление.

Но дом звал меня, и я рвался к нему, как к родному: чувствовал, что что-то может случиться без меня.

Так и произошло. После десяти дней ясного бабьего лета, ночью после нашего приезда, грянула

гроза с ливнем. Я проснулся и ахнул: в коридоре потоком с потолка лилась вода.

Ужас! Я десять лет ладил крышу. Все дожди лета не было ни капли. И тут — потоки... Всю ночь я боролся с водой — ведра, тряпки, скорость, упорство. Когда гроза утихла — я мертвецки заснул: капли падали в ведра, расставленные точно в местах протечек.

Утром, когда рассвело, полез на крышу. И все стало ясно: листья тополя — ветерана со столетним стажем, забили водосток, склеенные голубиным помётом, как глиной. Снова три часа работы на скользкой кровле. Осторожно, методично, аккуратно десять ведер мокрых листьев убраны, свалены вниз, кровля подметена, хотя на тополе ещё немного листьев остались.

А потом — копка картофеля, уборка капусты, помидор, загрузка авто. Когда приехал в темноте после — ликование проснулось во мне: гроза и дом ждали моего прибытия, чтобы я спас дом от затопления. Чтобы показал стойкость перед Судьбой. Выносливость и терпение.

И я победил, понимая, что это не случай — это символическая атака на мою удачу, на то, чтобы я ощутил благоволение неба ко мне.

Разве не приходится восторгаться такой случайности. Это как вероятность появления Человека на Земле вообще из эволюции растений и животных.

Да, и свою Судьбу надо уметь отстаивать. В любом повороте быть готовым к сражению.

Спасибо тебе, мой дом и мой край. Я вернулся, несмотря ни на что.

18—19.09.2011 г., ночь

СОВСЕМ НЕДАВНЕЕ БЫЛОЕ

(триптих)

* * *

Одна ушла. Другая — выросла...
Две те загадочных души,
Свет от которых высшей милости
Спасал утробу от парши...
Как были обе хороши...
Как розы, выросшие в сырости.
Как ангелы, чья тень на клиросе
От вдохновения дрожит...
Ушла навек Моя Любимая,
Незаменимая ни в чём.
А кроха, чудом исцелимая,
Теперь готова стать врачом...
И я лишился света истины,
Флюиды те теперь немислимы...
21.09.2011 г.; 15-40,
Дома. Один

* * *

Флюиды те теперь немислимы...
Они уходят тихо в даль,
Как женщины, кто коромыслами
Несут хрустальную печаль...

Настала новая спираль,
В своих заботах многочисленна
И в помыслах вокруг корыстная,
Как нержавеющей сталь...

Но там была моя элегия
Такой привязанности снов,
Что пребывал как будто в неге я
Осмысленных судьбы основ...

Но время все молитвы спутало,
Как клятвы — женщина распутная...
Тогда же

* * *

Как клятвы женщина распутная
Бессмысленно и нагло рвёт —
Так я себе кажусь преступником
Среди бессмысленных забот...
То мной повелевает рот,
Куда попала птица крупная,
То похоть хищно оживёт
То искренняя, то безлюбная...
И всё по-мелкому идёт —

От встреч и до мгновенных всполохов,
Но не оттаивает лёд,
В котором — замершая молодость...
Таков закон прожитых лет —
Былого царственный секрет...
21.09.2011 г.; 16-30

СБОР ЯБЛОК

Собираю на лестнице яблоки
На восьмом на десятке лет...
Кожа стала потёртой и дряблою,
Только страха на теле нет...

Знаю я этой жизни секрет:
Чем устойчивы в мире кораблики,
Отчего распеваются зяблики,
Коль пришлось им увидеть рассвет...

Ставить надо опоры без спешности
И продумывать каждый жест —
Вот секрет той спокойной успешности,
Что сокрыта среди гиблых сих мест...

Ведь настойчивость — это устойчивость...
Есть и слово такое — почвенность...
27.09.2011 г.; 19-30

*После сбора зимних яблок в ящики на хранение
в материнском саду 1956 года закладки
(ему более полувека)*

ВСТРЕЧА С СОСЕДОМ

(баллада)

У забора старого сада Кто-то вокруг окликнул меня,
И не вовремя. Вот досада: Груз ташил я в середине
дня... Оказалось — приятель Милы. Одинокашник
её и друг, Столь приветливый и так милый, Даже
стыдно мне стало вдруг... Он стоял у ветхой калитки.
Домик утлый, такой, как наш... И держал виноград
налитый Виновато, как будто блажь... Милый Виктор,
друг драгоценный, Память Милы хранящий так,
Как великую роль на сцене Артистический помнит
фрак... И я вспомнил последнее фото, Что подарено
мне тобой, Мила где-то смеётся охотно, Незнакомая
с сединой... Это было... возле забора, У которого
Виктор сейчас Виноград мне вручил так споро,
Экономя мой день и час... Так с любезностью мы
расстались... Он здоровья мне пожелал, Не вдаваясь в
ревиз деталей, Где и как он о чём умолчал... И потом
лишь, слегка опомнясь, Понял я, что он был так
добр, Потому что ему знакомство Дал устроенный
Милой смотр: Холостяк в повседневной жизни,
Одиноклассник её простой, Он почти что рыдал на
тризне, От неё познакомясь с женой... Много есть в
нашем мире соблазнов, Но не каждому дано стать,
Тем посредником сообразным, Чтоб бобыльство
переиграть... Мила сделала это дело, И мгновенно
затем ушла... Виноград оказался спелым. И был
съеден... Такие дела...

28.09.2011 г.

ПОХОРОНЫ С. И. ЗАГРЕБИНА

Был мне мил и всегда волшебен
Друг — Сергей Иванович Загребин,
Удивительный конспиратор,
Как таинственный император,
Всяких антисоветских деяний
В сфере сталинских злодеяний...
Нет, он титул имел легальный
И характер имел кристальный,
Но хранил неустанно память
Всё о том, чтоб не скрyla замять.
Всё наследье времён минувших,
Что достойно исканий лучших...
В годы затхлости и безлюбья
Он минувшее так голубил,
Так хранил его от бесчестья,
Как хранят только смысл возмездья...
И свершилось то, что он жаждал.
И не выдержал он однажды,
И его схоронил я, помня,
Что он был грандиозней домны...

28.09.2011 г.; 18-30

После похорон

* * *

Я вырос впервые в России,
Не боясь угарного газа,
И пули меня не косили,
Не била болезней зараза...
Я вырос впервые в городе,
В садах работая с детства,
Смородина сделала молодость
Способную на наследство...
Я яблоки ел немывтыми,
Но спелыми прямо с веток,
И не страдал колитами,
Вишнёвым осыпан цветом...
Мне выпало счастье женщину
Познать с созревaniem груши,
Любимую и невенчану,
Но были едины души...
И пусть полон мир случайности,
Но он одаряет щедро,
Кто знает труда отчаянность
И дар, что скрывают недра...
29.09.2011 г.; 23-10

* * *

Ты жива только в сердце моём,
Обжигая тем солнечным днём,
Когда я страстно Тебя любил
На подъёме всех жизненных сил...

Повторить невозможно те дни,
Той испуганности и суетни,
Когда я к персям Твоим приник,
Торопливой любви ученик.
Никогда тот момент не забыть —
Нашей связи пожизненной нить,
Сына облик принявший затем,
Что превыше баллад и поэм...
Чуть взгляну на родительский сад —
Память властно уносит назад,
И хочу обнимать, целовать
Ту продавленную кровать...
01.10.2011 г.; 12-45,
вспышка памяти между лекциями

СТО ВЕЛИКИХ РУССКИХ

В этой серии одиннадцатого года двадцать первого века все настолько великие, что ни с одним не соприкасалась моя жизнь. Только через книги, кино, воображение.

И вот неожиданно в девятом десятке (№ 83) — Чехов. Самый почитаемый, простой и близкий, особенно после записи о его повести «Степь» на телевидении. Тогда, прочитав её в зрелые годы, понял её исполинскую красоту, пророчества и до отказа стянутую пружину замысла; тогда же не мог оторваться от писем той поры.

И вот — новый, почти лаконичный, рассказ о великом в виде иллюстрированного очерка, где

есть и дата ухода его сестры — Марии Павловны Чеховой — 1959 год!! Она пережила брата на 55 лет... Немыслимо! А его жена, ушедшая в 59 году, так и на 57 лет.

Жену Чехова я не видел, но вот мальчиком, быв в Артеке в 1949 году, был в доме-музее Чехова в Ялте и слушал рассказ Марии Павловны о своём брате со всякими бытовыми деталями: в чём ходил в дождь, какой чай заваривал, и какие калоши носил.

Всё это заполнилось навсегда, потому что Чехов написал «Каштанку», которую я обожаю (я учился тогда во втором классе, и именно в осеннюю четверть в артековской школе мы впервые прочитали «Каштанку» и даже обсуждали что-то меж собой... Конечно, заветную мечту иметь свою собаку).

Рассказ Марии Павловны был так жив и ярок, вещи были налицо: пальто и зонт висели на деревянном столбике — вешалке, а калоши стояли на полу, а в те годы даже мы носили их на ботинках и даже зимой на валенках. И была ещё одна вещь — шахматный столик, который был нов для меня, а на нём — веером лежали визитные карточки. Вот эти «визитки» и были открытием для меня, ибо там стояли все абсолютно неизвестные имена, но красиво написанные (или напечатанные прописями).

Чехов, таким образом, оказался для нас самым живым классиком, только что недавно заболевшим и умершим... почти вчера... Мне казалось, что

этому причиной была... война, которая только что кончилась, и что Чехов умер во время оккупации Крыма немцами, которые убили и моего отца.

И вот, спустя шесть десятков лет с таким, читаю: «Как удалось М. П. уберечь дом Чехова в Ялте от разорения в годы гражданской войны и оккупации? Загадка... Говорили, что во время Второй Мировой войны немцы не тронули дом писателя благодаря усилиям Ольги Чеховой, ставшей знаменитой актрисой в Германии и вхожей в «придворные круги Третьего Рейха».

И снова вспомнил — в 1989 года (или 1992 г.?) я снова был в Ялте, но уже с Милой. Несколько раз ходил в этот дом уже сознательным литератором, и тогда узнавшим эту эпоху по... немецкой выставке фотографий... А случилось так...

За одной из безмянных дверей что-то скрывалось. Членский билет Союза писателей давал мне некоторое преимущество. Пошёл к директору и попросил права посмотреть — какая там выставка. Оказалось (о, ужас!) — там посольство ФРГ развесило фото немцев... на отдыхе в Крыму в 1942—43 гг. Фото цветные, крупноформатные, четкие и беззаботные, с голыми мужиками и их спутницами всяких уровней — от жён до гризеток.

Шезлонги, тенты, курортные здания... И это было — в музее Чехова, который, оказавшись в нужде в те годы, готов был хоть на что ради выживания.

Но Дом Чехова немцы не тронули. Это факт, причины которого сегодня столь редкостны и уникальны.

И Дом Чехова позволил сделать у себя редчайшую и всё же — сомнительную фотовыставку, столь поразившую меня взрослым человеком.

И Чехова вновь и вновь перечитываю, как близкого и уникального...

2011 г.

НОЧЬ НА 7 ОКТЯБРЯ

(после Варламова)

Я боюсь разбудить в переносе эмоций
Эту женщину, данную мне от судьбы,
Как моряк, заплутавшийся в сведеньях лоций,
Ищет бережно облик Полярной звезды...
Пусть она отдыхает, нема и устала,
В круговерти земных воздаяний садов,
Где лопатой из твёрдого чудо-металла
Непрерывно копала то яму, то ров...
А я пил эликсир её сказочной страсти,
Губ и щёк и окружности дивной плеча,
И осенней природы пожухлые краски
Охлаждали мой лоб, чистотой горяча...
Пусть поспит. Я не в силах её переделать.
Мой кончается долгий, таинственный путь.
Ей доступна душа... Мне милей её тело...
Не скрипите полы... Дайте ей отдохнуть...

07.10.2011 г.; 6-00

* * *

Я вылепил Тебя любовью,
Чтоб так нелепо потерять...
Ты мне далась такую кровью,
Что мне не верила и мать...
Дано ль мне выстрадать опять,
Наперекор людей злословью
Другую также возрождать
Искусства праведного новью...
Я прожил словно целый век
Тогда, в минувшем, честной мукой,
И вот теперь опять с подругой —
Мне снова вить гнездо-ковчег...
О, Господи, умерь страданья,
Не дай всё обратить в рыданья...
18.10.2011 г.; 23-30—0-30,
после к/ф «Урок французского» по В. Распутину.

* * *

Катастрофически мала
Осталась жизнь. А в ней — загадка:
Страны усталой беспорядки,
Как ветви сгнившего ствола.
Сгорает прошлое дотла,
Как будто воровством, украдкой,
Когда постылые тетрадки
Жжёт, кончив школу, детвора...
Отринутое — не мертво.
Оно беду возвратится.

К гнезду так прилетает птица,
 Напрасно выронив перо...
 Так я оглядываюсь вспять,
 Боясь грядущее понять...
 18.10.2011 г.; 2-10

НОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ФЛЮРЕ

Даже если я буду убит —
 Всё равно приходи в воскресенье
 Посмотреть, как налажен тут сбит
 Одинокого сольного пеня...
 Ну, а если не хватит терпенья,
 У которого кончен лимит —
 То пошли в телеграмме сомненье,
 Что бессмертен я стал, как пиит...
 Пусть в навоз обращается зло,
 А в стрекоз превращаются дети —
 Всё равно будь беспечной на свете,
 Хоть тебе со мной не повезло.
 Я тобою одной успокоен,
 Словно воин — награды достоин...
 25.10.2011 г.; 4-35

ДРУГ — ДРУГУ

Тихой ненавистью обеспечен
 Я по случаю годовщин
 Самых лучших и близких мужчин,
 Тех, которых весь быт онемечен...
 Груз взвалю этой доли на плечи,
 Позабыв о причине причин,
 И пойду к ним на мирную встречу,
 Чтоб разгладить им складки морщин...
 Я люблю этот край потому ли,
 Что в нём рядом и горе, и стыд,
 И года, как снега, промелькнули
 Под холодные ливни обид...
 Всё равно дальше путь бесконечен,
 Как бы ни был наш быт искалечен...
 25.10.2011 г.; 5-00

* * *

Два внука у меня —
 Столичных два студента,
 Немалая броня
 Текущего момента...
 Когда б я прожил век,
 О чём и не мечтаю,
 Увидел бы разбег
 Их чувств к родному краю...

А нынче и не тшусь
Их слышать излианье —
Под старость любят Русь
Древляне да крестьяне,
А в юности — бегут
За знаньем и карьерой,
Им ни к чему мой суд
С моей крутою мерой...

И всё же их звонки
И голоса приятны,
Хоть эти пареньки
Во всём ещё невнятные...

21.11.2011 г.; 17-10

После эпохи 71-летия... Дома

ЕВРАЗИЙСТВО РЯДОМ

Сегодня принял участие в церемонии подписания соглашения между Архиепископом Челябинским и Златоустовским Феофаном и Имаммом Зауралья под покровительством Главы Ислама в России Таджихутдина. Это две главные традиционные конфессии России, которые насчитывают не менее пяти веков взаимного соприкосновения.

Оба седобородых старца (православный и мусульманский) считают, что это было и сотрудничество, начиная с эпохи преодоления Смуты в 1610—1612 гг., не упоминая, конечно, ни о взятии

Казани, ни о более давнем древнемонгольском нашествии.

Объективно и тогда (вспомним царя Семеона Бикбулатовича) был элемент слияния, когда многая казанская знать переходила под руку «Белого царя», принимая титулы всех рангов (Юсуповы, Ахматовы, Карамзины, Карамурзины). Но сегодня это вдвойне важно, судьбоносно и должно быть искусно продумано, воскрешено, начиная от знаменитой школы-медресе «Расулии» в Троицке и до памятника Акмулы в Миассе.

Рад, что имел возможность сказать об этом краткое слово от сердца, с надеждой на Возрождение Знания друг о друге, хотя бы здесь, на Урало-Казахском просторе.

22.11.2011 г.; 17-30

ИСКУПЛЕНИЕ

(триптих)

* * *

Фальсификация ушербна,
Когда, упрямству вопреки,
Душа Ея почти волшебна
Одним движением руки...

Не раз, томительно-близки,
Познали мы, как жизнь плачевна,
В густом движении тоски
Подобная сползанью щебня...

Но изнутри, из глуби сна,
Которым одарила Вечность,
Мы чувствовали Бесконечность,
Которой радуется весна...

Тогда раздвоенность насквозь
Одoleвала спесь и злость...

* * *

Одoleвая спесь и злость,
В нас расцвело великодушье,
Как разноцветие подушек,
Сидит на коих гордый гость.

И будто винограда гроздь —
Мы страсти чувствуем удушье,
И грудь твоя подобьем груши
Обиду лечит «на авось»...

Ты возвращаешь облик милый
И пеньюаром, и волной
Тех запахов волшебной силы,
Флюид которых неземной.

Да был ли тот уход реальным,
Иль стал я вправду ненормальным...

* * *

Иль стал я вправду ненормальным,
Когда на теплую постель

С каким-то торжеством сакральным
Тебя увлек за пять недель...

И, не почувствовав потерь,
Лучом пронзаемый астральным
Открыл в грядущее я дверь,
Не вняв проклятиям скандальным...

Превыше нас Вселенский Рок —
Творец как Жизни, так и Смерти,
И мы, в объятьях круговерти,
Мятемся в сонмище дорог...

И нам даётся Искупленье
За все потери и мученья...
08.12.2011 г.; 18-30—20-10

К 90-летию И. И. Палея

* * *

Илья Ильич Палей... Хохляцкий
Великий Гетманский в Вас след,
Иль чьих-то рыцарей казацких
У Вас случайный силуэт...

Я знаю Вас десятки лет
И Ваш характер залихватский,
И Вашей мудрости портрет
Мне просто родственен по-братски...

Пусть всё запутано во мгле
Фамилий и мутогенеза,
Но как понятна мне аскеза
Всех Ваших дней на сей земле...

Илья Ильич — Вы несказанны
Тем, что чужды самообмана...
10.12.2011 г.

* * *

Тем, что чужды самообмана,
Вы стали мне бытиной лет,
Подобьем сказа иль романа,
Сокрывшим жизненный секрет...

Каких людей на свете нет,
Но Вы — высокого ограна,
Несёте всем высокий свет
Превыше Святцев иль Корана...

Нет, не игрушка Вам Судьба.
Она — владычица мудрейших —
Для Вас всего лишь только гейша,
Или послушная раба...

Вам ведом Мудрости Закон
Превыше тленья всех времён...
10.12.2011 г.

ДОЧЕРИ НА НОВЫЙ 2012 ГОД

Любимая кровиночка моя...
Ты — матери ушедшей отраженье.
В тебе — её волшебная струя.
Прозрачной чистоты преображенье.

Дай Господи тебе Её стремленье
Преодолеть преграды Бытия
И обновить пределы жития
В высокой страсти самостановленья.

Секреты гениальности даны
Тебе ценой семейного наследья,
Пусть доброта — основа тишины —
В тебе сольётся с зрелостью усердя.

Да будет год грядущий — год удач
Решенья творческих и жизненных задач...
31.12.2011 г.

ЧАСТЬ 6

**ИЗ СОКРОВИЩ
ЛИЧНОГО АРХИВА**

- ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ОТЦА 1932—34 гг.
- МОИ ДНЕВНИКИ ПОХОДА 1956 ГОДА
- СИМВОЛ ВЕРЫ Л. Л. ОБОЛЕНСКОГО
1904—1992 гг.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ОТЦА

Предисловие

В конце 2011 года внезапно обрелась в моём гараже записная книжка Отца, датированная... 1932 годом, когда он пребывал на Вишере в Пермском крае. Вот некоторые записи оттуда:

- Люби — не люби, а почаще взглядывай (пословица).
- Скромней нас самих вседневное наше бессмертье (Б. Пастернак «Новый мир» № 2 1932 г.).
- Запахи приносят больше всего воспоминаний.
- В нашей вершине все жены большие (пословица).
- Учи детей без людей, а жену без детей (пословица).
- Вспененная молодость...
- Он имел своевольное и тайное прошлое...
- Вот живое распятие (восклицание Ал. Сав.* о жизненных неудачах).

Запись 16 сентября 1932 г.

Сижу и слушаю, как молодежший человек, техник, сейчас только со скамьи школьной, — учит

* Кто такой Ал. Сав?.. Алексей Савич? (К. Ш.)

старого инженера. Положение соблазнительно парадоксальностью и драматичностью: инженер-механик. Не слыхивал о мукомольном производстве. Молодежший человек — симпатичный, из Кузбасса — мукомол. Знакомит старика с производством...

* * *

Н. Н. определяет так национальную психологию: великорус всё панихиду заказывает, нраву унылого и безнадежного. А хохол хитёр, он молебны служит... (рассказ Н. Н.)

- Женщина ищет курящего мужчину (новелла или водевиль).
- Разлука способствует сближению. Она научает пониманию. Сглаживает противоречия. (запись 11.12.32 г.).
- Словно рыжая лисица — на закате
Облака распусят пышный хвост.
Он горит. Он, розов, волочится
В (зеве?) неба, меж начатых звёзд.

— Изменяемся ли мы? Сомнительно... Но безусловно одно — мы изменяемся в отношении к женщине, так как чем далее, тем более они тяготят нас, теряют аромат и разочаровывают, надоедают, сохраняя (а может, и усиливая) силу чувственности, становясь одной поэтической чувственностью, каковы

они и есть на самом деле... Они — только
страсть..

30 марта 1933 г.

— Люди художнической жилки должны же-
нами иметь безобразных или некрасивых
(менее красивых?) женщин. Это будет
несколько остужать их пыл. Более энергии
и воображения сохранится для сторонних
увлечений и работы. И т. д.

7 мая

— Куда мне деться от весенней охоты
Видеться с тобой (зачеркнуто)

* * *

— Мужчина должен отдавать свою кровь, как
женщина — своё молоко.

Поль Клодель

— Вы говорите нет! Но какая логика отдает
мне поцелуй с трепещущих Ваших губ..

— Благость (женщины) — высшая степень
любви и милосердия, соединение всех до-
бротетелей..

— В сущности люди не так отвратительны, ка-
ковы они повседневно и гораздо менее сим-
патичны, как кажутся в праздничный день..

— Вся семья вместе — и сердце на месте..

25 сентября

* * *

— Вижу девушек воспитанный
Устремлённый долу взор..
Женщин — явный и рассчитанный,
Взглядом данный уговор..

26 августа 1934 г.

* * *

— Жить со своей страной в раздоре —
В печальной муке будто жить..

4 сентября 1934 г.

— От позора и от радости
Бережёт ревнивый душу..
Для любовной страсти сладости
Мужу слова не нарушу..
Не глумись и не заискивай
Я сурова..

Без числа

Эта книжка обрелась в декабре 2011 года, от-
крывая мне самые интимные мысли и чувства
моего никогда не виденного Отца, погибшего на
фронте.. И всё же написанное его тонким пером
или карандашом на пожелтелой бумаге дошло до
меня... **через восемьдесят лет!**

Будем же помнить и чувствовать наших роди-
телей как живых и вечных для нас...

31 декабря 2011 г.

1956 ГОД

Предисловие

Туристская группа спортобщества «Локомотив» идёт по маршруту: Катав-Ивановск — озеро Тургойск, для участия в конце похода в слёте туристов. На соревнованиях в качестве пловцов участвовать буду и я. Дневник даст мне возможность запомнить всё. Маршрут 240 км нов и интересен. Густые леса и горы — вот наш путь. Группа разношёрстная, но видно боевое ядро. Очень хороший народ — туристы.

4 июля.

Дневник похода

5 июля.

Дневник всегда полагается начинать отсюда, где начало всего пути. Но разве можно не описать пути, по которому мы шли к Юрюзани, началу похода. В три часа ночи отошел от станции Челябинск поезд на Куйбышев (ныне Самара). В одном из его вагонов мы разместились. Сначала многие отдыхали, но пропустить уральские горы никто не хотел. За Миассом горы становятся все выше и выше. Они почти все покрыты лесом, только крутые склоны блестят голыми камнями. Чем дальше, тем интереснее, неизвестнее. Трава, горы, долины речек медленно несущих прозрачные воды, леса, словно шерсть, покрывающие горы — всё зелено. Прекрасный урожай ожидают все люди стра-

ны, не только колхозники, но и городские жители, ведь недаром столько людей поедет помогать сбору урожая. Вот станция промелькнула за станцией. Наконец пересадка — на станции Вязовая садимся на Катав-Ивановский поезд. Здесь публика попроще — песни, игра на гармошке, танцы и пляски с притопыванием — всё звучало в вагоне. Но гораздо интереснее за окном быстро идущего поезда. Здесь как-то остался дух дореволюционного времени, а это так интересно. Старинный мост в Юрюзани, сплав леса на сплошных плотках, высокие часовни в Красной горке и других местах говорят о том, что здесь не так быстро идет жизнь. Конечно, тут есть и новые заводы, и рудники, и народ изменился, но старину здесь любят и берегут. Вот уже спускается вечер. Поезд подходит к городу Катав-Ивановску, вернее, к его району Запрудовке. Впервые в жизни поедем на узкоколейке. Забавные паровозики, маленькие вагоны, стрелки, чуть видные от земли — так забавно. Но ясно, что это дешевле, недаром дорога Катав-Ивановск — Белорецк существует с 1911 года до наших дней. 15 грузовых и 2 пассажирских поезда каждый день ходят по ней. Поезд идёт в глубине гор, связывая отдалённые районы, поэтому очень много наруду. Многие сидят в тамбурах, на подножках. Глубокой ночью через горы въехали мы к месту назначения — станции Юрюзань, стоящей в глубине гор. Здесь разбили палатки и отдохнули до утра.

Вечер 5 июля.

Тихое солнечное утро сменилось непогодой. Если наблюдать в это время за небом, то видно, как тучи, словно коршуны крыльями, закрывают солнце. Напрасно оно пытается вырваться — час, другой — и всё небо в облаках и нет и в помине солнца. Так нас встретила природа Башкирии (Юрюзань стоит почти на границе Башкирии и Челябинской области). Горы — невысокие медведи с прижатыми лапами — обступили долину реки Юрюзань. Поезд, идущий на склоне горы, не виден, только белый дым, как костёр, выдаёт его присутствие. А шум от него слышен на десять и более километров. Река очень маленькая, но быстрая, радуется чистотой. Всё так тихо и девственно, только ранние крики птиц оглашают воздух. До чего же прекрасен наш край! Изучить его ещё мало, надо полюбить его всей душой.

Встаём. Какая свежесть и бодрость в теле после гимнастики и умывания. Наклонившись над водой, видишь, как играют в струях стайки рыбок, шевеля прозрачными плавниками. Но пора идти. Сначала страшная тяжесть прижимает к земле. Но дух противодействия подымает. Тут нужна и воля, да немалая. Идём. Пройдя до реки завтракаем. Да, каша и кофе здесь кажутся такими вкусными, что съедаешь всё с аппетитом, да ещё с каким. Вот она, прелесть походов. Здоровый, сильный дух загораётся в теле. Сегодня костровые Кашин и Лукинов впервые прошли производственную практику.

Я просто пожелал им лучших успехов в этом деле, но и сам не надеюсь сразу развести костёр. Посмотрим, трудно в ученье — легко в походе.

Вышли в 1 час местного времени в трех км от Юрюзани. Идем на северо-восток в село Александровку, азимут 33 градуса.

Да, трудности описывать трудно, не только мне, но и другим идти трудно. Да и погода часто меняется, то солнце и жара, то дождик и холод. Словом, пройдя 12—15 км, стали лагерем, разбив палатки. Село Александровка, жалкое сочетание старого и нового, с козлами и свиньями на улицах, осталось позади. Выглянуло солнце. Кто ему не рад! Все сыты, веселы, в палатках идёт оживлённый обмен мнениями о дне. Как быстро сплачивается коллектив. Даже неуживчивый характер становится спокойней. Прекрасная вещь — поход! Завтра идем вдоль Юрюзани на Тюлюк. Как это будет выглядеть?

6 июля

Завтрак и уборка палаток прошли незаметно. Утро прохладное и тихое. На вершины гор хребта Юрюзани и Зигальги, идущие параллельно, ползут белые облака. Вода гораздо теплее воздуха и от неё идёт белый пар. Рюкзаки на плечах, идём по азимуту 30—43 градуса. Дорога вьётся между сосен и громадных елей. Они сплошной стеной идут снизу и до вершин гор. Через мостики и ручьи, которых очень много, через поляны и речки

бежит дорога. Идти по лесу незаметно, рюкзак кажется легче. Привал за привалом, и вот уже Тюлюк, деревня, стоящая у подножья Иремели. Деревня небольшая, с бурной речкой посреди. В центре села очень хорошая церковь, с аккуратными наличниками и строгой колокольной. Кстати, таких уже мало в области. Деревня, расположенная в лесу, занимается лесным промыслом: смолокурением, бочарным делом, лесопилением. Весь процесс смолокурения просмотрели в убогой избушке, стоящей на берегу реки Березяк, стоящей в 6 км от деревни в лесу. Сюда привозят старые пеньки, вытапливают смолу. Живет в ней один человек с собакой, в лаптях. Местность кругом прекрасная, на реке мелкие рыбы. Здесь неожиданно пошел дождь, и все, за исключением костровых и поваров в плащах, спасались в маленькой грязной избушке. Так все время, как придем в населенный пункт, так дождь, а так дорога прекрасная. Вот, пообедав в 4 часа, пошли дальше по горным тропинкам. По берегу реки, в глубине леса много болот и сырых мест. Все ботинки и ноги промокли. Но идти по таким местам интереснее, да и прыгать и бежать незаметно. Быстро прошли 6—8 км. Всего 24 км. Ночуем на лесной поляне, около смолокурни. Это избушка, топка да пара бочек с топкой, где получают смолу, скипидар. Ночью очень холодно, но спасаемся в палатках. Утром встают все замерзшие, опухшие — и к костру. Обед мы сва-

рили уже, ведь мы с Козиным дежурные. Пищу последние строки утром, вчера пошел дождь.

7 июля.

Утро. Прекрасно, что я пошел в поход. Здесь научишься всему. Вчере вечером мы тренировались в установке палатки, а сегодня учимся идти по азимуту, разжигать костер. Встали мы в 5 часов, а в 9 уже были в пути. Азимут 35—40 градусов. Идем в глубине леса по сырой болотистой тропинке. Справа хребет Аваляк с пологими склонами, а слева Кургуш и гора Ягодная. В лесу сыро, ноги мокрые, но идти не жарко. Трава в лесу по колено, сочная, зеленая-зеленая. Прекрасно. В 12 часов подошли к реке Березяк, там, где брод через неё. Здесь обед. Выйдем в 4 часа дальше.

Вечер. После обеда внезапно пошел дождь. Мы скрылись под большой раскидистой елью. Они так густы, что все 15 человек скрылись там. Мы заперли, весело шутили. Дождь застал нас посреди еды. Наконец он кончился, и все пошли дальше. Трава очень сухая. Нам идти ещё 8 км до смолокурни на берегу Малого Березяка. По пути прошли через кордон М. Березяк: это три дома, стоящие около скалы Гребень. Нас встретили двое босоногих ребят в школьных брюках и мужчина, не старый, но с удивительно седой головой. Несмотря на холод и дождь, он также босой. Толково и обстоятельно рассказал он нам о дальнейшем пути. Незаметно дошли до дегтярни. Здесь из березовой коры го-

нят дѣготь. Живут в землянке посменно четыре человека, которые сами заготавливают кору, рвут деревья, топят топки. Работа тяжѣлая, а заработок 600—700 руб. Ночуем на высоком живописном холме. Накосили травы (интересное, но требующее сноровки занятие), поставили палатки. Вечером пошёл дождь и на небе появилась радуга. Её концы были очень близко от нас, что некоторые пошли посмотреть поближе, но ничего не вышло. Красивое зрелище — на фоне лесов гора Ягодная, посреди зеленого леса синие, зеленые, красные полосы. Затем солнце село, дождь перестал, и радуга исчезла. Ночь провели хорошо, так как спали на скошенной траве. Для того, чтобы не промокали ноги, вымазали дегтем ботинки. Затем все сидели у костра и сушились. Каждый старался сушить своё, отталкивая чужое. Крик, шум, фигуры людей видны издалека. Белеют палатки. Вечером тренировались к слѣту, ставили палатку за 2,50, затем уснули.

8 июля.

Поистине, турист должен быть наблюдательным. Сегодня, после завтрака, отстали повара и я. Они скребли ведро, а я ждал их (5 ч.). Стали догонять головную группу, а они встали в пятнадцати метрах от дороги и спрятались. Мы, словно ночные поезда, пронеслись мимо, их не смотрели. Дорога сырая, а мы бежим, не видя, что следов нет. Так идем, а они тихонько идут сзади. Потом только последний заметил их. Весело обсуждая,

дошли до Верхне-Айска. Здесь плотина и небольшая деревушка, почти вся из новых домов. Азимут пути 80—90 градусов. Здесь обед. Вокруг глухие места, много зайцев, глухарей, рябчиков. Дороги плохие.

Вечер 8 июля.

Идем вечером на восток. Места глухие, но дороги лучше. Ноги у всех высохли. Днем было жарко, а вечером стало прохладно. Идем бодро на деревню Юрак по среднему течению реки Ай. В Верхне-Айске купили продуктов, и рюкзаки стали тяжелее. Шли 2 часа. Всего за день прошли 25 км. Азимут средний 80—90 градусов с поворотами на север. По дороге перешли 2 моста, один с плотиной, где весело шумит водопад. Зеленые горы: Аваляк справа и хребет Уренга слева — видны из-за вершин. Вошли в норму, идем с шутками, далеко слышен смех. На ночевку остановились на Аю. Его можно легко перейти вброд. Он мелок, но холоден. Вечер тихий. Все небо в облаках, лишь кое-где видно синее небо. В деревне кричат пегухи, строятся дома. Срубы белеют у самой воды. Все новое. Воздух чист, его так приятно вдыхать. Сейчас накосим травы для палаток, тренировка, ужин и сон. А его ждут все.

9 июля.

Дождик мелкий, мелкий сыплет с неба, словно горох. Кругом на небе ни одного просвета. Дождь

затянулся. А ведь еще вчера было сухо и хорошо. Вечером ходили в деревню. Здесь клуб, а по вечерам танцы. Играет гармонист. Деревня почти вся новая, живут в ней нацмены: все черные и рыжие, с перебитыми и перевязанными руками. Они смотрят кино, но чрезвычайно нерегулярно. Река Ай холодная и быстрая. Мы пробовали купаться, но слишком холодно. Ломит кости, захватывает дух. Но погода была хорошая. Сейчас, пройдя 15 км (азимут 15—45 гр) остановились у плотинки на обед. От дождя укрылись под навесом кузницы. Дождь идет. Просвета нет. Что будет дальше. А идем пока хорошо. Мозолей мало. Весело рассказываем друг другу анекдоты, поём. Особенно веселятся девочки. Смех слышен всё время.

Вечер 9 июля. С вечера пошёл опять дождь, а ведь днём он быстро перестал. Прошли всего за день 32 км и остановились у деревни Веселовки на Ае. Она стоит между высоких бугров. Река здесь шире и бурнее. По мере того как выходили из западного треугольника дорога все лучше и лучше. На ней видны следы машин и сотен копыт. Вообще, здесь больше всего ездят на лошадях верхом. Седла с низкой лукой. Поля для пастьбы лошадей здесь богатые. Трава очень сочная и почти до колен. Вечером разбили палатки и поздно вечером ложимся спать. У нас повара и костровые по очереди. Девочки готовят неплохо. Едим хорошо, часто только каши. Костёр на берегу весело горит, все весело переговариваются: не видно, что много

прошли. А ведь до Златоуста всего 30—32 км. Скоро будем и там. А погода стоит плохая. Дождь быстро переходит в жар. Вот как изменчива уральская погода. Из-за высоких гор не сразу увидишь тучи, а набегают они быстро. Как завтра?

10 июля.

День. 3 часа. Сегодня утро было жаркое и солнечное. Проснулись от духоты и жары в палатке. Стенки её тонки и легко пропускают и жар, и холод. Утро ясное, вот где красота этих мест видна полностью. Горы в синей дымке громадами возвышаются округ нашей ночевки. Уже горит костёр и повара с серьёзными лицами истощенно кричат идти кушать. Но мускулы устали быть в одном состоянии, и мы делаем нечто похожее на зарядку. Сначала бежим ковыляем, но потом лучше и лучше. Ужин неплохой, пахнет дымом, зато умывание так освежает, что хочется петь. Чистый воздух наполняет грудь. И вот уже мы в пути. В деревне Веселовке закупили продукты. Деревня состоит из двух-трех улиц. По грязи сидят телята и свиньи. В колодцах чистая, без привкуса вода. Магазины бедные, кроме дешёвых вещей ничего нет. А ведь село богатое, много новых, стандартных домов. Они, словно белые цветки, выделяются на фоне серых хибар. Идем дальше на Уржумку. Лес все светлее. Гораздо меньше сосен и темных елей, но больше берёз. Берёзы настоящие средне-

русские с раскидистой кроной и белым, белым стволом. По реке Ай растут густые кусты, через которые с трудом пробьёшься.

Дорога дальше идет по горам, а по краям неё растут ягоды. Клубника ярко-красная, очень сладкая. Когда спускаешься по дороге (аз. 345—330 гр.) вниз в долину Ая, далеко видно горы. Между зеленью лесов видны ковры травы и цветов. Какой гигантский художник природа, какие краски создаёт! А между лесов лежат и города. Дома светлеют, вьется дым. Но до них еще далеко — 5—6 км. Это Уржумка. А пока у нас обед на реке Ай. Сейчас 2 часа 59 минут.

Вечер 10 июля.

Очень много впечатлений за несколько часов. Прошли города Уржумку и Златоуст. К Уржумке подошли уже в 6 часам. Как и обычно, когда не знаешь города, подошли к его задам. Шли по насыпям и шпалам, кручам земли, около каких-то лагерей с колючей проволокой и т. д. Маленькие бараки и грязь дворов встретили нас впервые там. Но постепенно пришли ко Дворцу культуры машиностроителей, центру города. Места лучшего для такого здания трудно найти. Красивое, монументальное, с высокими, словно парящими в воздухе, колоннами, оно стоит на высоком холме, и его видно со всех сторон. Здесь и кинозал, и спортзал, и библиотека, и танцзал. Очень оно украшает город. Дальше мы не ходили, но новые

дома в центре города видели. Очень хорошие общежития, но с аляповатой, грубой отделкой. В автобусе доехали по тракту до Златоуста. И он действительно красив. Высоко, высоко на холме идет автобус, а внизу пруд. На его водной глади десятки рыбацких лодок. Суровые рыбаки по-минутно поднимают удилища, но редко что вытаскивают. Под обрывом, на его краю приютились сотни крохотных домиков, с белыми наличниками, а вдали видны синие горы. Город живет полной жизнью, спешат с завода грязные рабочие, глядя в землю, идут пары, в трамваях пьяницы выпрашивают мелочь. В магазинах хорошо. Много зеркал, блеску, шику, но нет даже мясных консервов и белого хлеба. За ним тысячные очереди. В центре города стоит памятник русскому металлургу П. П. Аносову. Высокий, широкоплечий, в эполетах и сюртуке, он выгибает саблю, проверяя сталь. На трамвае с одной колеёй — доехали мы до вокзала. Очень жаль, что мало видели город, но надо идти. Выходим из города в лес. По дороге видим сотни и тысячи маленьких, игрушечных домиков. Деревянные, со слепыми стёклами, они приютились около оврагов и речек, отгородившись высокими заборами и проволокой. Вот мы и за городом. На реке Ай, около просеки лагерь. Интересно, как возникает лагерь у нас. Сначала мы приходим, со стонами и оханьем сбрасываем рюкзаки. Через десять минут стук топоров, повара рубят дрова — сухостой, а мы на палатки колья. Наконец

костёр горит, и ставится вода. Один повар говорит, что огонь слабый, а другой кричит — сильный. А мы ругаем друг друга за плохие колья, медленно ставим палатки. Но вот всё готово. Обед варится, и начинаем тренировку. Устанавливаем палатку (конечно, быстрее во много раз), учимся ходить по азимуту. Затем ужин, где каждый хвалит или ругает поваров и костровых. Чаще всего не знаешь, какой ужин или обед, но почти всегда съедаешь с аппетитом. Затем ложимся спать. Лагерь смолкает, только слышно сопение да храп. Устали все, а отдых необходим.

11 июля.

Утром мы пошли по просеке высоковольтной линии на озеро Тургояк. Азимут 45—60 градусов. Погода в горах очень изменчивая: утром прохладно, а сейчас жара. Когда идешь, да ещё круто в гору, пот градом льётся с носа, с шеи, с лица. В стороны уже не смотришь, а только на ноги впереди идущего. Наклонив головы, хмуро, молча идут все, и все благодарны девочкам, когда они вдруг весело запоют песни. Шаг меняется, головы поднимаются и летят мимо километры. А идти уже совсем немного. Каких-то 8—10 км. Потом отдых и соревнования. А сейчас около села Куштумги на реке обед. Справа и впереди ели. Слева гребень и Малый Таганай. Озеро близко.

Вечер (почти ночь). Через высокие горы и темный лес мы перевалили к озеру. Лес стоит молча,

только дрожат осиновые листья. Высокие ели до земли спускают мохнатые ветви. На темных ветвях резко выделяются молодые иголки, выросшие в этом году. На особенно высоких елях и соснах видны следы молний: кора по всему стволу содрана, а ветки безжизненно висят. Редкая трава да толстый слой иголок и гнили составляют мягкий покров, в котором до шишолотки утопает нога. В лесу пониже очень много ярких ягод, сладких и сочных. Через час видны стали воды чудесного озера Тургояк. Среди гор его чаша сверкает и переливается. Мелкая-мелкая рябь идет по середине его, а у краев зеркальная гладь. Посреди озера остров Веры, как корабль возвышается над водой. По берегу вьётся тропинка, то опускаясь, то взбираясь на горки. Быстро прошли до места. Здесь дым костров и радостные крики. Идет слёт пионеров. Сотни палаток (почти 200) стоят рядами. Вокруг высокого и жаркого костра гурьбой сидят ребята и слушают рассказы о заповеднике, об Урале. В штабе слета обсуждают результаты дня, а ребята весело распевают. Но не все довольны: кое-где даже идет перебранка. Ведь сегодня 16 команд сошли с закрытого маршрута. Много! Но лагерь интересный: и танцы, и разговоры, и песни. А сейчас около костра сидят ребята и поют. Ночь.

12 июля.

Мы отдыхаем. Около озера, почти у самой воды стоит 4 белых палатки. В центре полукруга горит

костер. С утра до вечера и всю ночь сидят здесь дежурные. А в 300—400 метрах стоит лагерь слёта пионеров-туристов. Сегодня мы смотрели у них туристическую эстафету. Она состоит из бега с препятствиями, гребли, плавания, установки палатки и разжигания костра с кипячением литра воды. Плавают и гребут плохо, но костер хорошо делают. Первое место заняла команда школы № 17. Очень хорошо и быстро делают они всё: и костёр, и палатку. А в это время в лагере играют в волейбол, готовят палатки, чистятся. Сегодня вечером прощальный костёр. Днём мы тренировались. Сначала по плаванию (3×100 м), затем бег с препятствиями, потом ставили палатку, разжигали костёр. Лучшее время у 1 команды — 1 мин. 40 сек. У нас 2 мин. Зато на костре у нас 6 мин., а у них 9 мин. Почти 3 минуты. Вода в озере мягкая.

13 июля.

Вчера вечером не успел дописать: убежал смотреть прощальный костер слёта юных туристов. Гигантский, почти 7—10 метровый столб пламени окружили 850 человек. С песнями и смехом зажгли костёр туристы и начался концерт художественной самодеятельности. Очень хорошо читал «Страну Моравию» ученик челябинской школы. Вот пример чтеца-оратора: звучный голос и выразительность. Затем были танцы под радиолу. Ночью мы по очереди дежурили. С 12 до 1 мы с Ж. Козиным сидели под дождём у костра. Кругом

тьма, дым от костра уносится вдаль и только листья деревьев шелестят вверх. Спать леги мокрые, но выпались хорошо. А утром провожали наших туристов-школьников. Затем играли в волейбол. Игра требует постоянного напряжения, но не утомляет. Сейчас тренировка бегунов, а я сижу и пишу. На берегу озера мягко плещут волны, набега друг на друга, небо покрыто уютнообразными облаками с ровным низом. Особенно выделяется одна туча: почти черная, она своим дождевым шлейфом закрыла дальние горы. Редко, но выглядывает солнце, а когда его нет, дует с озера ветер. Около нас рыбаки громадным неводом ловят рыбу. Поплавки сети уже почти захватили весь залив. Небольшой катер — настоящий морской — тащит сеть.

14 июля.

Снова не успел дописать дневник. Вместе со всеми мы помогли рыбакам. Большая сеть — метров в 400 — захватила участок озера и постепенно сужалась с двух сторон. Мы тянули ворота, а в центре рыбаки выбирали в лодку сеть. Серебряная рыба трепещет в сети, но, к сожалению, её не так много: пол-лодки. Купили рыбы у рыбаков. А вечером проводили прикидку на эстафете. В её состав входит бег женщин на 150 и 200 м с препятствиями, бег мужчин на 400 м с препятствиями, гребля 500 м, плавание 100 м, установка палатки, словом, почти то же, что и у

пионеров, только побольше. Всего получается у нас 14 минут. А у них лучшее 10 мин. 50 сек. Нужно много работать. Вечером под гитару, на которой играл тренер ЧДП, пели песни около костра. Поздно уже было, когда мы с Жоркой пошли к месту слёта, чтобы дежурить в палатках. Все уехали и сторожей мало. Первый раз в жизни спал я в спальном мешке. Спал в одних трусах и прекрасно выспался. Ночь холодная, но никакой холод не пройдёт внутрь. Спали в палатке на 30 человек по одному, и никто ничего не слышал. А шум какой-то был. Эх, горе-сторожа!

День 14 июля. Плохая сегодня погода. Как говорят — ни рыба, ни мясо. Тучами закрыто всё небо, но дождя нет. Озеро посередине покрыто черными мелкими волнами, а у краёв оно зеленоватое. На другом берегу хорошо видна деревня и дом отдыха. День в такую погоду проходит незаметно. Только поели сытный обед и отдохнули, как нужно идти на тренировку. Команды у нас не сильные, а драться нужно за каждую секунду. Особенно трудно гребцам и пловцам. После 100 м, тяжело дыша, нужно сделать рывок 25 м, чтобы начать ставить палатку. В ней не должно быть ни одного перекоса, ни морщинки. Первая команда сделала всё за 12 мин. 25 сек. Мы же, вторая сборная, эстафету прошли за 11 мин. 20 сек. Но очень опоздали на гребле — старт уже дали, а нас ещё и нет. Но успели нагнать «Строитель». Завтра генеральная прикидка — на слёте «Буревестник»

вне конкурса пройдем мы эстафету. Сейчас тщательно готовим и сушим сухие дрова, отдыхаем. Утром на теоретическом занятии много узнали о туристах Челябинска, о походах. За наш 10-дневный поход мы прошли 240 км по 4 областям: Катав-Ивановской, Саткинской, Златоустовской и Миасской, а также заходили в Башкирию. Научились быстро ставить палатки, разжигать костёр, беречь ноги в походе, правильно укладывать рюкзак. Словом, польза огромная, и окрепли все здорово. Очень довольны походом, ведь многое узнали. А ещё больше узнаем на слёте. Здесь выработаем и скорость, и выносливость, и волю к победе.

15 июля.

Утро. Эстафету туристов «Буревестник» перенесли на завтра. Значит, день отдыха сегодня. Утром встали в 7 часов, сделали хорошую бодрящую гимнастику, умылись чистой водой из озера, и я, как обычно утром, искупался. Какая прекрасная вода, немного прохладная, но прозрачная как слеза. На дне видны водоросли и камни, а когда плывешь это не так-то приятно. Затем позавтракали и отдыхаем; кто читает, кто зашивает, дежурные моют посуду, а вот я пишу. Дневник вести — это удовольствие подлинно эстетическое. Ведь так много впечатлений вокруг. Впервые я попал на слёт и даже неплохо выступаю пловцом. Недаром тренировался с зимы.

17 июля.

Вечер. Два дня я ничего не писал в свой дневник. Но мы здорово готовимся и мало свободного времени. Конечно, много играли в волейбол, бегали, плавали. Вчера у нас был «малый сабантуй». Выступили с «Буревестником» вне конкурса. Выступили неплохо, хоть и заняли 1-е и 3-е место, но получили большой штраф на палатке. Мы ставили её быстро, а на качество не смотрели. А здесь качество главное. Так бы выступили ещё лучше. В эстафете проигрывают девочки, а мальчишкам приходится вытаскивать их. Но тут большое значение имеет и то, что мы хорошо знакомы с трассой: все повороты, препятствия, места передачи выучили. А сегодня днем снова тренировались на установке палатки. Ставили почти без штрафа (по 15 сек). Днём купались, загорали (благо, погода хорошая). А вечером переезжаем на место слёта. Народу (старших туристов) немного (200—300 чел.), а пионеров было более 800 человек. Большею частью это студенты — народ весёлый и жизнерадостный. Завтра открытие областного слёта. Начинается то, к чему мы готовились и трудились. Борьба очень упорная.

19 июля.

Утро. Как быстро летят дни! Уже 16 дней мы в походе и лагере. Сегодня туристская эстафета. Вчера состоялось торжественное открытие слёта и соревнование по закрытому маршруту. В лесу,

среди густой травы, ходили по азимуту группы, искали контрольные флажки, варили обед. Наша группа заняла 2-е место. Там я не участвовал, так как бегу в эстафете. Но у нас произвели перестановку: сделали одну команду очень сильной, а другую слабой. Посмотрим, что из этого выйдет. Но противники очень сильные.

День 19 июля. Уже и прошёл день состязаний. На эстафете мы выступили хорошо. Первая сборная имеет время 11 минут. Мы же идем хуже (12 мин. 11 сек.). Но все очень старались. Погода стояла хорошая. А сейчас вдруг хлынул проливной дождь. Сажу в палатке и пишу, а вокруг гром и молнии. Ветер так яростно грохочет о полог палатки, что она вся дрожит, но не промокает. Хороший материал на ней. Я сегодня хорошо проплыл, но из-за меня чуть не сняли всю команду: после выступления решил обмыться, и чтобы не мешать другим, уплыл за буйки, а этого делать нельзя. Я убежал, но ругать меня будут ещё здорово. Утром купил 3 фотокарточки с видами Тургояка. Особенно нравится одна из них. Вид лучше, чем на Кавказе. Скоро обед. А сейчас туристы сидят под палатками и от нечего делать поют песни, кричат друг другу через тонкие стенки палатки.

Почти вечер. Опять идёт дождь. Делать нечего и, сидя в палатке, пишу.

Наконец известны окончательные результаты слёта. В упорном соревновании с ДСО «Строитель» мы взяли 2-е место среди 19 команд. Но

они очень здорово готовились: запасали и сушили дрова и даже чем-то смазывали горючим. Их время на эстафете 10 мин. 10 сек. Но по закрытому мы идем одинаково. Словом, могли лучше, но и так неплохо. 2-е место по области. По волейболу в упорной борьбе заняли 3-е место, но просто чудом. Команды очень сильные и мы держались буквально на честном слове. Я-то не играл, но очень переживал. Скоро будет линейка и костёр, а завтра домой. Скоро уж очень.

20 июля.

Утро. Вот и последние минуты прощания. Все собираются, лагерь пустеет. Слёт и поход окончены. Мы получили 5 грамот и почетный приз. Теперь мы — сильнейшие туристы области и будем гордиться этим. Право мы завоевали, теперь конец дела. Наши результаты по эстафете и маршруту во много раз превышают все показанные раньше (по эстафете на 5 минут). Серьёзная подготовка сказалась. Утром мы последний раз искупались на Тургояке. Сколько приятного мы получили от него: и крепость мускулов, и здоровье, и отдых. Озеро спокойное, как пруд, словно придавлено белыми клубами тумана. Тишина необычайная, горы и леса скрыты в тумане. Кажется, что ты совсем один. Дневник я свой кончаю. Но по обычаю его нужно кончить песней:

Гимн туристов

Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой,
Глобус крутится, вертится, словно шар голубой.
И мелькают города и страны, параллели
и меридианы,
Но таких ещё пунктиров нету, по которым
нам бродить по свету.
Знаю, есть неизвестная широта из широт,
Где нас дружба чудесная непременно сведет
И тогда узнаем мы, что смело каждый брался
за любое дело
И места, в которых мы бывали,
Люди в картах мира отмечали.
Вспомним ночи пещерные и костры над рекой.
Аппетиты безмерные и рюкзак за спиной.
И когда под ёлками дрожали, о постелях
теплых вспоминали.
О великих стройках песни пели,
Километрах в тридцати от цели.
Кто зовется туристом, тот поёт этот гимн.
Мы того по традиции называем своим
Потому — что мы народ бродячий,
Потому — что нам нельзя иначе,
Потому — что нам нельзя без песен,
Так как мир без песен тесен.

Последние строки своего дневника я веду уже на остановках поезда в полном вагоне. Быстро мы пробираемся. Сначала по узенькой тропинке

и по горам шли через лес у озера в деревню. Она лежит в единственной выемке гор. Вокруг неё зелёные луга почти без деревьев. Грязная и столь приевшаяся картина деревни: свиньи и автобусы, правление рыбколхоза и кричащие петухи. Но вот вам автобус, вот дорога, песни, смех, безмолвное прощание с озером — и мы в Миассе. Город сильно вырос. С тех пор, как я был в нем. Много прекрасных домов. Асфальтовое шоссе, прекрасные автобусы. Станция же осталась такой же: серые камни зданий, хриплый репродуктор, мороженое со льдом пополам — ничего почти не изменилось. Очень скоро подошёл поезд — электросекция с новыми вагонами. Когда едешь в нём, кажется что плывёшь по небу, без толчков и ударов. А кругом места меняются. Горы всё ниже и ниже. Вот уже широкая степь колыхается вокруг. Трава в некоторых местах пожелтела и, будто песок, движется. Вдоль насыпи сплошной стеной стоят липы и клены. Они надёжно охраняют её от ветров и снегов. А ведь им только 8—9 лет. Скоро и город. Мы поём, а меня уже ругают, что я не пою.

Кончаю. 3 часа дня.

ОБОЛЕНСКИЙ — 110

«СИМВОЛ ВЕРЫ»

*Ты выводы копишь полвека,
Но их не заносишь в тетрадь,
И, если ты сам не калека —
Ты должен был что-то понять...*

Б. Пастернак

Каждый челябинец теперь знаком с этим именем — «Леонид Леонидович Оболенский». К 275-летию города уже не один изящный комфортабельный автобус носит это имя и изображение седого красивого человека, стремительно пролетающая по проспектам столицы Южного Урала.

А некоторые даже знают, что это — киноактёр, народный артист России, которому посвящён единственный в городе музей-квартира. Более узкий круг кинолюбителей причастен непосредственно к деятельности этого муниципального учреждения культуры, где кроме простой обстановки квартиры киноактёра можно посмотреть новые премьерные фильмы, принять участие в философских диспутах, дискуссиях, в литературных кружках и семинарах. Музей-квартира (кинообразовательный центр) размещает свою информацию в сети, имея более шестисот адресатов, а в этом году, когда исполняется 110 лет со дня рождения популярного артиста и кинодеятели, киноцентр проводит также очередной фестиваль с девизом «Виват, Оболенский».

На фестивальную акцию пионера отечественного кино гостями приглашены известные мастера экрана Сергей Соловьёв, Сергей Мирошниченко, Лариса Удовиченко и другие творческие личности; организовал их приезд наш земляк Вячеслав Шмыров, киновед, продюсер, главный редактор журнала «Кинопроцесс», научный руководитель Библиотеки киноискусства им. С. Эйзенштейна.

Однако, кроме ретроспективного показа фильмов и новых премьер, которые, как всегда, привлекут внимание земляков-челябинцев, хотелось бы познакомить широкий круг читателей уважаемой газеты «Челябинский рабочий» с самой сущностью тех идей и мыслей, которые несёт собой сам образ Леонида Леонидовича — свидетеля и участника эволюции русской культуры XX века, в которой он прожил с 1902 по 1991 годы.

Если в областной энциклопедии 2005 года каждый досужий читатель найдет о нём только лаконичную фактологическую справку, где сжато сказано: «До настоящего времени личность и биография О. не получила однозначной оценки среди историков», то вышедшая в 2009 году уникальная «Книга о Леониде Оболенском» (вышла по гранту Президента РФ и его распоряжению от 16.05.2008) стала первым изданием о патриархе отечественного кино, где впервые собраны вместе его биографические, библиографические материалы и наиболее полная фильмография.

Уходят в прошлое страсти недругов и злопыхателей. Вершит доброе дело коллектив Киноцентра, готовя новые издания воспоминаний соратников и друзей Леонидыча, исследователей его творчества, киноведов и даже порой историков.

Мне же, человеку, чья дружба с Оболенским занимала почти полвека, в дни 110-летия от появления его на белый свет хочется донести до нового поколения цельный его образ как глубокого мыслителя, оригинального философа и подлинного подвижника русской культуры, используя его собственные рукописи и письма, вошедшие в указанную выше книгу. И хотя мой очерк о нём «Последний князь» не только присутствует в оной, но и печатался не раз в массовых изданиях*, однако глубинное прочтение собственных писем Оболенского ещё только предстоит, ибо тираж книги (1000 экз.) явно недостаточен в условиях растущего спроса на региональную культурную тематику.

Если газета согласится приложить к моему дальнейшему тексту скромную подборку ярчайших современнейших мыслей и афоризмов Оболенского — то читатели сами убедятся, что у каждого взыскующего южно-уральяца есть возможность получить ювелирной точности ответы на многие современные проблемы личной жизни, выбора

* Шишов К. А. Собрание соч. : в 5 т. — Т. 5. — Челябинск, 2006 — 1-е изд. 2008 — 2-е изд.; Хрестоматия по лит-ре. Челябинск, 2010.

нравственных решений и воспитательной стратегии в отношении собственных детей.

У нас в России сегодня отсутствует всякая внятная культурная стратегия развития. Само существование в Челябинске наследия жизненного пути Личности такого масштаба, как Оболенский, — факт судьбоносный и одновременно животворящий, душеспасительный и необъятный по своим системным последствиям.

И прежде всего — этот факт наличия Особенной Личности, Персоны не только живого свидетеля и творца эволюции культуры в самые жестокие годы XX века, несущего в себе высочайшие взлёты авангардизма, эксперимента и классики, но и персоны гонимой, страдающей, обвиняемой и униженной до конца жизни! Осознающей свою вину (или невиновность), несущей её достойно, со всё возрастающей глубиной осмысления как собственной судьбы, так и судьбы своего поколения.

Оболенский — мой давний учитель жизни — сам будучи учеником и соратником многих титанов культуры (Эйзенштейна — в первую очередь), давно, с начала 60-х годов, уже внушил мне **СИМВОЛ ВЕРЫ**, четко сформулированный им затем в письмах к своей молодой жене — Ирине — в 80-х годах.

Обречённый и гонимый, он ни на секунду не терял своего творческого накала. В Миассе он обрёл поддержку молодого поколения фотохудожников, остро мыслящих людей моего поколения, под-

линных патриотов Возрождения Урала. Он обрёл там свою молодую Любовь, страстью к которой наполнены все его письма последних лет. В этих письмах, написанных в провинции — глубинное знание мировой культуры, религии, философии глобального масштаба, в чем легко убедиться, читая его блестяще сформулированные отточенные строки. Он хорошо знал и понимал Запад и Восток, стиль и характер жизни простых русских людей, что позволило ему в преклонном возрасте блестяще исполнять в кино самые полярно противоположные роли — от двуличных священников и подлинных аристократов до деревенских мудрецов и оклеветанных изгнанников.

Теперь, спустя двадцать лет после его ухода, я понимаю, что именно в нём воплотилась рожденная в России (Л. Толстой) всемирная идея ненасильственного сопротивления злу, ставшая спасительной для таких стран, как Индия (Ганди), США (Кинг), ЮАР (Мандела).

Его символ веры — это третий путь противостояния унижению слабых, корысти сильных, разнузданности похотливых, жадности самоуверенных, когда Личность добивается своей цели ценой только собственного страдания, самоиронии, терпения и соратничества с подобными себе изгоями.

Думаю, что в грядущих испытаниях молодого XXI века — века нарастающего хаоса и дезинтеграции, раскола цивилизаций и экологического

коллапса, уроки жизни Оболенского, его нравственные максимы, выработанные отечественными пророками Слова и Мысли, которые он воплотил своей судьбой — эти ценности будут востребованы и спасительны именно молодым поколениям Отечества нашего.

И тут нельзя преуменьшить или переоценить то культурное сокровище, которое есть у нас в Челябинске — музей-квартира (кинообразовательный центр) имени Леонида Леонидовича Оболенского.

Исполать тебе, родной мой Город, что ты защитил и принял наследие этого подлинного Патриарха Культуры России.

11—12.01.2012

Л. ОБОЛЕНСКИЙ «Я ПОМНЮ»

Тема для импровизаций

(Книга об Оболенском в письмах.

Челябинск, 2009)

— Люди, которые настроены больше получать, чем отдавать, быстро поглощают природные запасы счастья дебюта любви. И остаются ни с чем... К сожалению, такого теперь больше почему-то? От жадности, что ли? Писатель Твоэм. Не путать с Моэмом...

— Дух народный — в уважении к свободе... Характеры, что выходят из нечеловеческих испытаний всё более закалёнными и обострёнными.

— В сложности бытия, среди равнодушной и враждебной природы, ограждает человека от Хаоса Культура. Она даёт возможность ощутить себя частью целого — звеном цепи мироздания.

— Человек, высвобожденный Культурой, защищён от несвободы.

— Страх. Он не фатален. Что его питает? Неизвестность, а она — от непрочности жизненных позиций, аморфных суждений о людях, о себе... И ошибки, ошибки, порожденные умом, не привыкшим к противоречиям. Постоянное ожидание подвоха и лжи.. Страх затормаживает «ориентировочный рефлекс» («А что это такое?») и включает подсознание — вегетативную систему. Это наследство от предков низших ступеней (подкорка, инстинкт)... Не бойсь!

— Закон Жизни: не помешал ли ты другому. А если помешал, то и себе тоже... Сопряжение или «сопричастность» на каждом шагу, при каждом решении или поступке... Всё сопряжено, и надо вырастить в себе эту культуру... Эмпатия — это чувство одним человеком мира переживания другого... (epater — впечатлять, поражать). Есть книга Леви «Искусство быть другим»...

— В противовес буржуазной культуре — экзистенциализму или отчужденности...

— Личность — это результат работы над Собой.

— Как хорошо, что есть Писатели, рассказывающие Былое.

— Художник — это не профессия, а склад души.

Разделить себя со всеми! Только так!

— Совесть — это генетическая память социального опыта (Дубинин).

— В «Ларце Марии Медичи» я — вождь альбигойцев, в мужестве обречённого... Сам удивился, до чего «доигрался» — ну надо же!

— Потный, натруженный, электронный... Нейлоновый век...

— Трудно быть «чувствительнее» Толстого... Поэтому у каждого — свой Толстой... «Нельзя так жить», — говорил Толстой от детства до старости.

— Корень ревности — величайшее себялюбие, самость. Попраание их и обида, что сильнее любви... И казнь неповинного... А нужен разрыв и уход. Потеря части себя разделённого. Отсюда — совсем иное, человеческое, не скотское чувство. Скорее всего — высокое...

— С. М. Волконский, О. М. Брик, В. Маяковский, Лиля — Гендриков переулочек — обиталище ЛЕФа (и его в 20-е годы — К. Ш.).

— Об Эйзенштейне: Фигура этого уникального художника нашего века остаётся до конца неразгаданной. Здесь надо говорить о его системном подходе... Он излагал его как систему систем... А мне приходится оглядываться: какая была петлистая и длинная дорога... А ещё Мейерхольд, Р. Симонов, Родченко, Эрмлер, Луначарский...

Мы были максималистами — каждый по-своему.

— Жизнь не рынок, где ничего даром не даётся. Ведь дружба — это привязанность не расчётом, не умом. Давайте её даром. Разум, конечно, не враг сердцу. А его глаз... [т. е. разум — это глаз для сердца! — К. Ш.]. Однако для глаз, самых милых, ласковых — не давайте [не отдавайте своего Разума]. Для сердца — Всё!

Если сердцу претит — бегите. Разум не велит — тоже. Ну а труд — не суета. Не ломка сил, а спокойное деланье того, что надо людям. И себе. Не гонитесь за словом. Это лишь начало. А дело — это сердцевина. Только не ждите его по случаю, а ищите сами. Это — символ Веры.

— К чувству единства каждый идёт свои путем, свои поиском. Одни магией, заклинаньями (в том числе молитвой — повторением слов о единстве). Другие — медитацией — «уходом в себя». Но и те, и другие выходят к отчуждению, а не к сопричастности. Это половина пути. Далее. К сопричастию — отдача тебя в действию.

Иначе «медь звенящая и кимвал гудящий». Вспомнил Иллариона, «Закон и Благодать»: «Заповедую Вам — любите друг друга». Новый Завет — благодать! Тогда и санкции ни к чему, потому что закон не будет нарушен. Этому труду Иллариона больше восьмисот лет [тысяча! — К. Ш.].

— Для того, чтобы была межнациональная дружба, нужно хоть малость национального чув-

ства. А чтобы друг друга не обманули — знай язык соседа. Лермонтов знал тюркский («Он нужен на Востоке, как французский на Западе»). Когда в Туркмении я был на работе в ДК — учил и я тюркский. И пошла молва по пустыне — «урус могалым» — учитель. В гости едут. Я с женой по обычаю принимаю. Как принято. Легко работалось. До сих пор помнят... Де Голль в СССР первый это понял и сказал по ТВ «Народы Советского Союза»! Француз понял. А у нас все проблема! Только-только до двуязычия добрались.

— Гляжу на иностранцев в Риге — это у последней черты расхристанности! Нарочито неряшливы, нарочито шумны и нахальны (сидят на лестницах, лежат на садовых скамьях, за столом — едят грязно). И я подумал — ведь это пир во время чумы.

Пушкин написал его на большое время! — до наших дней. Современный рок-поп-секс и т. д. — тот же самый трагический пир! Глобус глубоко болен. Вспыхивают гнойники. Не заживают раны. Угроза самоистребления. Чума!.. И цинизм предельный! Так вот, самое главное — это не растеряться. С собой остаться. Не бежать в стаде баранов. И распознать — кто же пугает? Кто отнимает душу у культуры, а у сердца — любовь и веру?..

— Катаев лжёт, пытаясь представить историю советской литературы, как явление, развившееся ВОКРУГ НЕГО. Вокруг него ничего не может раз-

виваться, потому что это холодный мастер, думающий только о себе... Хотя бы мелочь: пишет, что я привёл к нему Лунца, он читал, и мы все катались по полу от смеха. Лунца я к нему не приводил. Тот действительно читал рассказ, но ранее, в Союзе. А с Катаевым я познакомился спустя 8 лет после того! Так вся книга пропитана дешёвым честолюбием. И не смотря на большой изобразительный талант, он, в смысле нравственном, — писатель второстепенный...

— У нас теперь общая беда. Глобальная! И зовут её «отчуждённостью». Писатели — Сартр, Камю и философы, психологи — Ясперс и др.

Она от нового склада общества, когда человек становится частью, «кусочком» массового. От «винтика» у Мао до «среднего» американца, вылепленного по стандарту. Сент-Экзюпери пишет: «Свобода выбора из шести блюд в ресторане, из двух кинобоевиков, сделанных по стандарту, или двух костюмов в конфекционе — не свобода!»

Прелесть и радость существования (радость Дафниса и Хлои!) закрыта «молвой», как хлорвиниловой плёнкой. Срывать её! Перестать верить на слово. Проверять себя только поступком по совести. Вот, пожалуй, единственное лекарство от беды... А уж если говорить, так такие слова, которые из самых тайников души. Не затёртые, не обесцененные. Только это трудно, друг мой. Сочтут за «князя Мышкина»... Значит, какая же лежит на нас ответственность, чтобы охранять

великое значение найденного Человеком Слова! И средство такой охраны — искусство...

— Не умею жлобничать, блатовать. Обучен жизнью только упираться рогами и тащить на горбе... И еще потому везу, что за всё расплачиваться надо. За то, что прожил глупо и неверно. Где всё было на грани дури и мелкого обмана, лукавства и неверности, эгоизма, себялюбия и тщеславных попыток самоутверждения.

Любимая! Всё это прощено и утоплено в твоей любви за эти годы совершеннейшего счастья с тобой. Но в чем-то ещё повинен перед собой...

— Кодекс беседы: 1. Забудь предубеждения против собеседника. 2. Не торопись с выводами. 3. Отдели факт от мнения о нём. 4. Ты не знаешь, что человек может сказать и чего не может или не хочет.

Акт: Начало беседы // Ознакомление с сутью // Убеждение, что вы её поняли // Осознание личных позиций собеседника // Если надо, наводящие вопросы. Точно найденное слово — Ваш союзник! Подавить соблазн оценить итоги беседы тут же, «с ходу».

Борись с коварным желанием прервать поток слов говорящего спасительным: «Понял, я понял!» Дай в руки собеседнику инициативу — и жди... Тренинг на общение как единственную форму коммуникации — это учиться слушать...

— А в книге про меня, у которой нет названия, написано: «Положение твоё рядом с молоденькой

женщиной для неё оскорбительно в иных глазах». Там так написано, я знаю! И мне надо было уйти? А не ушёл. Так неужели пропустить мимо ушей, мимо души? — И остался. Нет, это огромный труд души — сдержаться, принять удар. И выстоять...

— Литература, рассчитанная на очень широкого читателя, фильм — зрителя, музыка — слушателя могут быть хорошими или плохими (как сделано!), а вот НАРОДНОСТЬ — свойство только хорошего искусства. Плохое просто не хранится народом (скажем, на моей памяти литературы — Арцибашева, Вербицкой — нет. А были до неба вознесены толпой!)... На расстоянии больше видно. И народ выбирает достойнейших, причем необязательно в учебниках которые!

Итак — нравственная сила как установка; народ — её автор. Без неё — деградация народа как общности. У Львова есть:

Уходим мы без возвращенья
В глубины памяти страны,
Изъятые из обращения
Как золотой запас казны.

[Михаил Львов лично дружил с Оболенским — К. Ш.]

— Милая моя мама! Она научила меня целовать женщине руку, говоря, что это тоже мама. Или будет ею. Какое счастье так воспринимать человека — женщину, да ещё обнаружив, что,

кроме её великой миссии, в ней духовно развито неистребимое чувство материнства, и оно всегда и во всём — в ограждении от беды, в утешении, заботе, умении жалеть (по-русски синоним любви) и в ласке. Ласке не только в акте, но и во всём, в руке, взгляде, слове. В теплом прикосновении, в щедрости отдачи: «На, возьми!».

— Сам я гимназистом учил латынь, знаю французский, у Герасимова в «Красном и черном» говорил на латыни с французским акцентом. А в Миассе директор библиотеки предложила мне за полгода выучить... итальянский, чтобы читать Данте на вечере Мандельштама, по самоучителю для певцов. Одним словом, взялся я за язык и выучил несколько строф «Новой жизни». Музучилище помогло найти запись органа, потому что поэт сравнивал звучание стиха Данте с органом. После средневекового «гудения» — к Ренессансу. Нашел по размеру. И получилось здорово — сам не ожидал. Читал под орган, потом музыку выводили — только речь, и снова с органом. Речь — и орган! Мандельштам был прав! Какая глубина ощущения! Взаимопроникновение поэтическое!

— по ТВ фильм по пушкинскому «Выстрелу» больше похож по внутреннему складу на инсценировку Эдгара По. Как нынче говорят, «затрактовано» до неузнаваемости. Какой-то тяжелый сон, с похмелья, да еще в конюшне...

Нельзя так... с Пушкиным! Он — ренессанс русской литературы. И ясен предельно! Без мистики.

Это — не Метерлинк, которого можно читать и ставить чуть ли не в кулисах загробья. Получается, фильм — ЛОЖЬ. Так делается анти-культура... Они задерживают движение к истинному пониманию сути литературного первоисточника. Да ещё классического..

— Ко мне неожиданно из XIX века пришел Шарль Нодье... Книжка «Читайте старые книги». Там он пишет о плагиате: «...заимствования и толкования мало знакомого понятия, той или иной мысли... Но часто в наши дни иные, уже высказанные ранние мысли сильно выигрывают, обретая новую форму... становятся гораздо яснее, если их умело развить... И было бы несправедливо считать плагиатом добавления и исправления, пошедшие на пользу первоисточнику».

Спасибо старому библиофилу. Не будем слишком взыскательны к тому, что не указаны порой страницы, том, автор... Не осуждай меня и не упрекай в плагиате, обнаруживая в моих записях чужие мысли, и ты, мой читатель.

Эти записи — мои помощники в поисках СВОЕГО, в подтверждении или просто как молчаливые собеседники...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ЭЛЕГИИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

(октябрь — декабрь 2010)

ШКАТУЛКА 6

ТРИ ДЕСЯТКИ (цикл)

«Обмануться чудесем...» 7
«Эта баня. Этот веник...» 7
«Рядом с рябиной посажена ель...» 8
«Я обретаю вновь жену...» 8
«Я умолял полгода Рок...» 9
«Три десятки раз в тысячелетье...» 9
«Уходит в зиму медленно Природа...» 10

ИСКУССТВО ЖИТЬ 11

СУГОМАК МОЕЙ МЕЧТЫ (цикл)

«Сугомак моей мечты...» 11
«Заложник времени — я сам...» 12
«Снова Касли. Обречённость повсюду» 13

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА (цикл)

«Благодарю тебя, Господь...» 13
«Твою целую нежно грудь...» 14
«В семидесятый день рожденья...» 14
«Стеля роскошных простынь бязь...» 15
«С девических далёких лет...» 16
«У левого, где сердце, бока...» 16

СНОВА ПОРТРЕТ МИЛЫ 17

МОИ СОВРЕМЕННОКИ 18

ФЛЁР САМООБМАНА 18

«Оборванная сеть контактных проводов...» 19

КАСЛИ 20

«О, женщина моя, с судьбой...» 21

«В искусности истинной страсти...» 21

БУРАН В НОЯБРЕ (баллада) 22

СОЛОМЕННЫЙ ВДОВЕЦ 23

«Не бывает дня. Минуты...» 24

«Как было ясно всё с тобой...» 25

«Плачешь ты по сыну...» 25

«Я вглядываясь в облик красоты...» 26

«Тебе спасибо, отогнавшей тень...» 26

«За что тепла так эта осень...» 27

РАЗДУМЬЯ

В ДЕНЬ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ МОЕГО 27

СТИХИ ФЛЮРЕ (цикл)

«Я целую тебя во все места...» 28

«Азиатка моя, чей вырез судьбы...» 29

«Мы были заключёнными 30

«Эта тайнопись приветствий...» 31

«Мы с тобой не родовиты...» 31

«Не о том идёт молва...» 32

«Наверное, мы — хлебобобы...» 33

«Мне хочется плакать — так солнце красиво...» 34

«Только что позвонили по телефону...» 35

СОНЕТ О МОСКВЕ 35

ЦИТАТА В РЕЗОНАНС 36

ЧАРЫ ИСКУССТВА (Москва) 37

У КОСТРА 37

НАТЮРМОРТЫ ЭПОХИ 38

«Как жил когда-то Горький...»	39
АХ, НАСТАСЬЯ.. (2-я внучка)	40
«Полвека знаю я тебя...»	40
ПОСЛАНИЕ К ВЕРЕ (1-й супруге сына).....	41
ЧУЖОЙ ОБЫЧАЙ	43
ПОСЛАНИЕ ОЛЕГУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КОРВЯКОВУ	44
«Разбилось стекло — это плакал старик...»	46
«Мы водку пьём за упокой...»	46
«Когда расстался с грудью матери...»	47
ПРОЩАНИЕ С МОСКВОЙ 2010 ГОДА (цикл)	
«Был я парень бунтарский...»	48
«Неужто я жив.. И моё поколение...»	48
«Приходи ко мне, родная...»	49
«Сколько Рок ещё судит...»	49
«Когда ребёночка ручонка...»	50
«Есть ощущение блаженства...»	50
ДВА СОНЕТА	
«Живу с одной — молодожёном...»	51
«Как это ни было бы странным...»	52
«Александр Афанасьевич Золотов...»	52
ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ	53
«Глаза прикрыты. Стан упруг...»	54
ОТ КОРО ДО ПИСАРРО (триптих)	
«Великая плеяда стариков...»	54
«И вот — молось волшебному секрету...»	55
«Я умираю, коль ушла подруга...»	55
Какое счастье, что не стыдно.....	56

СОН ДОЧЕРИ	57
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДОЧЕРИ С НОВЫМ ГОДОМ	58

ЧАСТЬ II. МЯТЕЖНАЯ НЕЖНОСТЬ

(январь — апрель 2011)

ВСПОМИНАЯ МИЛУ	60
ИРОЧКЕ — В НОВОМ 2011 ГОДУ	60
О МИЛЕ ОПЯТЬ	61
ДУРНЫЕ СНЫ В НОВОГОДЬЕ	62
ПОКА Я ЖИВ	62
«Счастье — это соучастье...»	63

ТРИ ДОРОЖНЫХ СОНЕТА

«Хрустальный лес. Кристальный лес...»	64
«О! Скопидомства одолень...»	64
«Как страшно ездить по России...»	65

КАСЛИ	66
МИЛА НА ЮГЕ В 69 ГОДУ	66
«Какое чудо — Женщина на свете...»	67
«Если женщина дорога...»	68
НА ЗИМНИХ КАЧЕЛЯХ	68
«Как мы жили без тебя...»	69
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЗЕЛИИ	70
«А мне не наплевать...»	70
МИЛИНЫ ИЗЯЩЕСТВА	71

СОНЕТЫ О ЗАВИСТИ ЛЮДСКОЙ

«О, любящая женщины душа...»	73
------------------------------------	----

«Она готова бросить дом и мать...»	73
САЛФЕТКИ МИЛЫ	74
ДИПТИХ ФЛЮРЕ	
«Да, мы ответственны за всё...»	75
«Сказать иного не могу...»	75
ЗА ЧТО (диптих)	
«Быть преданным Тебе...»	76
«Я рядом бы лежать...»	76
ОСЕННЯЯ ЖЕНЩИНА (цикл)	
«Бывали дни цветения...»	77
«Твоя мятежная душа...»	78
«Озарённая поздней любовью...»	79
«Когда взойдёт далёкая звезда...»	79
«Изящной мудрости характер...»	80
НА 80-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ	
ИВАНА ГЕОРГИЕВИЧА ШЕПЕЛЕВА	80
О ПОПЕ И БАЛДЕ	81
СТИХИ К МИЛЕ	82
СТИХИ К ФЛЮРЕ	83
СОКРУШЕНИЕ СЕРДЦА (цикл)	
«Любимый город.. И мороз...»	83
«Природы нам не обмануть...»	84
«Вот появляется культура...»	85
«Да, падают штандарты Рима...»	85
ГИМН УХОДЯЩИМ	86
ВETERАНУ ВОЙНЫ АНДРИАНОВУ (86 лет)	87
«Люблю красивых стариков...»	87

ОДИНОЧЕСТВО И ТЫ (цикл)	
«Сомнительности истины любви...»	88
«На расстоянии почувствовать голос...»	89
«Сомневаюсь. Сомневаюсь...»	89
«Не поступаясь точками в пунктире...»	90
«Осколками серебряного века...»	90
«Ты красива, как ранняя осень...»	91
«Любимая! Спасение моё!..»	92
ФЕВРАЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ	93
«Развалины зданий под снегом...»	93
«Ах, эта горная дорога...»	94
«На фоне снега на горе...»	94
«Вот и исчезли эти пироги...»	95
«Что жизнь полноценна...»	95
МАША — МАМЕ	96
ФРАНЦУЗСКИЕ ДУХИ (сонет)	97
ОБЫДЕННОСТЬ	97
ЕВРАЗИЯ РЯДОМ (сонет)	98
ЯПОНСКИЙ КОШМАР	99
ЗАЗИМОК У ЗАИМОК	99
«Белая берёза...»	100
РЕИНКАРНАЦИЯ ЛЮБВИ	101

И СНОВА СОНЕТЫ О МИЛЕ

«Как плачет сердце о Тебе...»	101
«Леса стоят вокруг немые...»	102
«Всё проснётся, как сжарится снег...»	102
«Ты вся присутствуешь во всём...»	103
«Это бешенство жизни живой...»	103

«Дана вторая женщина тебе...»	104
ТВОИ ИТОГИ	105
ФАТАЛИСТ	105

СОЛНЦЕПОКЛОННИКИ (триптих)

«Спит женщина в соседней комнате...»	106
«Пока она во сне беспомощно...»	107
«Свою работу черносотную...»	107

«Думал об уходе Людмилы Гурченко...»	108
--	-----

ФЛЮРЕ	108
--------------------	-----

Ты — удвоенье мира для меня,	108
------------------------------------	-----

В ЗАСЫХАЮЩЕМ САДУ	109
--------------------------------	-----

ВСТРЕЧА	110
----------------------	-----

КОМПОЗИТОРЫ УРАЛА	111
--------------------------------	-----

СОКРУШЕНИЕ СЕРДЦА	113
--------------------------------	-----

АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ	115
------------------------------	-----

ТОСКА ПО МИЛОЧКЕ	116
-------------------------------	-----

«Авантюристы-террористы...»	117
-----------------------------------	-----

КРЯЖ НА СТАНЦИИ АРГАЯШ	117
-------------------------------------	-----

СТАНЦИЯ МАУК	118
---------------------------	-----

ПОД ИТКУЛЕМ	119
--------------------------	-----

«Две молодые женщины со мной...»	119
--	-----

«Сын прилетел из Америки...»	120
------------------------------------	-----

МОСКВА ОПЯТЬ	121
---------------------------	-----

«ДАМА С ЕДИНОРОГОМ» РАФАЭЛЯ	122
--	-----

«Последнее упоминание о Миле...»	123
--	-----

НОЧНОЙ ЦИКА В МОСКВЕ

«Когда вторично сын женился...»	124
---------------------------------------	-----

«Милая, любимая, зачем Ты...»	124
«Ровно сорок шесть тому назад...»	125
СЫНУ	126
«Чем выше твой священный долг...»	127

ЧАСТЬ III. ИСПАНИЯ, КАК ВСПЫШКА (май 2010)

ОТ ДРЕВНЕГО КИТАЯ ДО КАТАЛОНИИ	130
---	-----

ХРАМ СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА	132
-------------------------------------	-----

«Со времен Вавилонской башни...»	133
--	-----

«Концентрацией духа и воли...»	133
--------------------------------------	-----

«Нет ещё башни Иисуса...»	134
---------------------------------	-----

Возле порта клумбы...»	134
------------------------------	-----

РАЗМЫШЛЕНИЕ **О МНОГОСЕРИЙНОМ БРАКЕ (триптих)**

«Находясь в стремительном потоке...»	135
--	-----

«Потому мотив любви прославлен...»	136
--	-----

«Уподобить может всё сатире...»	136
---------------------------------------	-----

ЗАЧЕМ? А ЗАТЕМ (диалог)	137
--------------------------------------	-----

БАРСЕЛОНА (Каталония)	139
------------------------------------	-----

«Когда идут по небу самолеты...»	139
--	-----

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ (новелла)	140
---	-----

«События в жизни сложены	
--------------------------	--

“крест накрест” ...»	142
----------------------------	-----

Я много видел крепостей	143
-------------------------------	-----

СОВРЕМЕННЫЕ СТАНСЫ (триптих)

«“Ноу-хау” в этой жизни...»	143
«Коли хочешь строить ад...»	144
«Адаптация возможна...»	145

О БУДУЩЕМ (микро-поэма)

СТАРИННАЯ БАРСЕЛОНА

«Мы танцуем фламенко...»

«Взглянуть на море сквозь прицел...»

«5 мая побывал в Театре-Музее...»

«У воды, на пляже, возле моря...»

6 МАЯ — ГОД НАСТЕ

«Сколько Ты не узнала, любимая...»

«Воздвигнуть памятник Тебе нерукотворный...» ..

«Предстало во мне Твоё сердце...»

«Что понял Сальвадор Дали...»

ВИДЕНИЯ АПОКАЛИПСИСА

Поседевшей матери виденье...»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ДРУГОГО МИРА

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ОДОВЕЦЕВА

«Весёлая женщина Флюра...»

ДВЕ БАНИ

«Платформа Укагач...»

«Что, если прошлое — не миф...»

«Глядя в зеркало заднего вида...»

«Настало время пенья соловьёв...»

«Бесстыдность вещей неподвластна уму...»

ЧАСТЬ IV. ЛЕТО ГОСПОДНЕ

(июнь — август 2011)

«Как я люблю тебя, родная...»

ВСЕЛЕНСКИЙ ВЗРЫВ (цикл)

«Теперь, когда я убедился...»

«Когда Давид пред Голиафом...»

«Действительно, мала Земля...»

«Да, видимость порой ничтожна...»

«И этот крик — не “саунд-трек”...»

«Опережают сорняки...»

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ (элегия)

ТЫ И ОНА

«Равнодушный не посадит деревьев...»

«Жасминовый куст зацветает, когда...»

«Когда я в земле прокопался теперь...»

«Когда ты занят наблюденьем снов...»

«Год спустя нашла подруга...»

«Две кошки.. Какую выбрать...»

«Простонародная колдунья...»

БАЛЛАДА О МАМОЧКЕ

ВИНОГРАДНАЯ НОВЕЛЛА

«Дети мои — огорода рассада...»

«А у меня прошёл четвёртый дождик...»

«Голуби обсыхают...»

«А помнишь, как был сломлен ход...»

«Небо ещё волокнисто...»

«Славная женщина — мне родная...»

«О! как ты прелестна в шубе жены,..... 193

ДЕТИ В ЭТОМ МИРЕ (триптих)

«Как страшен мир в своей красе...»..... 194

«И не желают жить вчерашним...»195

«А для грядущего есть силы...»195

МАТЕРИНСКИЙ ГОБЕЛЕН (баллада)196

«Не пишу этнографию...»..... 198

«Неужто прошлое — итог...» 199

МИФЫ МОИХ ВНУКОВ199

«Как мало мужчин в России...» 202

«Любая судьба неслучайна...» 202

«Печальна роль хозяина в годах...»..... 203

«Прошли дожди холодным серебром...» 204

«Середина июля — священные дни...» 204

«Над телом стоя расчленённым...»205

«Вот и дожил я до осени своей...» 206

РАЗГОВОР ДВОИХ ПРИЯТЕЛЕЙ207

«А облака были похожи...»..... 208

«Сомнений в будущем — не счесть...». 208

«Люблю немисливо тебя...»..... 209

«Не говори, что ты больна...».....210

«Крупные капли воды — хрустала...»210

«Разве в ночи кричат петухи?»211

ЭТО НЕ НАША КОНЦЕПЦИЯ.....211

«Лицо, как древности пергамент...» 212

ПЕЧАЛЬНЫЙ ТРИПТИХ

«Тебя мне больше не вернуть...» 213

394 —————

«Таит угрозы и безвестность...» 213

«Вся жизнь — унылое уродство...» 214

«Вселенная ветров. Послушная картина...».....215

МОЛОДОЙ ДУБОК.....215

МИГ216

«Гром и молнии были у каждого...» 217

«Шелковистость у волос на лоне...»..... 218

«Над ребёнком спящим замираю...» 218

У ОМУТА.....219

ПРОВОЖАЯ ДРУГА220

ТА ДАВНЯЯ ЗАСТОЛЬНАЯ..221

НАШЕ ВРЕМЯ (лирическая поэма)

Вступление222

Глава 1. «Непоротое поколенье»224

Глава 2. «Крушение Богов»227

Глава 3. «Обретение себя» (оттепель)..... 231

Глава 4. «Обретение смысла»234

Глава 5. «Поприще и торжище»241

Эпилог247

ВОЛШЕБНИК

ИЗ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА (новелла)..... 248

«Я ехал весь в дожде...»..... 253

МОЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА254

ГОЛУБИНАЯ ШКОЛА255

ПОСЛАНИЕ ОТ ГРАММА255

«Любезная наша Вера...» 256

К 11-ЛЕТИЮ «КУРСКА» (триптих)

«Когда мошеннику у власти...» 257

————— **395**

«Нам вдруг являются без маски...»	258
«Как подкуп — святость удержав...»	258
ВРЕМЯ ЖЕЛАНИЙ	259
«Ты сотворила целый мир...»	261
85 ЛЕТ Р. И. ЭЙЛЕНКРИГУ	261

НЕПОРОЧНОСТЬ (триптих)

«И верю я (не без сомнения)...»	262
«Да, жизнь вне власти непорочна...»	263
«Ему пока ещё удобно...»	263

В ПОЛНОЛУНИЕ 264 |

«В тот день открылся медосбор...»	265
«Вчера — жара. Сегодня — холод...»	265

ВСПОМНИВ МАНДЕЛЬШТАМА 266 |

РЕЦЕПТ ALTER EGO (Скиннер и Кидз) 267 |

«Я жить хотел бы, как лесной бобёр...»	268
«О, Господи, спасибо, что ты дал...»	268
«О, чудесное лето в деревне...»	269
«С тобою в доме всё преобразилось...»	270

Отрывок из «Литературной газеты № 31за 2011 год.

Статья «Нравственное собрание» 271 |

МАЛИНОВКА В АВГУСТЕ 271 |

«Нет большей красоты, чем время в августе...»	272
«В такие дни исхода лета...»	273
«Отжитое — не пережитое...»	273
«Низкий мой поклон тебе, подруга...»	274
«Горделиво холодное утро...»	275

«Моя божественная Флюра...»	276
«Иду, по пояс в семенах...»	276
ФЛОКСЫ	277
«Сергей Юрьевич, извините...»	278
30 АВГУСТА 2011 ГОДА	279
«Сегодня мне хочется вспомнить...»	280

ЧАСТЬ V. ГОЛЛАНДИЯ ПОД ОСЕНЬ

(сентябрь — декабрь 2011)

КИСТЬ ВИНОГРАДА	282
ИЗ РАССКАЗОВ АЛЁШИ	283
«Между Выхино и Перово...»	285
ВСПЫШКА ПАМЯТИ	286

В МУЗЕЕ АМСТЕРДАМА (триптих)

«Уютный дворик в Амстердаме...»	287
«Но всё же не были напрасны...»	288
«Пусть овладел моей державой...»	288

ДВА МУДРЕЦА (диптих)

«Как было пусто на Земле...»	289
«Сказав: “Всё будет хорошо”...»	290

О ВИЛЬГЕЛЬМЕ ОРАНСКОМ (анти-баллада)

 290 |

НОЧНАЯ ТУСОВКА В АМСТЕРДАМЕ

 291 |

КВАРТАЛ «КРАСНЫХ ФОНАРЕЙ» (триптих)

«Между каналами — кирпичные...»	292
«Пусть распаляются мечты...»	292
«Негритянский квартал проститутток...»	293

ВЕЛОСИПЕДЫ В АМСТЕРДАМЕ

 294 |

ОБАЯНИЕ РАЗУМА	295
ДОМ ЕВРЕЙСКОЙ НЕВЕСТЫ (триптих)	
«Как печально прекрасен Рембрандт...»	296
«Нищ иль знатен — едино судьбе...»	296
«Но приснился однажды ему...»	297
ПЛАЧ ИЕРЕМИИ РЕМБРАНДА	297
ХУДОЖНИКИ ЗОЛОТОГО ВЕКА	
ГОЛЛАНДИИ (1600—1700 гг.)	298
ГОРОДОК НА БЕРЕГУ МОРЯ	299
ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДЬЕ	301
ЭЛЕГИИ О ВАН ГОГЕ	
«Ван Гог — художник самоучка...»	303
«Я прожил семь десятилетий...»	304
«Зачем висит над Амстердамом...»	305
«Но в этом городе у моря...»	306
ПРОГУЛКА НА КОРАБЛИКЕ	307
О РОССИИ В ГОЛЛАНДИИ	309
ЗА ЧТО...	310
НОЧНАЯ ОРГИЯ	311
ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ПРОЧЬ	312
«Я видел Францию, Испанию...»	313
2Прибытье в русскую столицу...»	313
В МОСКВЕ НА 5 ЧАСОВ	314
Я И ОНО	315
«Однажды ты меня встречала...»	317
УТРО УТРАТ (триптих)	
«Когда приходит испытанье...»	317

«Зачем покинула меня...»	318
«Непостижима эта нить...»	318
ГРОЗА НОЧЬЮ	319
СОВСЕМ НЕДАВНЕЕ БЫЛОЕ (триптих)	
«Одна ушла. Другая — выросла...»	321
«Флюиды те теперь немислимы...»	322
«Как клятвы женщина распутная...»	322
СБОР ЯБЛОК	323
ВСТРЕЧА С СОСЕДОМ (баллада).....	324
ПОХОРОНЫ С. И. ЗАГРЕБИНА	325
«Я вырос впервые в России...»	326
«Ты жива только в сердце моём...»	326
СТО ВЕЛИКИХ РУССКИХ	327
НОЧЬ НА 7 ОКТЯБРЯ (после Варламова)	330
«Я вылепил Тебя любовью...»	331
«Катастрофически мала...»	331
НОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ФЛЮРЕ	332
ДРУГ — ДРУГУ	333
«Два внука у меня...»	333
ЕВРАЗИЙСТВО РЯДОМ	334
ИСКУПЛЕНИЕ (триптих)	
«Фальсификация ущербна...»	335
«Одолевая спесь и злость...»	336
«Иль стал я вправду ненормальным...»	336
«Илья Ильич Палей... Хохляцкий...»	337
«Тем, что чужды самообмана...»	338
ДОЧЕРИ НА НОВЫЙ 2012 ГОД	339

ЧАСТЬ VI.

ИЗ СОКРОВИЩ ЛИЧНОГО АРХИВА	
ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ОТЦА.....	342
1956 ГОД.....	346
ОБОЛЕНСКИЙ — 110 «СИМВОЛ ВЕРЫ»	369
Л. ОБОЛЕНСКИЙ «Я ПОМНЮ»	
ТЕМА ДЛЯ ИМПРОВИЗАЦИЙ	374

Кирилл Алексеевич Шишов

Реинкарнация любви

Верстка В. Б. Феркель

Подписано в печать 29.03.12 г.
Формат 70×100/32. Гарнитура Лазурского.
Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 16,41.

Тираж 200 экз.

Издательство «Цицero»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано типографии «Фотохудожник».
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155а.